

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

**Журнал основан в 2004 г.
Выходит 4 раза в год**

№ 4 (76) 2023

FORENSIC EXAMINATION

**The journal is founded in 2004
Published 4 times a year**

Волгоград – 2023

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза /
Forensic examination. –
Волгоград :
ВА МВД России, 2023. –
№ 4 (76). – 164 с.

**Учредитель
и издатель –
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2004 г. Выходит 4 раза
в год тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ручкин Виталий Анатольевич, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Наталья Николаевна Шведова, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

1. Аминев Фарит Гизарович, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.
2. Аубакирова Анна Александровна, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, доктор юридических наук, профессор.
3. Бардаченко Алексей Николаевич, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
4. Бобовкин Михаил Викторович, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.
5. Бочарова Ольга Станиславовна, доцент кафедры правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске Республики Беларусь, кандидат юридических наук.
6. Вехов Виталий Борисович, профессор кафедры безопасности в цифровом мире Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор.
7. Галяшина Елена Игоревна, и. о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.
8. Досова Анна Владимировна, начальник кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
9. Дронова Ольга Борисовна, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.
10. Зайцева Елена Александровна, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-77511
от 31 декабря 2019 г.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» – **46462**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/sudek/

Редактор
У. В. Наумова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

Подписано в печать:
22.12.2023

Дата выхода в свет:
27.12.2023

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 20,5.
Усл. печ. л. 19,1.
Тираж 500 (1 – 300).
Заказ № 69

Цена по подписке
на 2023 г. по каталогу
«Пресса России»
1408,00 руб. (2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Коммунистическая,
д. 36

© Волгоградская
академия
МВД России, 2023

11. Зинин Александр Михайлович, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

12. Китаев Евгений Владимирович, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

13. Кокин Андрей Васильевич, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

14. Колотушкин Сергей Михайлович, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

15. Котельникова Дина Валериевна, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь).

16. Кошманов Петр Михайлович, начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

17. Курин Алексей Александрович, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.

18. Латышов Игорь Владимирович, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

19. Майлис Надежда Павловна, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

20. Моисеева Татьяна Федоровна, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

21. Прокофьева Елена Васильевна, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат физико-математических наук.

22. Россинская Елена Рафаиловна, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

23. Рубис Александр Сергеевич, профессор кафедры криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

24. Сейтенов Калиолла Кабаевич, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

25. Симонова Светлана Валентиновна, начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

26. Соколова Ольга Александровна, профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА / No 4 (76)
FORENSIC EXAMINATION 2023

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза /
Forensic examination. –
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2023. –
No 4 (76). – 164 p.

**Founder
and publisher –
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

The journal is founded
in 2004
Published 4 times a year
with the circulation
of 500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific editions
where main research
and results of PhD
doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system of the
Russian science citation
index. Full-text versions
of articles and biblio-
graphic lists are placed
on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI No FS77-77511
of December 31, 2019

EDITOR-IN-CHIEF

Ruchkin Vitalii Anatolevich, professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Natalia Nikolaevna Shvedova, professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

The editorial council

1. Aminev Farit Gizarovich, professor, department of forensics, Law institute of Ufa University of Science and Technology, doctor of juridical sciences, professor.

2. Aubakirova Anna Aleksandrovna, head of the department of professional psychological training and management of internal affairs bodies, Esbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, professor.

3. Bardachenko Aleksei Nikolaevich, head of the department of traceology and ballistics, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

4. Bobovkin Mikhail Viktorovich, professor, department of document examination, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

5. Bocharova Olga Stanislavovna, associate professor, department of legal studies, branch of Russian State Social University in Minsk, the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences.

6. Vekhov Vitalii Borisovich, professor, department of security in the digital world, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), doctor of juridical sciences, professor.

7. Galiashina Elena Igorevna, acting head, department of criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

8. Dosova Anna Vladimirovna, head of the department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences.

9. Dronova Olga Borisovna, professor, department of criminalistic technique, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

10. Zaitseva Elena Aleksandrovna, professor, department of criminal procedure, training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **46462**

Website of the journal:
www.va-mvd.ru/sudek/

Editor
U. V. Naumova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd
region, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130

Signed to print:
22.12.2023

Date of publication:
27.12.2023

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 20,5.
Conventional
print sheets 19,1.
500 (1 – 300) copies.
Order No 69

Subscription price
for the 2023
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1408,00 RUB.
(2 numbers)

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd
region, Volgograd,
Kommunisticheskaya
street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2023

11. Zinin Aleksandr Mikhailovich, professor, department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

12. Kitaev Evgenii Vladimirovich, associate professor, department of traceology and ballistics, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

13. Kokin Andrei Vasilevich, professor, department of weapon studies and traceology, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

14. Kolotushkin Sergei Mikhailovich, professor, department of forensic examination and forensics, Russian State University of Justice, doctor of juridical sciences, professor.

15. Kotelnikova Dina Valerievna, associate professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences (executive secretary).

16. Koshmanov Petr Mikhailovich, head of the training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

17. Kurin Aleksei Aleksandrovich, associate professor, department of criminalistics, training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of technical sciences, associate professor.

18. Latyшов Igor Vladimirovich, professor, department of forensic examination and research, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

19. Mailis Nadezhda Pavlovna, professor, department of weapon studies and traceology, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

20. Moiseeva Tatiana Fedorovna, head of the department of forensic examination and forensics, Russian State University of Justice, doctor of juridical sciences, professor.

21. Prokofeva Elena Vasilevna, associate professor, department of criminalistic technique, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of physico-mathematical sciences.

22. Rossinskaia Elena Rafailovna, head of the department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

23. Rubis Aleksandr Sergeevich, professor, department of forensics, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, doctor of juridical sciences, professor.

24. Seitenov Kaliolla Kabaevich, first vice-rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, professor.

25. Simonova Svetlana Valentinovna, head of the department of document examination, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences.

26. Sokolova Olga Aleksandrovna, professor, department of expert-criminalistic activity, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Волынский А. Ф., Хаскина В. Ю.
Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: опыт прошлого, проблемы настоящего и взгляд в будущее

Зайцева Е. А.
Заключение специалиста: возвращаясь к напечатанному

Шаров В. И.
К понятию объекта судебной экспертизы

Аминев Ф. Г., Арутюнов А. С.
О соотношении экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А.
Комплексные судебно-почерковедческие исследования: проблемы теории и практики

Сokolova O. A.
Совершенствование классификации объектов судебной экспертизы

Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н.
Социально-биологическая характеристика личности воров в законе грузинской национальности

CONTENTS

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

8 *Volynsky A. F., Haskina V. Yu.*
Scientific and technical support for criminal procedure: past experience, the problem of the present and a look into the future

18 *Zaitseva E. A.*
Expert opinion: back to the printed

29 *Sharov V. I.*
To the concept of the object of forensic examination

36 *Aminev F. G., Arutyunov A. S.*
On the issue of the relationship of expert and forensics and forensic expert activities

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

47 *Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Solovieva N. A.*
Complex forensic handbook research: problems of theory and practice

54 *Sokolova O. A.*
Improving the classification objects of forensic examination

64 *Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitaev N. N.*
Socio-biological characteristics of the personality of thieves in law of Georgian nationality

Латышов И. В., Пахомов М. Е.
Применение термического метода
для выявления следов рук,
оставленных на кассовых чеках

Захаров И. П.
Латентные трасологические следы,
образованные кровью, – значимый
источник криминалистической
информации

Нурушев А. А., Становая О. В.
Криминалистическое исследование
самозарядного охотничьего
карабина модели
«МА-Винторез-7,62»

Давыдов Е. В., Гладких И. Н.
Возможности использования
аналитического рисунка головы
человека в целях розыска лиц
по их фотоизображениям

Потокина Л. И.
Интегративный подход в решении
задач экспертизы современных
пломбирочных устройств

Злобин С. Г.
Проблемы информационного
обеспечения назначения
и производства
судебно-баллистических экспертиз
деактивированного
огнестрельного оружия

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ

Токарева Е. В., Демидова Т. В.
О результатах применения
алгоритма действий эксперта
при производстве
трасологических экспертиз следов
по их фотоизображениям

Бобовкин А. М.
Основные методические
положения и методика
судебно-почерковедческой
экспертизы рукописей иноязычного
графического состава

77 *Latyshov I. V., Pakhomov M. E.*
Application of a thermal method
to detect handprints left
on cash register receipts

85 *Zakharov I. P.*
Latent tracological traces
formed by blood
are a significant source
of forensic information

102 *Nurushev A. A., Stanovaia O. V.*
Forensic study
of a self-loading
hunting carbine
of the "MA-Vintorez-7,62" model

111 *Davydov Eu. V., Gladkikh I. N.*
The possibilities of using an analytical
drawing of a person's head in order
to search for persons
based on their photographic images

125 *Potokina L. I.*
Integrative approach in solving
the problems of examination
of modern sealing devices

132 *Zlobin S. G.*
Problems of information support
for the appointment and production
of forensic ballistic examinations
of deactivated firearms

SCIENTIFIC DISCUSSION AND EXPERIENCE EXCHANGE

141 *Tokareva E. V., Demidova T. V.*
On the results of the application
of the algorithm
of expert actions in the production
of tracological examinations
of photographic images

148 *Bobovkin A. M.*
The main methodological provisions
and methodology of forensic inspection
of manuscripts of foreign language
graphic composition

УДК 340.69(09)
doi: 10.25724/VAMVD.A172

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
ОПЫТ ПРОШЛОГО, ПРОБЛЕМА НАСТОЯЩЕГО
И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ**

Александр Фомич Волынский**, *Валерия Юрьевна Хаскина**

* Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
svetzhavoron@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
tkachvaleri@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа причин и условий межведомственных противоречий в процессе возникновения и развития в России криминалистики и судебной экспертизы делается вывод о несоответствии системы организации и правовой регламентации экспертно-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности уровню развития техники и задачам выявления, раскрытия и расследования высокотехнологичных преступлений; обосновывается необходимость программно-целевого обеспечения разработки и внедрения в деятельность правоохранительных органов адекватных методов, средств и организационно-правовых форм их использования.

Ключевые слова: криминалистика, экспертно-криминалистическая деятельность, судебная экспертиза, узковедомственный подход, противоречия, идеологическая кампания, безрезультатные дискуссии, система, научно-техническое обеспечение, судопроизводство

Для цитирования: Волынский А. Ф., Хаскина В. Ю. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: опыт прошлого, проблема настоящего и взгляд в будущее // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 8–17. doi: 10.25724/VAMVD.A172

**SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT
FOR CRIMINAL PROCEDURE:
PAST EXPERIENCE, THE PROBLEM OF THE PRESENT
AND A LOOK INTO THE FUTURE**

Alexander Fomich Volynsky**, *Valeria Yuryevna Haskina**

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, svetzhavoron@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
tkachvaleri@mail.ru

Abstract. The article, based on the analysis of the causes and conditions of interdepartmental contradictions in the process of the emergence and development of criminalistics and forensic examination in Russia, concludes that the system of organization

© Волынский А. Ф., Хаскина В. Ю., 2023

and legal regulation of forensic and forensic activities does not correspond to the level of technology development and the tasks of identifying, disclosing and investigating high-tech crimes; justifies the need for program-targeted support for the development and implementation of adequate methods, means and organizational and legal forms of their use in the activities of law enforcement agencies.

Keywords: criminalistics, forensic activity, forensic examination, narrow-departmental approach, contradictions, ideological campaign, inconclusive discussions, system, scientific and technical support, judicial proceedings

For citation: Volynsky A. F., Haskina V. Yu. Scientific and technical support for criminal procedure: past experience, the problem of the present and a look into the future. Forensic Examination, 8–17, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A172

Начало формирования в МВД России экспертно-криминалистической службы (далее – ЭКС) и системы подразделений, представляющих ее в территориальных органах полиции, было положено созданием в 1908 г. в губернских управлениях полиции регистрационных бюро (кабинетов), сотрудники которых обязывались оказывать помощь полиции и следователям в производстве следственных действий, в том числе при осмотре места происшествия, проводить исследования изымаемых доказательств [1].

Данный исторический факт убедительно свидетельствует, во-первых, об объективной потребности органов полиции (дознания) в осуществлении экспертно-криминалистической деятельности (далее – ЭКД), во-вторых, о закономерно проявляющейся возможности удовлетворения такой потребности на основе достижений науки и техники при условии, что этот процесс сопровождается должной организацией выявления и приспособления соответствующих возможностей к повседневной практической работе правоохранительных органов.

Кстати, заметим, что основание в ведомстве ЭКС связывается с фактом формирования в марте 1919 г. кабинета судебных экспертиз при Центророзыске Советской России. Преобразование его в научно-технический подотдел, а затем в отдел (НТО) и создание системы таких подразделений по всей стране, включая союзные республики (с 1924 г.), по существу, представляют собой не становление некой новой системы научно-технического обеспечения деятельности милиции, а «реанимацию» регистрационных бюро полиции, но под другим названием. Как и прежде, их сотрудники, совмещая в одном лице функции специалиста и эксперта-криминалиста, участвовали в производстве следственных действий, проводили криминалистические экспертизы и исследования, обеспечивали ведение криминалистической регистрации [2; 3].

Однако в то время на эффективности деятельности этих подразделений не лучшим образом сказывалась их организационная нестабильность. В 1930 г. НТО Центророзыска был включен в Управление уголовного розыска, а в 1940 г. в виде отделения – в состав спецотделов Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. Через год оно передано в состав оперативного отдела НКВД СССР, а в 1945 г. преобразовано в отдел Главного управления милиции, при котором создается НИИ криминалистики. Но и этому институту не суждено было длительное существование. Уже в начале 60-х гг. он преобразу-

ется в НИИ милиции, а затем во Всесоюзный НИИ МВД СССР с соответствующей корректировкой научных исследований: в основном «фундаментальных проблем» борьбы с преступностью.

НТО милиции практически полностью удовлетворяло потребности следственных органов и судов в производстве судебных экспертиз; ими обеспечивалось проведение более 80 % экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам в начале 60-х гг. прошлого века. Однако столь активная и масштабная деятельность противоречила идее формирования мощной системы судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ) Минюста СССР, которая в определенной мере была инициирована и осуществлялась в контексте мер проводившейся идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий» [4].

Вот так в стремлении к созданию более совершенной системы СЭУ Минюста СССР была фактически разрушена исторически сформировавшаяся и неплохо себя зарекомендовавшая система НТО милиции. С тех пор прошло около 60 лет. Через шесть лет (1966 г.) было восстановлено союзное министерство (МООП СССР), через два года получившее прежнее название МВД СССР [5]. Фактически возрождена система НТО милиции или, в современном представлении, экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел (далее – ЭКП ОВД). Казалось бы, ошибочность разрушительных решений того времени доказана историей и самой практикой деятельности правоохранительных органов. Еще в условиях организационного раздора (1960 г.) в Высшей школе МООП РСФСР была организована подготовка экспертов-криминалистов высшей квалификации.

Но сформировавшиеся тогда, мягко говоря, противоречивые межведомственные отношения до сих пор крайне негативно сказываются на организации и правовом обеспечении деятельности как СЭУ системы Минюста, так и ЭКП ОВД. При этом продолжают бесплодные бескомпромиссные дискуссии, суть которых сводится к выяснению, где «экспертизы научнее, а эксперты процессуально независимее». В то же время остаются несогласованными ведомственные классификации судебных экспертиз, соответственно не стандартизируются их методики; законодательно не урегулирована деятельность частных экспертов и негосударственных экспертных учреждений [6–8].

Увлеченно отстаивая свое право на производство судебных экспертиз, ЭКС МВД России, судя по всему, не заметила, как упустила основное направление ее деятельности – экспертно-криминалистическое. До сих пор не сформировано системное представление о ней: понятие, содержание, задачи, методы и средства их решения, правовое значение ее результатов, в том числе исследований специалистов, осуществляющих эту деятельность.

Сложившаяся в данном отношении ситуация была обусловлена не только указанными выше внешнесистемными, но и внутрисистемными факторами, как объективными, так и субъективными. На основе достижений науки и техники расширялись возможности экспертов-криминалистов. Объектами их исследований еще в 50-х гг. XX в. все чаще становились, наряду с сугубо криминалистическими следами преступлений (рук, обуви, орудий взлома, оружия и т. п.), так называемые нетрадиционные объекты (вещества, материалы, микрочастицы, волосы, волокна и т. п.). В то время в НТО милиции были востребованы специалисты –

физики, химики, биологи, получившие соответствующее образование, но имевшие элементарные представления о праве и правоотношениях, преступности и преступлениях, а тем более о криминалистике и ЭКД [2; 7]. Они предпочитали, и это объяснимо, делать то, чему их учили и что они умеют: проводить исследования в комфортных условиях лаборатории.

В середине 80-х гг. прошлого века эксперты с естественно-техническим образованием составляли более 40 % от общей штатной численности ЭКП ОВД, на рубеже веков – около 60 %. Справедливости ради заметим: многие из них стали высокопрофессиональными судебными экспертами-исследователями. Более того, нередко из их среды назначались руководители Экспертно-криминалистического центра (далее – ЭКЦ) МВД России, а сугубо судебно-экспертный уклон в деятельности ЭКС МВД России приобретал характер официальных установок. Возобладало мнение, – писал В. А. Снетков (начальник ЭКЦ МВД России в 1984–1991 гг.), – что применение техники при производстве следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий «наилучшим образом может быть осуществлено» самими следователями и оперативными работниками, а основная задача экспертов ЭКЦ ОВД – производство экспертиз и исследований [9]. Применение техники обозначается как самоцель.

Из той же серии – предписания приказа МВД СССР № 170 1989 г., посвященного совершенствованию деятельности ЭКП ОВД, о том, что специалистов-криминалистов таких подразделений следует привлекать к осмотру мест происшествий только по тяжким и самым тяжким преступлениям. Судя по всему, проект данного приказа готовился сотрудниками, имевшими отдаленное представление о преступности и преступлениях, тем более о том, что многие тяжкие преступления раскрываются начиная с мелочовки и в криминалистической практике мелочей не бывает. Подобные организационные установки можно объяснить малой штатной численностью ЭКЦ ОВД (в то время около 6,5 тыс.), возрастающим количеством регистрируемых преступлений. В этих условиях, как нам представляется, просто напрашивалось предложение о применении в системе МВД СССР опыта работы следователей-криминалистов в органах прокуратуры, чтобы таким образом добиться повсеместной и массовой реализации возможностей криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений.

Однако такие руководящие установки сочетались с экстенсивным развитием ЭКС министерства: расширялась сеть ЭКП ОВД, увеличивалась штатная численность их сотрудников (в настоящее время около 17 тыс.), и, что не менее важно, более сложной конструктивно и многофункциональной по назначению становилась используемая ими криминалистическая техника, но неизменной, начиная с регистрационных бюро полиции Российской империи, оставалась и остается организация ее использования. Как и прежде, в регистрационных бюро ЭКП ОВД в одном лице совмещены функции экспертов и специалистов.

Это крайне отрицательно влияет на производительность их труда как экспертов и профессиональную подготовку как специалистов, а в конечном итоге на эффективность деятельности. Даже в образовательных организациях МВД России готовят уже не экспертов-криминалистов, а судебных экспертов, причем игнорируется прописная истина, что уровень развития техники определяет систему организации ее использования. Особенно наглядно и остропроблемно это отра-

жается в настоящее время, в условиях цифровизации экономико-правовых и общественных отношений, когда ежегодно отмечается кратный рост компьютерно-информационных (высокотехнологичных) преступлений.

В таких условиях по-другому проявились последствия дифференциации криминалистических знаний как один из результатов упоминавшейся «борьбы с последствиями культа личности в судебной экспертизе». Из криминалистики наряду с другими видами судебных экспертиз была «отпчована» и криминалистическая экспертиза, предопределившая, как отмечалось выше, возникновение этой науки и изначально выступавшая в числе важнейших элементов ЭКД. Возражения по поводу данной идеи ведущих ученых-криминалистов того времени (Б. М. Комаринца, С. П. Митричева, Н. А. Селиванова и др.) сперва побудили отказаться от нее даже убежденного сторонника директора ЦНИИСЭ А. Р. Шляхова. Однако опубликованная А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской статья «Судебная экспертология – новая отрасль науки» (Социалистическая законность. 1973. № 11) придала импульс «научному сепаратизму» в отечественной криминалистике.

Казалось бы, ничего плохого в этом нет. Судебная экспертиза действительно заслуживает особого внимания, но как средство доказывания, тем более в современных условиях рыночных социально-экономических отношений и развития международных связей, когда она все чаще используется при расследовании межгосударственных военных конфликтов и экономических споров. Но, как известно, важны не сами по себе идеи и намерения, а их исполнение. И именно в этом проявились негативные последствия реализации данной идеи [7; 10].

Лозунгово и навязчиво обозначая дифференциацию научного знания как закономерность развития наук, ее сторонники в криминалистике не учли «сущую мелочь» – особенности связанного с этим процесса в области прикладных наук, к каковым относится и криминалистика. Не учли они, судя по всему, что при этом «рвутся» не только знания и научные теории, но и практически значимые интеграционные связи, что противоречило самой природе криминалистики как науки о раскрытии и расследовании преступлений, интегрирующей в этих целях достижения естественных, технических, гуманитарных, в том числе правовых наук.

Вместе с тем судебные эксперты сосредоточили основное внимание на теории и методологии судебной экспертизы (понятии, предмете, системе, задачах и т. д.), вопросах ее самоутверждения как науки. Примечательный в этом отношении факт: еще в 80-х гг. XX в. диссертационные исследования по отдельным видам криминалистических (судебных) экспертиз содержали если не главу, то параграф по правовой и фактической оценке результатов соответствующей экспертизы и их использованию в решении задач раскрытия и расследования преступлений. А сегодня встречаются диссертации по судебной-экспертной проблематике, в которых термины «право и правоотношения», «доказательство и процесс доказывания» в лучшем случае упоминаются, не говоря уже о применении их результатов в раскрытии и расследовании преступлений.

Важнейшими составляющими данной системы традиционно выступают два вида деятельности – экспертно-криминалистическая и судебная-экспертная (далее – СЭД), и при некотором внешнем сходстве они совершенно разные по содержанию, тактическим целям, задачам, средствам и методам их решения. Если

разобраться, то ЭКД имеет первостепенное значение в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Ее результаты во многом определяют успешное раскрытие и расследование преступлений, в том числе по горячим следам [11], а вместе с тем и эффективность СЭД. Судебные эксперты исследуют в основном то, что обнаружено и изъято в порядке ЭКД, поэтому крайне важно сегодня, наверстывая упущенное в прошлые годы, исправляя вектор развития ЭКС МВД России, особое внимание обратить на совершенствование организационного и правового обеспечения ЭКД [7].

Между тем чрезвычайно выросла роль ЭКД прежде всего в форме компьютерной криминалистики, ведется поиск адекватного ответа на вызовы современной высокотехнологичной преступности. В связи с этим заметим, что в нашей стране с 2010 по 2020 г. зафиксировано увеличение в 35 раз компьютерных преступлений и сокращение на 162 % традиционных экономических преступлений. За это же время практически в два раза снизилось количество специальных исследований и более чем на 100 тыс. судебных экспертиз, проводимых в ЭКП ОВД [12]. Все настойчивее заявляют о себе проблемы дистанционного производства следственных действий, требующие надлежащих технических организационных и правовых решений, и в их реализации незаменима помощь специалистов. Указанная статистика наглядно свидетельствует не только о количественных и качественных изменениях преступности, но и о несовершенстве, архаичности организации деятельности ЭКП ОВД, ее несоответствии, как уже отмечалось, уровню развития техники и задачам, решаемым с ее использованием. Отсюда следует вывод – системные задачи необходимо решать системно. Компьютерная техника и информационные технологии всего лишь средства реализации правовых предписаний, которые также должны унифицироваться под стать этим технологиям [13].

Результаты краткого экскурса в историю возникновения и развития в нашей стране ЭКД и СЭД подтверждают отсутствие выверенного государственного программного обеспечения этого процесса, доминирующее влияние на него узковедомственных представлений о научно-техническом обеспечении уголовного судопроизводства. Очевидно, что в условиях всеобщей цифровизации проблема научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства приобрела системный, многоаспектный научно-практический характер. Она не может быть успешно преодолена разрозненным решением проблем отдельно взятых ее элементов, к числу которых относятся ЭКД и СЭД. Это задача государственного уровня, следовательно, ее решение требует программно-целевого обеспечения, возможно, на правительственном уровне.

Очень важно изначально определить основные принципы, которыми следует руководствоваться при ее формировании. Более того, особого внимания заслуживает принцип экономичности в связи с созданием в нашей стране вместо ранее действовавшей моносистемы правоохранительных ведомств (МВД + КГБ) полисистемы (СК России, МЧС, ФТС, национальная гвардия и др.). Традиционно действуют и судебно-медицинские бюро в системе Минздрава России. Все указанные выше министерства и ведомства объективно нуждаются в ЭКП и СЭУ, оснащенных современной исследовательской техникой.

Без математических расчетов на умозрительном уровне легко представить, какими суммами исчисляется стоимость дорогостоящей, в основном импортной исследовательской техники, тем более рассредоточиваемой по ведомственным

ЭКП и СЭУ, действующим в одних и тех же регионах страны, насколько низок будет коэффициент ее полезного действия. Очевидны издержки и в организации деятельности их сотрудников, обмене опытом и профессиональном росте.

Анализ сложившейся в этом отношении практики однозначно убеждает в необходимости организационного разграничения в ЭКС МВД России ЭКД и СЭД (по примеру СК России и с учетом опыта зарубежных стран). Соответственно, следует рассчитать объемы работ, выполняемых по этим направлениям деятельности, и определить штатную численность, прежде всего, судебно-экспертных подразделений, которые должны действовать на научно-технической базе уже созданной в ЭКП системы МВД России. В перспективе не исключено их объединение с судебно-экспертными подразделениями СК России и образование единой межведомственной (для всех правоохранительных министерств и ведомств) судебно-экспертной службы.

Создание альтернативной судебно-экспертной системы было бы серьезной гарантией объективности и достоверности заключений экспертов, намного более значимой, чем процессуальная независимость отдельно взятого судебного эксперта. Следует также учитывать особенности ЭКД в уголовном и гражданском судопроизводстве. СЭУ Минюста России могли бы специализироваться на производстве экспертиз по гражданским и арбитражным делам и вместе с тем выполнять повторные экспертизы по заданию органов прокуратуры и судов.

Сотрудники ЭКС МВД России, обязанные осуществлять ЭКД в порядке сопровождения процесса выявления, раскрытия и расследования преступлений, должны иметь универсальную технико-криминалистическую подготовку, в том числе в области компьютерной криминалистики, и находиться непосредственно в территориальных ОВД в состоянии постоянной готовности к взаимодействию со следователями (дознавателями), оперативными сотрудниками. Поскольку их штатные возможности, как отмечалось, весьма ограничены, а потребности в них постоянно возрастают и уже проявляются практически повсеместно, представляется вполне оправданным воспользоваться опытом СК России, где успешно действует институт следователей-криминалистов. Следовало бы также законодательно определить сущность и содержание ЭКД, правовое положение осуществляющих ее сотрудников, порядок производства ими исследований и правовой оценки их результатов.

И в заключение единую государственную систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в настоящее время невозможно представить без частных СЭУ. Это порождение рыночных отношений удачно сочетается с ускоряющимся развитием науки и техники, достижения которых более оперативно осваиваются такими учреждениями. Однако их деятельность в нашей стране до сих пор организационно не упорядочена и законодательно не урегулирована.

Например, в европейских социалистических странах в свое время законодательно был определен порядок создания и организации деятельности так называемых присяжных экспертов. Все они включались в общегосударственный (по регионам) реестр с указанием образования, экспертной специальности, стажа работы и, что очень важно, ее характеристики по результатам их участия в рассмотрении уголовных дел в суде. Повторяющееся ошибочное заключение – основание для переподготовки или лишения лицензии на экспертную деятельность.

Особого внимания заслуживает вопрос о формировании частно-государственных СЭУ на базе профильных образовательных и научно-исследовательских учреждений. Это, как нам представляется, один из возможных вариантов выполнения поручения Правительства РФ «О создании негосударственных организаций» для разработки проблем компьютерной криминалистики.

Список источников

1. Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России. Москва: Лекс Эст, 2005. 373 с.
2. Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы: сборник. Вып. 1 (11). Москва: Юрид. лит., 1964. С. 6–64.
3. Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 188 с.
4. Волынский А. Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
5. МВД России: энциклопедия. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 623 с.
6. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 53 с.
7. Волынский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.
8. Волынский А. Ф. Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16, № 1. С. 130–139.
9. Снежков В. А. Проблемы повышения эффективности экспертно-криминалистической службы (в период 1984–1991 гг.) // 85 лет Экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел. Москва, 2004. С. 111–125.
10. Хазиев Ш. Н. Теоретические основы организации международного сотрудничества в области судебной-экспертной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. 462 с.
11. Лавров В. П. Расследование преступлений по горячим следам. Москва: Академия управления МВД РФ, 1989. 56 с.
12. Отчет о результатах межвузовского (межведомственного) научного исследования по теме «Экспертно-криминалистическая деятельность и компьютерная криминалистика». Москва: МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя: МосАк СК России, 2021.
13. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. Москва: Экономика, 2020. 475 с.

References

1. Koldaev V. M. From the history of practical criminology in Russia. Moscow: Lex Est; 2005: 373. (In Russ.).
2. Komarinets B. M. Participation of forensic experts in conducting investigative actions on particularly dangerous crimes against the person. In: Theory and practice of forensic examination. Collection. Moscow: Legal literature Press; 1964: 6–64. (In Russ.).
3. Krylov I. F. Essays on the history of criminology and forensic examination. Leningrad: Leningrad University Press; 1975: 188. (In Russ.).
4. Volynsky A. F. To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: unexplored history lessons. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 90–100, 2019. (In Russ.).
5. Ministry of Internal Affairs of Russia. Encyclopedia. Moscow: OLMA-PRESS; 2002: 623. (In Russ.).
6. Aminev F. G. Forensic expert activity in the Russian Federation: modern problems and ways of their solutions. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov on Don; 2016: 53. (In Russ.).
7. Volynsky A. F. The subject of criminology and "scientific separatism": consequences and possibilities of overcoming them. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 175–185, 2018. (In Russ.).
8. Volynsky A. F. Necessity of the state system of scientific and technical support of criminal proceedings. Theory and practice of forensic examination, 130–139, 2021. (In Russ.).
9. Snezhkov V. A. Problems of increasing the efficiency of the forensic service (in the period 1984–1991). In: 85 years of the Forensic service of the internal affairs bodies. Moscow; 2004: 111–125. (In Russ.).
10. Khaziev Sh. N. Theoretical foundations of the organization of international cooperation in the field of forensic activity. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2016: 462. (In Russ.).
11. Lavrov V. P. Investigation of crimes in hot pursuit. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1989: 56. (In Russ.).
12. Report on the results of the interuniversity (interdepartmental) scientific research on the topic "Expert criminalistic activity and computer criminalistics". Moscow: MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot: MosAk of the IC of Russia; 2021. (In Russ.).
13. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the "traditional" and digital economy. Monograph. Moscow: Economics; 2020: 475. (In Russ.).

Волынский Александр Фомич,

профессор кафедры криминалистики Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ;
svetzhavoron@yandex.ru

Хаскина Валерия Юрьевна,

доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса экспертно-
криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук; tkachvaleri@mail.ru

Volynsky Alexander Fomich,

professor of the department of criminalistics
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation; svetzhavoron@yandex.ru

Haskina Valeria Yuryevna,

associate professor of the department of document research
of the training and scientific complex
of expert and criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences; tkachvaleri@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования
02.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 02.10.2023;
accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.148
doi: 10.25724/VAMVD.A173

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА: ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе ранее высказанных в научных публикациях автора позиций о сущности заключения специалиста как доказательства анализируется современное состояние практики вовлечения этого источника информации в доказывание по уголовным делам. Проводится ретроспектива правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации относительно правовой природы заключения специалиста, подчеркивается с учетом этих идейных ориентиров, что специалист производить исследования не вправе. В работе проанализированы предпринятые в 2021 г. корректировки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28, что привело к изменению взглядов судейского сообщества на консультационную функцию специалиста в доказывании по уголовным делам. Обосновывается, что новый подход Пленума Верховного Суда Российской Федерации, исключающий допустимость оценки специалистом заключения эксперта, ограничивает познавательные возможности суда и других субъектов доказывания.

Ключевые слова: заключение специалиста, консультационная деятельность специалиста, рецензия на заключение эксперта, институт специалиста, судебная экспертиза, правовые позиции

Для цитирования: Зайцева Е. А. Заключение специалиста: возвращаясь к напечатанному // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 18–28. doi: 10.25724/VAMVD.A173

EXPERT OPINION: BACK TO THE PRINTED

Elena Aleksandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the current state of practice of involving this source of information in evidence in criminal cases on the basis of the author's positions on the essence of the expert opinion as evidence. A retrospective of the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the legal nature of the expert's opinion is conducted, it is emphasized in the light of these ideological guidelines that the expert

---

© Зайцева Е. А., 2023

is not entitled to conduct research. The article analyses the corrections made in 2021 by the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28, which resulted in a change of opinion of the judicial community on the advisory function of a specialist in evidence in criminal cases. It is substantiated that the new approach of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which excludes the admissibility of an expert opinion assessment by a specialist, limits the cognitive possibilities of the court and other subjects of evidence.

Keywords: expert opinion, specialist consulting activity, review of expert opinion, institute of specialist, forensic expertise, legal positions

For citation: Zaitseva E. A. Expert opinion: back to the printed. Forensic Examination, 18–28, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A173

После появления в 2003 г.¹ в УПК РФ новых источников доказательств – заключений и показаний специалиста редко кто из исследователей, пишущих на тему применения специальных познаний в уголовном судопроизводстве, оставил без внимания этот долгожданный и в то же время некачественный «нормативный продукт». Автор настоящей статьи посвятил анализу данных доказательств в различном контексте как минимум 40 публикаций, в том числе 7 монографических работ, настолько притягательными с точки зрения исследовательского интереса являются вопросы, касающиеся правовой природы заключения специалиста, процедуры его получения и введения в процесс доказывания, соотношения с заключением эксперта, актом несудебной экспертизы и справкой об исследовании. Указанные аспекты «бытия» заключения специалиста в уголовном судопроизводстве создают неиссякаемую «питательную среду» для научных дискуссий ввиду правовой неопределенности нормативного регулирования подобного источника доказательств.

Ажиотаж вокруг обозначенной темы не затихает вот уже 20 лет, чему во многом способствует и сам отраслевой законодатель: чего, к примеру, стоит его противоречивое регулирование вопроса оформления заключением специалиста результатов предварительного исследования в рамках доследственной проверки, выраженное в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ применительно к изъятиям из общего порядка доказывания при проведении дознания в сокращенной форме. Напомним, что предписания о сокращенном дознании, введенные гл. 32.1 УПК РФ², были адресованы, в первую очередь, дознавателям органов внутренних дел, на которых распространяются в том числе положения п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, освобождающие их от обязанности назначать судебные экспертизы при наличии в материалах проверки результатов исследования, проведенного сотрудником экспертно-криминалистического подразделения (далее – ЭКП). При этом в системе МВД России предварительные исследования регламентируются приказом от 11 января

¹ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ расширил арсенал средств доказывания, дополнив чч. 3–4 ст. 80 и п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ нормативными установлениями о результатах деятельности специалиста.

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

2009 г. № 7, утвердившим Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ (далее – Наставление), которое **не предусматривает оформление результатов предварительных исследований заключениями специалистов**. Сотрудник ЭКП по итогам предварительного исследования и исследования при проверке сообщения о преступлении составляет «справку об исследовании» (пп. 42, 55.4 Наставления, соответственно), которую не следует ассоциировать с заключением специалиста. И хотя в тексте Наставления сотрудники ЭКП именуются «специалистами», нужно отдавать себе отчет в отраслевой принадлежности норм, вводимых в действие указанным Наставлением, а они по своей природе административные. Следовательно, термин «специалист» употребляется в данном нормативном правовом акте исключительно в контексте административных отношений, но не уголовно-процессуальных. Кстати, этот же термин присутствует в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»² при упоминании помощи «специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями», что, однако, не превращает таких участников оперативно-розыскных мероприятий в субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Не благоприятствуют единому пониманию правовой природы заключения специалиста и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), который кардинально скорректировал свой курс, обозначенный в знаменитом постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Постановление № 28)³.

Дело в том, что на фоне правовой неопределенности, генерируемой нормами ст. 80 и 226.5 УПК РФ, правовые позиции Пленума ВС РФ выстраивали единую судебную практику по вопросу использования в доказывании заключения специалиста⁴. Они как бы нивелировали пробел в праве, обусловленный поспешностью

¹ Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 (с изм., внесенными приказами МВД России от 16 мая 2016 г. № 246, от 16 августа 2018 г. № 528, от 28 ноября 2019 г. № 893, от 2 декабря 2020 г. № 828, от 9 марта 2023 г. № 126). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 85.

³ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 2.

⁴ Так, суды стали чаще признавать недопустимыми доказательствами заключения специалистов, содержащие исследовательскую часть, ответы на вопросы, которые разрешались ранее в рамках судебной экспертизы. Например, Верховный суд Республики Мордовия в приговоре от 14 апреля 2022 г. по делу А. А. констатировал, что специалист при подготовке вышеуказанного документа вышел за пределы предоставленных ему уголовно-процессуальным законом полномочий, поскольку ответил на вопрос, являющийся предметом экспертного исследования. Доводы суда первой инстанции поддержал апелляционный суд (см.: Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. по делу № 55-526/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубли.).

и непродуманностью создания новелл, введенных Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ. Учитывая ориентированность досудебного производства на взыскательные стандарты «последующего адресата доказывания», коим в отечественном процессе предстает суд, можно однозначно утверждать, что именно правовые позиции Пленума ВС РФ, закрепленные в Постановлении № 28, воспринимались не только судьями на местах, но и должностными лицами органов предварительного расследования как руководство к действию. И это – нормальное явление в условиях, когда постановление Пленума ВС РФ, выступая результатом высшего масштаба обобщения сформированной судебной практики, корректирует эту практику в русле замысла законодателя (который свой «замысел» оформил не совсем удачно в вышеупомянутом федеральном законе).

Пленум ВС РФ вполне четко (в отличие от законодателя) провел ту грань, которая разграничивает случаи привлечения эксперта и специалиста для нужд доказывания, обозначив в качестве главного отличия этих форм применения специальных знаний проведение исследования. Данный тезис открывал текст Постановления № 28 в п. 1 и находил развернутое выражение в п. 20: «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза». И даже после кардинальной корректуры ряда позиций указанного постановления в 2021 г.¹ Пленум ВС РФ подтвердил свое отношение к заключению эксперта как результату (единственному!) применения специальных знаний в форме исследования, а к заключению специалиста – как к консультации, содержащей суждения сведущего лица по специальному вопросу, входящему в его компетенцию.

Более того, позиции Пленума ВС РФ, изложенные в изначальной редакции Постановления № 28, нашли подтверждение в ряде решений Конституционного Суда РФ, который буквально процитировал в определениях от 28 января 2016 г. № 207-О², от 29 сентября 2016 г. № 2032-О³, от 27 июня 2017 г. № 1173-О⁴

¹ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума ВС РФ от 29 июня 2021 г. № 22 // РГ. 2021. 16 июля (№ 159).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чарушников Андрея Леонидовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 3.1 части второй статьи 74, статьями 80 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 28 января 2016 г. № 207-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубл.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Павла Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 2032-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубл.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Оголихина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1173-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубл.

положения абз. 1 п. 20 данного постановления, констатировав, что «...в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

По сути, в таком же ключе декларируется отличие заключения эксперта от заключения специалиста в не утратившем силу для нашей правовой системы¹ решении Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» от 27 марта 2014 г.², где утверждается «существующее в законодательстве Российской Федерации различие между двумя формами экспертных доказательств³: заключениями „экспертов” и заключениями „специалистов”, устными и письменными» (п. 167). За основу понимания природы этих доказательств в п. 189 своего решения ЕСПЧ берет правовые позиции Пленума ВС РФ, изложенные в Постановлении № 28.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному анализу, можно четко резюмировать, что и замысел законодателя, отраженный в дефинитивной норме и закрепленный в ч. 3 ст. 80 УПК РФ, и толкование этой нормы в практике отечественных судов и наднациональных судебных органов свидетельствуют о единообразном понимании заключения специалиста как источника доказательств, основанного на специальных познаниях специалиста, примененных в форме консультации, но отнюдь не в форме исследования вещественных доказательств. Последующие «зигзаги» законотворческой практики, нашедшие воплощение в новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в связи с введением сокращенной формы дознания и редукцией процедур доказывания для этого упрощенного порядка⁴, не должны поколебать сути заключения специалиста как консультационной и справочной формы применения специальных познаний.

¹ В связи с началом СВО, исключением России 16 марта 2022 г. из Совета Европы, выходом нашего государства из-под юрисдикции ЕСПЧ и денонсацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод новые решения ЕСПЧ теперь не подлежат применению в РФ. Тем не менее решения ЕСПЧ, вступившие в силу до 15 марта 2022 г. включительно, сохраняют актуальность для уголовного судопроизводства (например, в качестве источника сведений о новых обстоятельствах). См.: Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ. См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

² Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10): постановление ЕСПЧ от 27 марта 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4(04).

³ «Экспертными доказательствами» ЕСПЧ называет «источники информации, которые... содержат научный, технический и иной сходный анализ данных фактов» (см.: Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» ...).

⁴ Имеется в виду пресловутый п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, ассоциирующий заключение специалиста с «результатами исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении», который противоречит и норме ч. 3 ст. 80 УПК РФ, и правовым позициям высших судебных инстанций РФ, и ведомственной практике экспертных подразделений системы МВД России.

По большому счету такое восприятие заключения специалиста коррелирует с подходом отраслевого законодателя в Гражданском процессуальном кодексе (ст. 188), что четко отражено в нормативном предписании ч. 3 данной статьи: «Специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда». Такой же формат консультационной деятельности, за исключением ее письменного характера, закреплен в ст. 87.1 Арбитражного процессуального кодекса. Оба кодифицированных акта, в отличие от УПК РФ, избежали дублирования в наименовании доказательств, что позволило четко сориентировать практиков на различия в результатах деятельности специалистов и экспертов: эксперт пишет заключение, а специалист дает консультацию. И это, по нашему глубокому убеждению, правильный подход, грамотный с точки зрения «законов жанра» правотворческой работы. Разные названия доказательств подчеркивают их уникальность, самобытность, сущностные отличия, проистекающие из характера получения информации данными сведущими лицами.

По сути, об этом пишет Н. А. Раимжанова, утверждая, что «в качестве критерия разграничения случаев привлечения эксперта и специалиста к производству по уголовному делу необходимо использовать **деятельностно-функциональный аспект, который позволяет выявить сущностные отличия процессуальных фигур специалиста и эксперта**, а не только отличия процессуальной формы их вовлечения в правоотношения. Именно **сущностные отличия**, проявляющиеся в содержании процессуальной деятельности эксперта и специалиста, диктуют необходимость оформления **этих отличий определенными нормативными предписаниями**» [1, с. 12] (выделено нами. – *Авт.*). Содержание процессуальной деятельности: производство исследования с дачей заключения (для эксперта) или применение своих знаний в консультационной форме плюс оказание научно-технической помощи (для специалиста) – вот правильное понимание целей привлечения к доказыванию этих сведущих лиц.

Представляется, что для устранения в сфере уголовного судопроизводства ситуаций со смешением заключения эксперта и заключения специалиста, с ошибочным проецированием порядка получения заключения эксперта на процедуру получения заключения специалиста¹, последний вид доказательств нуждается в переименовании в «консультацию специалиста», что сразу снимет остроту вопроса в части неверной интерпретации требований, предъявляемых к результатам консультационной деятельности специалиста.

О консультационном характере заключения специалиста вполне убедительно пишет в своем диссертационном исследовании Н. С. Расулова, называя его «справочно-вспомогательным средством доказывания» [2, с. 41].

¹ Так, практикующие адвокаты описывают конкретные уголовные дела, при рассмотрении которых суды отвергали заключения специалистов на том основании, что специалистов привлекал сам защитник, что специалиста не предупреждали об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ (!) перед дачей заключения [3]. Аналогичные аргументы суда для признания заключения специалиста недопустимым доказательством приводит в своей статье и адвокат Р. П. Коблев [4]. Похожие ситуации, с которыми сталкиваются представители защиты, пытающиеся использовать заключение специалиста в качестве доказательства, описывают В. Ф. Васюков и Е. А. Семенов [5].

Особенно ярко консультационная, справочно-вспомогательная сущность заключения специалиста проявлялась в его необычной роли при оценке заключения эксперта судом. Прежняя редакция Постановления № 28 в абз. 2 п. 19 содержала, на наш взгляд, весьма ценное для судебной практики разъяснение: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения». Впоследствии, в 2017 г., Пленум ВС РФ подтвердил такое отношение к заключению специалиста как к «оценочному средству» при определении доказательственной значимости заключения эксперта, подчеркнув в постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51, что «если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы»¹.

Ценность данного направления использования познаний специалиста видится в том, что благодаря последнему можно выявлять экспертные ошибки, о чем справедливо пишет Е. Р. Россинская: «Значительно чаще экспертные ошибки обнаруживаются при оценке экспертных заключений судом (следователем). Если ошибка не влияет на выводы эксперта, она может быть нейтрализована или устранена путем его допроса или назначения дополнительной экспертизы. В противном случае может быть назначена повторная экспертиза. Следует подчеркнуть, что **наиболее сложно для правоприменителя, не обладающего соответствующими специальными знаниями, выявить гносеологические и деятельностные экспертные ошибки**» [6] (выделено нами. – *Авт.*). Проанализировав нормативную регламентацию консультационной деятельности специалиста в гражданском процессе, Е. Р. Россинская делает тонкое замечание, раскрывающее значимость исследуемого нами направления деятельности специалиста: «законодатель хотя и косвенно, но признает, что оценка выводов судебной экспертизы с точки зрения научной обоснованности, достоверности и достаточности является для суда очень сложной задачей, решение которой невозможно без реальной состязательности сведущих лиц в суде» [7].

Сходное позитивное отношение к подобному рода деятельности специалиста находим и в «Комментарии к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» (под общ. ред. В. М. Лебедева), где В. С. Коваль подчеркивает: «Вопрос о возможности привлечения специалиста для такого рода помощи является дискуссионным в юридической литературе, но на практике возражений не вызывает, поскольку специалист оказывает помощь суду в оценке заключения эксперта, что не может не способствовать полноценной реализации принципа состязательности сторон» [8].

При всей очевидной логичности и целесообразности сохранения консультационной роли заключения специалиста в деле оценки заключения эксперта

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 // РГ. 2017. 29 дек.

Пленум ВС РФ в 2021 г.¹ предпринял решительные шаги по корректировке своих правовых позиций и исключил из текста Постановления № 28 вышеупомянутый абз. 2 п. 19, а также пп. 20–22, разъясняющие порядок привлечения специалиста к участию в судебном следствии (в том числе для оценки заключения эксперта). Реакция практиков из судебной системы не заставила себя ждать: все чаще в судебных решениях стали появляться доводы о недопустимости использования заключений специалистов в интересах оценки заключений экспертов².

Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в кассационном определении от 26 октября 2021 г. № 41-УД21-46-А3 поддержала позицию суда первой инстанции: «Судом обоснованно не были приняты во внимание показания и заключение специалиста Ш. в отношении заключения судебно-медицинской экспертизы трупа Филиппенко Ю. И., потому что они были направлены не на ответы на вопросы, когда на это требуются специальные познания, а на оценку уже имеющегося в деле заключения эксперта, что в данном случае недопустимо»³

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) ...

² Справедливости ради следует отметить, что и ранее в судебных решениях встречалось негативное отношение к заключениям специалистов при попытках представителей адвокатского сообщества использовать их в целях оценки других доказательств, в частности заключений экспертов, о чем пишут В. Ф. Васюков и Е. А. Семенов: «Из приговора Вневского районного суда Тульской области (24 января 2017 г.)... оценивая заключение специалиста, суд признает его недопустимым доказательством по делу... рецензия специалиста... является оценкой самой экспертизы, данной лицом, в компетенцию которого не входит давать такие заключения» [5]. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в апелляционном определении от 22 мая 2019 г. № 58-АПУ19-4 подчеркнула: «специалисты при подготовке своих заключений вышли за пределы предоставленных им уголовно-процессуальным законом полномочий, поскольку ответили на вопросы, являющиеся предметом экспертных исследований» (см: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 58-АПУ19-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22052019-n-58-apu19-4/> (дата обращения: 16.10.2023)). Кроме того, в апелляционном определении от 29 августа 2019 г. № 87-АПУ19-2 она признала правомерным отказ суда первой инстанции в использовании заключения специалиста для обоснования судебного решения: «Суд также правильно указал, что в данном случае заключение специалиста В. содержит собственное исследование и ответы по тем вопросам, которые являются предметом именно судебных экспертиз; что заключение специалиста фактически направлено на оспаривание тех выводов, которые содержатся в проведенных по делу экспертных исследованиях; что поскольку уголовно-процессуальным законом такое право специалисту не предоставлено, то приобщенное к материалам дела заключение В. признается недопустимым доказательством, не подлежащим оценке» (см: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2019 г. № 87-АПУ19-2. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29082019-n-87-apu19-2/> (дата обращения: 16.10.2023)).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 41-УД21-46-А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26102021-n-41-ud21-46-a3/> (дата обращения: 16.10.2023).

(выделено нами. – *Авт.*). В таком же ключе Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 19 июля 2023 г. по делу № 77-3258/2023 пояснил: «Специалист без проведения исследования трупа... и изучения соответствующей медицинской документации, в которой отражены сведения об оказанной ей медицинской помощи, дал оценку качеству заключений судебно-медицинских экспертиз. **Вместе с тем оценка доказательств в соответствии со ст. 58 УПК РФ не входит в круг обязанностей специалиста. Такая оценка производится судом при разрешении уголовного дела и вынесении итогового решения**»¹ (выделено нами. – *Авт.*).

Можно привести еще с десяток похожих решений с обоснованием недопустимости осуществления специалистом оценки заключения эксперта – четкий ориентир судебной практике был задан скорректированными правовыми позициями Пленума ВС РФ. Что означает в конечном итоге подобный «разворот курса» в деле использования в доказывании консультаций специалистов при оценке заключений экспертов? Для представителей судебной власти – формальное облегчение мотивировочной работы при принятии решений по уголовным делам, когда не требуется чрезмерно глубоко анализировать альтернативное мнение специалиста, представленное стороной защиты в пику заключению эксперта (учитывая, насколько сложны для уяснения вопросы оценки научной обоснованности заключения эксперта, соблюдения требований методики и т. д.). Судьям легче оперировать данными, полученными судебными экспертами в рамках судебной экспертизы, когда источник сведений – заключение эксперта – предстает единственным «легальным» поставщиком доказательственной информации по уголовному делу.

Но ведет ли этот путь к укреплению гарантий достижения истины в уголовном процессе, обеспечению принятия по уголовному делу законных и обоснованных решений? Автор настоящей статьи считает, что нет! Этот путь чреват «свертыванием» реальной состязательности сторон при доказывании специальных вопросов, требующих познаний сведущих лиц. Вспомним высказывание дореволюционного юриста П. С. Пороховщикова: «Если в процессе есть эксперт со стороны противника и экспертиза имеет значение, оратор должен выставить эксперта не менее сведущего и решительного со своей стороны. Не сделать этого – легкомыслие непростительное. Пока эксперт один, он неуязвим, хотя бы говорил вздор. Дайте ему противника, речения оракула превращаются в самолюбивый спор» (цит. по: [9, с. 210]).

В условиях «монополии» стороны обвинения на судебную экспертизу у стороны защиты не остается шансов опровергнуть в состязательном режиме выводы судебной экспертизы, если суд лишает сторону защиты возможности привлечь к судебному дискурсу специалиста, выявляющего дефектные стороны заключения судебного эксперта. Как в этой «несостязательной среде» выстраивать линию защиты? Частично ответы на этот вопрос содержатся в некоторых публикациях представителей адвокатского сообщества (см.: [4]).

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2023 г. по делу № 77-3258/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Не опубликовано.

Полагаем, адвокату-защитнику надлежит обращаться в порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ к компетентным лицам с вопросами, касающимися требований методики проведения экспертизы, правил оценки тех или иных признаков. При этом вопрос адвоката не должен выглядеть как призыв к оценке заключения эксперта, чтобы исключить повод для суда отвергнуть консультацию специалиста. В такой непростой ситуации представляется логичным специалисту предварительно оценивать заключение эксперта на предмет наличия ошибок, нарушений, противоречий. Выявленные проблемы заключения эксперта должны стать «опорными точками» для постановки перед специалистом корректных вопросов, ответы на которые походили бы на «обезличенную» консультацию, но не на оценку конкретного заключения эксперта. В дальнейшем в суде со ссылкой на ч. 4 ст. 271 УПК РФ и п. 16 неотмененного постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 защитнику надлежит ходатайствовать о допросе специалиста, обеспечив заранее его явку.

Список источников

1. Раимжанова Н. А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 265 с.
2. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 237 с.
3. Иванов Р. Заключение эксперта vs Заключение специалиста. URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zaklyuchenie-eksperta-vs-zaklyuchenie-spetsialista/> (дата обращения: 27.09.2023).
4. Коблев Р. П. Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов. URL: <https://e.ugpr.ru/559048> (дата обращения: 16.10.2023).
5. Семенов Е. А., Васюков В. Ф. Заключение специалиста: причины критической оценки в суде // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 100–102.
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. И. Галяшина, В. В. Голикова, Е. Н. Дмитриев [и др.]; под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Проспект, 2012. 544 с.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.
8. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н. И. Бирюков, О. Н. Ведерникова, С. А. Ворозцов [и др.]; под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, 2014. 816 с.
9. Сергеич П. Искусство речи на суде. Москва: Госюриздат, 1960. 372 с.

References

1. Raimzhanova N. A. Normative regulation of the use of special knowledge in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2015: 265. (In Russ.).

2. Rasulova N. S. Expert opinion as evidence in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2022: 237. (In Russ.).
3. Ivanov R. Expert opinion vs expert opinion. Available from: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zaklyuchenie-eksperta-vs-zaklyuchenie-spetsialista>. Accessed: 27 September 2023. (In Russ.).
4. Koblev R. P. Expert opinion as evidence for the defence: difficulties for lawyers. Available from: <https://e.ugpr.ru/559048>. Accessed: 16 October 2023. (In Russ.).
5. Semenov E. A., Vasyukov V. F. Expert's opinion: the reasons for critical assessment in court. Bulletin of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 100–102, 2018. (In Russ.).
6. Galyashina E. I., Golikova V. V., Dmitriev E. N. (et al.). Forensic examination: typical errors. Ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow: Prospect; 2012: 544. (In Russ.).
7. Rossinskaya E. R. Legal expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Monograph. 4th ed., rev. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2018: 576. (In Russ.).
8. Biryukov N. I., Vedernikova O. N., Vorozhtsov S. A. (et al.). Commentary on decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases. Ed. by V. M. Lebedev. 3th ed., rev. and add. Moscow: NORMA; 2014: 816. (In Russ.).
9. Sergeich P. The art of speech in Court. Moscow: Gosyuzdat; 1960: 372. (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Elena Aleksandrovna,

professor of the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor; zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 340.69
doi: 10.25724/VAMVD.A174

К ПОНЯТИЮ ОБЪЕКТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Виктор Иванович Шаров

Нижегородская академия МВД России,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, v-i-sharov@rambler.ru

Аннотация. Предметом работы выступают ключевые понятия теории судебной экспертизы, целью – формулирование понятия объекта этой науки, основным методом исследования – сравнительно-правовой. Результаты исследования заключаются в том, что для теории судебной экспертизы целесообразно расширить ее объект, распространить его за пределы исключительно экспертной деятельности, включив в систему теоретического осмысления и элементы преступной деятельности. В статье подвергнута критике доминирующая позиция, с позиции современной науки рассмотрено понятие объекта судебной экспертизы, сформулировано авторское видение данного понятия.

Ключевые слова: судебная экспертиза, предмет судебной экспертизы, объект судебной экспертизы

Для цитирования: Шаров В. И. К понятию объекта судебной экспертизы // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 29–35. doi: 10.25724/VAMVD.A174

TO THE CONCEPT OF THE OBJECT OF FORENSIC EXAMINATION

Viktor Ivanovich Sharov

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, v-i-sharov@rambler.ru

Abstract. The subject of the work are the key concepts of the theory of forensic examination, the purpose is to formulate the concept of the object of this science, the main method of research is comparative law. The results of the work consist in the fact that for the theory of forensic examination it is advisable to expand its object, extend it beyond the limits of exclusively expert activity, including elements of criminal activity in the system of theoretical understanding as well. The article criticizes the dominant position, examines the concept of the object of forensic examination from the perspective of modern science, and formulates the author's vision of this concept.

Keywords: forensic examination, subject of forensic examination, object of forensic examination

For citation: Sharov V. I. To the concept of the object of forensic examination. Forensic Examination, 29–35, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A174

© Шаров В. И., 2023

Современная теория судебной экспертизы сформулирована в трудах многих ученых как исключительно научного, так и учебного характера. Формирование новой науки вызвало множество дискуссий, в том числе по принципиальным вопросам ее предмета, объекта, метода. Широко обсуждаемая в 80-х гг. общая теория судебной экспертизы получила свое продолжение в активизированных Р. С. Белкиным более поздних работах, среди которых выделяются труды А. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. Эта активность продолжается и сегодня, хотя и лишилась остроты и актуальности, достигнув результата: сформулирована структура общей теории судебной экспертизы и большая часть общепризнанных понятий.

Вместе с тем не все проработано в достаточной степени. Одним из дискуссионных является понятие объекта теории судебной экспертизы. Наряду с предметом и методом объект определяет самостоятельность отрасли научного знания, а его четкое определение будет способствовать сформированности теоретических положений.

Не дали определение и не рассмотрели понятие ее объекта в известнейшей монографии «Судебная экспертология» А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская, когда впервые на монографическом уровне громко заявили о создании этой теории.

Следует отметить, что в 90-е гг., когда наиболее активно продолжалось формирование теоретических начал судебной экспертизы, на объект рассматриваемой теории не обращалось особого внимания: ученые шли по пути определения объекта судебно-экспертной деятельности (практической деятельности), судебной экспертизы, по определению Арсеньева, как «научно-практической отрасли знания». Этому есть причина, поскольку именно практическая сторона представляется важной, а перед теорией стоит задача построить общие положения, объединяющие в себе многочисленные науки, на которые опирается судебная экспертиза и достижения которых использует судебно-экспертная деятельность. «Общая теория судебной экспертизы формировалась 20 лет назад не как наука, а как междисциплинарная теория» [1, с. 146] – так характеризуют время становления теории судебной экспертизы известные ученые в данной области. В этих условиях недостаточное внимание объекту теории судебной экспертизы выглядит вполне естественно, позволяет избежать излишней увлеченности абстрактными теоретическими построениями.

Предмет судебной экспертизы определен как для теории («предмет судебной экспертизы (как научной отрасли знания) – закономерности формирования свойств объектов и их изменение в связи с расследуемым событием»), так и для практической деятельности, где предметом судебной экспертизы называется «установление фактических данных (фактов, обстоятельств дела) на основе специальных знаний, имеющих важное значение для уголовного либо гражданского дела» [2, с. 20].

Четко определен и объект судебной экспертизы (как практической деятельности). Е. Р. Россинская рассматривает его как «материальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи» [1, с. 89]. Однако называть объектом экспертизы те материальные предметы, которые представляются для проведения экспертизы и изучаются экспертами, не совсем верно. По всей видимости, правы В. Д. Арсеньев и В. Г. Заболоцкий, еще в 1986 г.

указывавшие, что «...материальные носители, будучи непосредственными объектами экспертных исследований по отношению к экспертизе, в целом являются объектами вспомогательными. В качестве же основного ее объекта выступают те реально существующие (или существовавшие в прошлом) явления, на установление которых она направлена» [3, с. 18]. Определение объекта теории судебной экспертизы Е. Р. Россинская не дает.

Зато оно приводится в цитированном ранее одном из первых полноценных учебников по судебной экспертизе А. М. Зинина и Н. П. Майлис, хотя влияние общепринятого понятия, сформулированного Е. Р. Россинской, налицо. Ученые указывают, что это понятие следует рассматривать не только с позиции практической экспертной деятельности, но и с позиций теории. С позиции практической деятельности объект – это «определенный предмет (предметы), поступающие на исследование эксперту». В отличие от экспертной практики объектом теории судебной экспертизы они называют «род (вид) объектов, какой-либо класс, категория предметов, характеризующихся общими свойствами» [2, с. 21], хотя Н. П. Майлис почему-то избегает понятия объекта теории в современном учебном пособии, ограничиваясь только его практической стороной [4, с. 61].

Однако понятно, что род, вид, класс объектов, категория предметов опять же, в сущности, скорее практические и не выходят на уровень теоретического обобщения. Представляется, что приведенное определение не может быть принято.

Общее понимание объекта теории заключается в видении его как части объективной реальности, познаваемой наукой, как части реального мира во всем его многообразии, совокупности свойств и отношений. Понимание же объекта как всего лишь рода, вида объектов, класса, категории предметов сужает и утрирует теорию, сводя ее к необходимости изучения предметов, рассматриваемых при решении конкретных экспертных задач. Конечно, в такой постановке в теории экспертизы не может быть разделов, направленных на совершенствование экспертной деятельности или изучение сложных явлений и процессов, связанных с преступной деятельностью. Поэтому еще раз повторим, что такое понимание объекта теории судебной экспертизы вряд ли правильно.

И все же в период становления теории судебной экспертизы определение ее объекта, отличающееся от описанного выше, присутствует. Оно зафиксировано в оригинальной работе, вышедшей под редакцией Р. С. Белкина, и принадлежит И. А. Алиеву: «Объектом общей теории судебной экспертизы является синтезированное и систематизированное знание о судебной экспертизе как единой системе, ее инфраструктуре и процессах, определяемых законами и закономерностями функционирования этой системы, о принципах, правилах и понятиях, разрабатываемых на уровне общей и частных теорий и реализуемых в практической экспертной деятельности» [5, с. 62].

Как видим, ключевым в этом определении является понимание объекта как знания о судебной экспертизе как единой системе. По всей видимости, правильно, за исключением одного – наше знание, представление о судебной экспертизе не единственное, что может выступать объектом теории. Это объекты, конечно, входят в объект науки как части субъективной сферы: идеализированные объекты, создаваемые теорией с целью более глубокого понимания реальных, существующих вне науки объектов. Это вторичные объекты, в отличие от первичных

объектов – реалий действительности [6, с. 54]. Поэтому еще одна составляющая объекта – первичные объекты – часть объективной реальности, причем существующая независимо от того, изучена ли она теорией или нет.

В своей монографии, так же как и многие другие ученые, не определяя понятие объекта теории судебной экспертизы, Т. В. Аверьянова тем не менее, рассматривая прагматологические принципы общей теории судебной экспертизы, ссылаясь при этом на Р. С. Белкина, называет эти принципы не только принципами теории, но и *ее объекта – экспертной деятельности* (курсив наш. – В. Ш.), т. е. в данной фразе, не определяя объекта, дается понять, что таковым является экспертная деятельность [7, с. 48].

По всей видимости, это будет более правильно – определить объектом теории саму судебно-экспертную деятельность, включая, конечно, представления о ней, сформированные теорией.

Развитие взглядов на объект теории судебной экспертизы, пусть и не такое энергичное, без особо бурных дискуссий, привело к следующему определению, содержащемуся в известном учебнике криминалистики, вышедшем под редакцией Р. С. Белкина: «Объектом общей теории судебной экспертизы является сама экспертная деятельность, рассматриваемая в качестве некоторой единой системы, включающей большое число компонентов (субъекты деятельности, объекты исследования, задачи, методы и т. п.)» [8, с. 432].

Итак, объектом теории экспертной деятельности выступает сама экспертная деятельность во всей совокупности составляющих ее компонентов, включая не только явления и процессы этой деятельности, но и идеальные конструкции, результат развития теории – создаваемые ею теоретические построения, понятия. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не только о материальных предметах, но и всех тех явлениях действительности, которые в том числе нашли отражение в этих материальных объектах.

Однако возьмем в качестве образца родоначальника теории судебной экспертизы – криминалистику. На самом деле между ними много общего: и та и другая направлены на научное обеспечение раскрытия и расследования преступления, включающие оба вида деятельности – экспертную и следственную. Такое понимание по сути уже зафиксировано в криминалистике. Криминалистическая техника представляет собой научные основы экспертной деятельности, а тактика и методика определяют эти основы для деятельности следователя. Более того, именно криминалисты создали теорию судебной экспертизы (по образу и подобию криминалистики?).

Так вот, в криминалистике объект представляет собой более сложное и многогранное явление, объединяющее преступную деятельность и расследование преступления. В связи с общностью рассматриваемых наук уместно поставить вопрос: является ли частью объекта теории судебной экспертизы преступная деятельность, иными словами, изучается ли преступление теорией судебной экспертизы? Несмотря на очевидность этого вопроса, такой его постановки применительно к теории судебной экспертизы в литературе мы не встречали.

Конечно, в экспертной деятельности решается множество вопросов об установлении различных обстоятельств, относящихся к событию преступления. Так называемая ситуалогическая экспертиза как раз имеет своим предметом установление

того, что произошло на месте преступления, т. е. содержание преступного деяния. Хотя, как представляется, в большей части видов экспертиз непосредственного познания деятельности преступника не осуществляется. Тем не менее в экспертной деятельности опосредованно, посредством изучения объектов – носителей следов преступления, а в ряде случаев и непосредственно определенные аспекты преступной деятельности исследуются.

В отличие от практической деятельности, теория судебной экспертизы в первую очередь направлена на познание содержания экспертной деятельности, ее характера, методологии, логических основ, особенностей организации и, при всей возможной дискуссионности проблемы, правовых основ. В ней, видимо, нет места для непосредственно изучения преступления.

Вместе с тем экспертная деятельность не существует сама по себе, она направлена на решение определенных задач расследования, которые появляются в процессе познания специальным субъектом события преступления, регламентированного уголовно-процессуальным правом, в порядке уголовного судопроизводства. Это определяет не только форму экспертного познания, но и характер решаемых задач, т. е. не только процедурную сторону, но и содержание экспертного исследования. Таким образом, получается, что ход и содержание экспертной деятельности оказываются опосредованно зависимы от преступной деятельности. Тогда и объект теории экспертизы носит сложный характер, включая в себя элементы события и механизма преступления, закономерности следообразования и т. д. Как и в криминалистике, когда преступная деятельность изучается ее общей теорией не напрямую, а опосредованно, посредством системы ее частных теорий, общая теория судебной экспертизы может также непосредственно и не исследовать событие преступления, а делать это с помощью формирующейся сейчас системы частных теорий судебной экспертизы.

Есть еще одно замечание, представляющееся нам верным. Объект криминалистики воспринимается не всеми учеными как совокупность двух самостоятельных видов деятельности – преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений, а представляется в виде более сложной сущности.

Так, ряд ученых подчеркивают единство объекта криминалистики как совокупности явлений и процессов объективной реальности, включенных в том или ином качестве в сферу борьбы с преступлениями. Это единство основано на тесной связи между процессом расследования и событием, подлежащим расследованию, которые лишь условно выделяются в две самостоятельные целостности [6, с. 52]. Иначе говоря, объект криминалистики един, поскольку определяется единством преступного события и расследования преступления.

Здесь уместно вспомнить мнение М. К. Каминского, который еще более категоричен, утверждая, что деятельности преступной и деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений по отдельности не существует. Это позволяет ему определить объект криминалистики как взаимодействие деятельности преступной и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений [9, с. 127].

По всей видимости, и для теории судебной экспертизы есть смысл несколько расширить ее объект, распространить его за пределы исключительно экспертной деятельности, включив в систему теоретического осмысления элементы

преступной деятельности. Заметим, включить как часть объекта, в который наряду с экспертной деятельностью опосредованно входит преступная деятельность – та часть реальности (определяемая ее предметом), изучаемая в целях формирования оптимальных средств и методов решения экспертных задач и совершенствования экспертной деятельности.

Список источников

1. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. 368 с.
2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Москва: Право и закон, 2002. 320 с.
3. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 152 с.
4. Моисеева Т. Ф., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Введение в специальность: учеб. пособие. Москва: РГУП, 2017. 224 с.
5. Алиев И. А., Аверьянова Т. В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку: Гянджлик, 1992. 192 с.
6. Чельшева О. В. Гносеологические основы криминалистики (теоретико-прикладное исследование): монография. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2003. 255 с.
7. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. 480 с.
8. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. 928 с.
9. Каминский М. К. Криминалистические основы деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Горький: [Б. и.], 1982.

References

1. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. The theory of forensic examination (Forensic expert science). Textbook. Ed. by E. R. Rossinskaya. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Legal Norm: INFRA-M; 2019: 368. (In Russ.).
2. Zinin A. M., Maylis N. P. Forensic examination. Moscow: Law and the law, 2002. 320. (In Russ.).
3. Arsenyev V. D., Zablotsky V. G. The use of special knowledge in establishing the actual circumstances of a criminal case. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1986: 152. (In Russ.).
4. Moiseeva T. F., Maylis N. P. Forensic examination. Introduction to the specialty. Textbook. Moscow: RGUP; 2017: 224. (In Russ.).
5. Aliev I. A., Averyanova T. V. Conceptual foundations of the general theory of forensic examination. Baku: Ganjlik; 1992: 192. (In Russ.).

6. Chelysheva O. V. Epistemological foundations of criminology (theoretical and applied research). Monograph. Saint Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2003: 255. (In Russ.).

7. Averyanova T. V. Forensic examination: Course of general theory. Monograph. Moscow: Legal Norm: INFRA-M; 2015: 480. (In Russ.).

8. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Criminalistics. Textbook. 4th ed., rev. and add. Moscow: Legal Norm: SIC INFRA-M; 2015: 928. (In Russ.).

9. Kaminskiy M. K. Criminalistic foundations of activities for the detection and disclosure of crimes. Gorky; 1982. (In Russ.).

Шаров Виктор Иванович,

профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Нижегородской академии МВД России,
профессор кафедры судебной экспертизы Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
доктор юридических наук, профессор; v-i-sharov@rambler.ru

Sharov Viktor Ivanovich,

professor of the department of operational investigative activities
of the Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia,
professor of the department of forensic examination
of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
doctor of juridical sciences, professor; v-i-sharov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования
20.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 340.69
doi: 10.25724/VAMVD.A175

О СООТНОШЕНИИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фарит Гизарович Аминев*, **Александр Самсонович Арутюнов****

* Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, faminev@mail.ru

** Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
alexandr.arutynov@gmail.ru

Аннотация. Тема исследования актуальна вследствие того, что в Российской Федерации широко обсуждаются проблемы соотношения судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности. Обозначена необходимость и показаны пути реорганизации этих двух близких видов деятельности за счет совершенствования их отдельных направлений.

Целью является исследование проблем судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности, возможности совершенствования их организационно-правовых и методологических основ.

В исследовании использованы методы системно-структурного, сравнительно-правового и статистического анализа, формально-логические, общенаучные и частнонаучные методы научного познания.

На основе анализа экспертной практики доказана необходимость реформирования обеих видов деятельности в целях повышения эффективности судебно-экспертного и экспертно-криминалистического сопровождения судопроизводства. Результаты исследования можно использовать в деятельности судебно-экспертных и экспертно-криминалистических организаций, в обучении, в том числе курсах повышения квалификации судебных экспертов и специалистов-криминалистов, при работе по совершенствованию законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Рекомендации по реорганизации судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности позволят усовершенствовать оба вида деятельности, что в конечном счете приведет к повышению качества судебных экспертиз и судопроизводства в целом.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая деятельность, судебно-экспертная деятельность, судебный эксперт, специалист-криминалист, судебно-экспертные организации, судебно-экспертная методика, экспертиза

Для цитирования: Аминев Ф. Г., Арутюнов А. С. О соотношении экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 36–46. doi: 10.25724/VAMVD.A175

© Аминев Ф. Г., Арутюнов А. С., 2023

**ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP
OF EXPERT AND FORENSICS
AND FORENSIC EXPERT ACTIVITIES**

Farit Gizarovich Aminev*, Alexandr Samsonovich Arutyunov**

* Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, faminev@mail.ru

** Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia,
Krasnodar, Russia, alexandr.arutynov@gmail.ru

Abstract. The topic of the study is relevant due to the fact that in the Russian Federation the problems of the relationship between forensic and expert forensic activities are widely discussed. The need is outlined and ways to reorganize these two related activities by improving their individual areas are shown.

The goal is to study the problems of forensic activity and expert-criminalistic activity, the possibility of improving their organizational, legal and methodological foundations.

The research used methods of systemic-structural, comparative-legal and statistical analysis, formal-logical, general scientific and special scientific methods of scientific knowledge.

Based on an analysis of expert practice, the need to reform both types of activities was proven in order to increase the efficiency of forensic and forensic expert support of legal proceedings. The results of the study can be used in the activities of forensic and forensic organizations, during training and advanced training courses for forensic experts and forensic specialists, when working to improve legislation on forensic activities in the Russian Federation.

Recommendations for the reorganization of forensic and forensic activities will improve both types of activities, which will ultimately lead to an improvement in the quality of forensic examinations and legal proceedings in general.

Keywords: expert forensic activity, forensic activity, forensic expert, forensic specialist, forensic organizations, forensic methodology, examination

For citation: Aminev F. G., Arutyunov A. S. On the issue of the relationship of expert and forensics and forensic expert activities. Forensic Examination, 36–46, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A175

Анализ судебной, следственной и экспертной практики свидетельствует о том, что накопленные с годами проблемы судебно-экспертной (далее – СЭД) и экспертно-криминалистической деятельности (далее – ЭКД) отчасти кроются в неправильном понимании соотношения указанных видов деятельности, одинаково важных в деле обеспечения судопроизводства. Сразу отметим: не следует смешивать, но и не противопоставлять эти близкие в методологическом аспекте виды деятельности (они должны развиваться на более высоком качественном уровне). Отсюда – многие проблемы, снижающие их эффективность.

В первую очередь следует определиться с основными терминами: «судебно-экспертная деятельность» и «экспертно-криминалистическая деятельность». Согласно ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства

государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами (далее также – эксперт), состоит в организации и производстве судебной экспертизы». Однако со времени принятия закона прошло немало лет, и появились новые субъекты СЭД, оформилась отдельная отрасль научных знаний – судебная экспертология и т. д. Из сформулированных А. Ф. Волыньским [1], Е. И. Галяшиной [2], А. М. Зининым [3], Н. П. Майлис [4], Т. Ф. Моисеевой [5], Е. Р. Россинской [6], А. И. Усовым [7], Н. Н. Шведовой [8] и другими учеными определений СЭД и ее задач представляется наиболее приемлемым следующее: «судебно-экспертная деятельность – это система действий руководителя, судебного эксперта судебно-экспертной организации, а также иных лиц, обладающих специальными знаниями, привлеченных в качестве судебных экспертов, по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, выполняемых по поручению уполномоченного лица или органа, ее назначившего, и экспертной профилактики» [9, с. 101]; основной задачей заявлено производство судебных экспертиз.

Это вполне логично объясняется названием, целями, задачами и субъектами СЭД. И судебные эксперты обладают возможностями проведения уникальных судебных экспертиз, потому что, как очень точно определил А. В. Варданян, они не ограничиваются какими-либо умозрительными теоретическими конструкциями, а априорно «воплощают в себе также и результаты эмпирического анализа, практическую апробацию и внедрение» [10, с. 159].

Однако при анализе судебных экспертиз, назначенных и проведенных в рамках уголовного и гражданского процессов, отмечается крайне тревожная тенденция: попытки производства отдельных сложных видов (родов) судебных экспертиз лицами и организациями, которые должны быть заняты другими видами деятельности.

Самыми злостными нарушителями принципов независимости, объективности, всесторонности, полноты и научной обоснованности судебно-экспертного исследования на базе использования современных достижений науки и техники с соблюдением судебно-экспертных методик являются специалисты, привлекаемые к СЭД вне государственных судебно-экспертных организаций (оценщики, кадастровые инженеры и другие лица с неэкспертным образованием без профессиональных знаний, умений и навыков производства судебных экспертиз). Но на их счет имеются отдельные исследования [11; 12], и такая деятельность, уверенны, будет строго регламентирована новым (или обновленным) федеральным законодательством о СЭД. В нашем исследовании особое внимание, полагаем, необходимо уделить ведомствам, в составе которых есть подразделения (организации), которым законодательно разрешено и предписано заниматься СЭД.

К сожалению, в экспертных подразделениях некоторых ведомств предпринимаются многолетние попытки уделять больше внимания этому (судебно-экспертному) направлению в ущерб другим, не менее важным (экспертно-криминалистическому и др.). Конечно, глубокая научная и методическая работа судебных экспертов правоохранительных органов имеет исторические корни: в СЭД России прослеживается явное научное начало. Так, еще в 1912 г. при прокуроре Санкт-Петербурга работал кабинет научно-судебной экспертизы; в 2019 г. в составе Центросудэкспертизы НКВД РСФСР функционировал научно-технический отдел (НТО),

в 1962 г. был создан и успешно выполнял задачи судебно-экспертного обеспечения судопроизводства Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз (НИИСЭ, ныне ФБУ «Российский федеральный центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции России») [13, с. 51] и т. д.

Отмечаются успешные инновационные методические разработки экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) органов внутренних дел в традиционных криминалистических экспертизах, а также судебных взрыво-технических экспертизах, ботанических, лингвистических, судебных экспертизах наркотических средств и психотропных веществ и др. Но, к сожалению, по разным причинам уровень методического обеспечения и глубина экспертных исследований во многих видах и родах судебных экспертиз (за исключением криминалистических), по нашему мнению, невысокие, а некоторые экспертизы вообще не проводятся. Так, из-за отсутствия утвержденных ведомственных методик идентификации человека по походке, запечатленной на цифровом носителе, следователи МВД вынуждены назначать комплексную судебную фотопортретную, видеотехническую экспертизу не экспертам государственной судебно-экспертной организации, а экспертам-ветеранам, ушедшим на заслуженный отдых, и экспертам, работающим в негосударственных судебно-экспертных организациях (А. Б. Зотову, И. Ф. Бодрову)¹. Такая же ситуация возникает при необходимости производства судебных экспертиз драгоценных металлов и сплавов, сложных многообъектных строительно-технических экспертиз, судебных дендрохронологических экспертиз (для установления места конкретного произрастания дерева, из которого получены конкретные исследуемые изъятые пиломатериалы) и т. д.

В то же время на многочисленных научных форумах с участием государственных судебно-экспертных организаций разных ведомств основное внимание уделяется СЭД (по сути, лабораторной работе с объектами), специалисты которых выражают озабоченность только ее проблемами (вероятно, полагая, что проблем в ЭКД меньше, а может, они вообще им не видны). Хотя в нормативных правовых актах одним из видов деятельности полиции четко определена «экспертно-криминалистическая деятельность» (п. 12 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), охватывающая более широкое поле деятельности лиц, обладающих специальными знаниями.

Экспертно-криминалистическая деятельность – система действий, осуществляемая сотрудниками судебно-экспертных и экспертно-криминалистических организаций по проведению СЭД в рамках судопроизводства и применению технических средств и специальных знаний по заданиям уполномоченных законодательством РФ государственных органов и должностных лиц (судов, руководителей следственных органов, следователей, органов дознания и дознавателей и др.). В эту деятельность, согласно ведомственным приказам, входят три основных направления: 1) проведение судебных экспертиз; 2) участие в процессуальных действиях; 3) участие в оперативно-разыскных мероприятиях.

¹ Уголовное дело № 11901800034000458 (по факту кражи денежных средств из помещения банка в г. Уфе).

В ЭКД отмечается множество проблем, принявших хронический характер:

- низкая результативность осмотров мест происшествий;
- отсутствие интеграционного (универсального) предварительного исследования следов преступлений в ходе осмотров мест происшествий;
- низкий уровень оснащенности низовых ЭКП современными инновационными технико-криминалистическими средствами обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов преступлений и иных объектов и т. д.

Так, до сих пор окончательно не решены проблемы качественной фиксации и изъятия (моделирования) объемных следов орудий взлома и обуви. Еще в СССР авторы применяли достаточно пластичные вязкотекучие компаунды (паста «К») с катализатором К-18, замененные в 90-е гг. прошлого века компаундами «КОС-1» в тубиках (КОС-2, 3 и т. д.), которые, к сожалению, имеют ряд недостатков: при смешивании составных частей затвердевают либо моментально (полимеризуются) («КОС-1»), либо в течение многих часов («КОС-2», «КОС-3»). Поэтому сотрудники ЭКП, находясь в поиске более качественных слепочных масс, используют в работе слепочные (оттисковые) силиконовые стоматологические пасты («Стомафлекс», «Ортопринт» и др.), которые, несмотря на большую точность отображения рельефной поверхности и сбалансированные вязкость, текучесть, твердость, все же обладают серьезным недостатком: через некоторое время вызывают «усадку» (сжатие слепочной массы в среднем до 5 % в сутки) и, соответственно, деформацию размерных характеристик отображенных в слепке признаков деталей поверхности следа. Дальнейший поиск слепочных материалов привел криминалистов к самозатвердевающему пластику «Полиморфус-Софт» (в обычном состоянии в виде гранул диаметром 2–4 мм), который переходит при температуре 65 °С в вязкое пластичное состояние (в виде теста), вследствие чего его необходимо быстро извлекать и заливать объемный след (зубов, орудий взлома и др.). Материал за считанные минуты остывает и становится твердым; детали следа отображаются на созданной модели достаточно полно, но у большинства видов «Полиморфуса» есть недостатки: ломкость и биоразлагаемость.

Аналогичная ситуация имеет место с нерешенной проблемой копирования следов рук с неровной следовоспринимающей поверхности: в настоящее время специалисты-криминалисты нашли наиболее эффективный способ и перекопируют выявленные дактилоскопическими порошками следы с помощью пластины для стемпинга – специального изделия для маникюра. Но это не самое лучшее решение криминалистической проблемы.

Вышеописанные и другие примеры свидетельствуют о том, что в ЭКД, в частности, в вопросах, связанных с качественным выявлением, изъятием и фиксацией следов преступлений, много трудностей, и их надо решать силами научно-исследовательских подразделений в составе экспертно-криминалистической службы, которые должны быть заняты попытками разработки не столько судебно-экспертных методик, сколько методов и средств, улучшающих качество криминалистической техники собирания и предварительного исследования следов.

Поэтому справедливо критикуется сформированная в ЭКП МВД России еще в прошлом веке «система организации деятельности их сотрудников, в которой функции судебного эксперта и специалиста совмещены в одном лице, система, в которой не без связи с этим абсолютизирована СЭД явно в ущерб ЭКД» [13, с. 55].

В некоторых странах Европы «организационно разграничены функции научной полиции (экспертов) и технической полиции (специалистов)» [13, с. 54], а «совмещение в одном лице функций эксперта и специалиста в ЭКП ОВД системы МВД России крайне негативно влияет на их профессиональную специализацию и результативность деятельности как специалистов и на производительность, эффективность труда как экспертов» [13, с. 57; 14, с. 150].

Предложения по улучшению ЭКД, конечно, заслуживают внимания. Например, К. Е. Демина предлагает «организацию в штатах ЭКП института техников-криминалистов» [15 с. 123]. Вместе с тем напомним, что должность «техник-криминалист» уже вводилась в состав экспертно-криминалистической службы в 90-е гг. прошлого столетия, но не оправдала себя во многом из-за низкой квалификации лиц, назначаемых на эту должность: сотрудников ОВД со средним специальным (неэкспертным) образованием без навыков и умений по собиранию следов преступлений. В настоящее время выделение такой должности вряд ли принесет ощутимые положительные результаты, поэтому все чаще звучат предложения ученых и практиков о создании вневедомственного федерального центра судебной экспертизы с полномочиями координации деятельности «всех судебно-экспертных органов и структур» [16, с. 25; 17; 18, с. 25].

Такое решение, устраняющее различия в методическом, правовом, организационном обеспечении деятельности государственных судебно-экспертных организаций разных ведомств, создающие трудности в формировании единого судебно-экспертного пространства в судопроизводстве, казалось бы, выглядит вполне обоснованным. Однако в сложившихся социально-экономических и внешнеполитических условиях следует проводить продуманную поэтапную реорганизацию СЭД и ЭКД. Так, на первом этапе целесообразно:

1) усилить работу экспертно-криминалистической службы ведомств по участию в процессуальных действиях путем дополнительного профессионального обучения сотрудников ЭКП, проявивших себя положительно в производстве следственных действий, особенно в осмотрах мест происшествий, и желающих более глубоко освоить технико-криминалистические средства и методы обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов преступлений и иных объектов (с составлением поисково-разыскных карт);

2) создать технико-криминалистические группы (далее – ТКГ), комплектуемые квалифицированными универсальными специалистами-криминалистами, для систематического участия в дежурных следственно-оперативных группах, проводящих осмотры мест происшествий, другие следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, обеспечив такие ТКГ новейшими высокотехнологичными криминалистическими средствами и методикой собирания следов и объектов и повышенным уровнем материального довольствия. В так называемый экспертно-криминалистический спецназ могут войти до 60 % общего числа сотрудников экспертно-криминалистической службы ведомства;

3) перераспределить штатную численность ЭКП субъектов РФ таким образом, чтобы наряду с ТКГ были образованы судебно-экспертные подразделения (до 25–30 % личного состава ЭКП), проводящие самые востребованные в расследовании преступлений судебные экспертизы: традиционные криминалистические (дактилоскопические, трасологические, баллистические, почерковедческие,

технико-криминалистические экспертизы документов, экспертизы холодного оружия), судебные экспертизы материалов, веществ и изделий (экспертизы наркотических средств и психотропных веществ). Оставшиеся 10–15 % штатной численности сотрудников ЭКП следует направить на ведение экспертно-криминалистических учетов (дактилоскопических, баллистических, трасологических, портретных, геномную регистрацию и др.);

4) значительную часть сложных судебных биологических экспертиз, судебных экспертиз материалов, веществ и изделий, судебно-технических, включая строительно-технические и др., судебно-технологических, судебно-транспортных, судебно-экономических и других родов судебных экспертиз следует проводить в узкоспециализированных лабораториях единого Государственного центра судебных экспертиз РФ, который на первом этапе может функционировать на базе Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Кстати, в качестве «прообраза будущей государственной межведомственной (для уголовного судопроизводства) системы судебно-экспертных учреждений» [19, с. 48] был назван созданный 24 июля 2020 г. Судебно-экспертный центр Следственного комитета РФ, сотрудники которого заняты только производством судебных экспертиз.

В результате предлагаемой нами реорганизации ожидаются следующие положительные результаты: единое организационно-штатное и научно-методическое управление СЭД; оперативное управление ЭКД на более высоком технологическом уровне; единая система научно-методического, материально-технического обеспечения проведения научно-исследовательских работ, профессионального обучения и тактико-технической подготовки судебных экспертов и специалистов-криминалистов и т. д.

Вышеописанная реорганизация СЭД и ЭКД требует дальнейших научных исследований по правовой регламентации и повышению уровня профессиональной подготовки как сотрудников ЭКП ведомств, так и судебных экспертов создаваемого центра судебных экспертиз. Особое внимание должно уделяться реформированию процесса подготовки экспертов-криминалистов, в частности, в вузах системы МВД, Следственного комитета, Минюста России, а также образовательных организациях, занятых профессиональной подготовкой судебных экспертов различных экспертных специальностей. Лишь при комплексном совершенствовании организационно-правового, материально-технического, методического обеспечения судебно-экспертной и экспертно-криминалистической служб ведомств в условиях цифровизации будет возможно дальнейшее развитие и повышение эффективности двух родственных, но принципиально различающихся СЭД и ЭКД и судопроизводства в целом.

Список источников

1. Волынский А. Ф. Судебно-экспертная деятельность как часть общего предмета организации раскрытия и расследования преступлений // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф., 26–27 октября 2017 г. Москва: Интеркрим-Пресс, 2017. С. 51–58.

2. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. Москва: Проспект, 2021. 424 с.
3. Россинская Е. Р., Зинин А. М. Экспертиза в судопроизводстве: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Проспект, 2022. 416 с.
4. Майлис Н. П. Настольная книга эксперта: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 287 с.
5. Моисеева Т. Ф. Основы судебно-экспертной деятельности: конспект лекций. Москва: РГУП, 2016. 190 с.
6. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 400 с.
7. Усов А. И., Кузьмин С. А. Межгосударственная стандартизация судебно-экспертной деятельности в формате сотрудничества государств – участников СНГ // Восток – Запад: партнерство судебной экспертизы. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы междунар. науч.-практ. конф., 27 октября 2016 г. Алматы, 2016. С. 410–413.
8. Шведова Н. Н., Досова А. В. О возможностях установления фактов подделки документов, выполненной с использованием цифровых электрофотографических печатающих устройств // Судебная экспертиза. 2022. № 2 (70). С. 48–55.
9. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 482 с.
10. Варданян А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 158–163.
11. Аминев Ф. Г. О правовой регламентации судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы междунар. науч.-практ. конф. ВСИ МВД РФ, 12 марта 2021 г. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2021. С. 264–266.
12. Россинская Е. Р. Наболевшие проблемы частной судебно-экспертной деятельности и пути их решения // Современное состояние, проблемы и перспективы развития судебно-экспертной деятельности частных экспертов: материалы междунар. науч.-практ. конф., 28 января 2022 г., МГЮУ. Москва: РГ-Пресс, 2022. С. 220–225.
13. Волынский А. Ф., Данильян Э. С. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства – это не только судебная экспертиза // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 50–59.
14. Волынский А. Ф. Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии МВД России. 2021. № 1 (57). С. 142–152.
15. Демин К. Е. О судебно-экспертном обеспечении как элементе раскрытия и расследования преступлений // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI междунар. науч.-практ. конф., 19–20 января 2017 г. Москва: Проспект, 2017. С. 122–125.

16. Антилевская Ю. А. Об актуальных вопросах теории судебной экспертизы и оптимизации судебно-экспертной деятельности // Вклад В. Я. Колдина в отечественную криминалистику: сб. материалов междунар. науч.-практ. форума – круглого стола, посвящ. памяти профессора каф. криминалистики В. Я. Колдина, МГУ, 26 мая 2021 г. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 25–32.

17. Волынский А. Ф. Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы V междунар. науч.-практ. конф., 22–23 января 2015 г. Москва: Проспект, 2015. С. 119–124.

18. Аминев Ф. Г. О правовом регулировании судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и в Республике Казахстан // Судебная экспертиза. 2016. № 2. С. 19–28.

19. Волынский А. Ф. Научно-техническое обеспечение судопроизводства: привычные проблемы и программно-целевой подход к их решению // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. «64-е ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.). В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Ю. В. Гаврилина, Б. Я. Гаврилова, В. О. Лапина, Ю. В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 44–49.

References

1. Volynsky A. F. Forensic activity as part of the general subject of organizing the detection and investigation of crimes. In: Discussion issues in the theory and practice of forensic examination: materials of the 2nd International scientific and practical conference, 26–27 October 2017, Moscow. Moscow: Interkrim-Press; 2017: 51–58. (In Russ.).

2. Galyashina E. I. Forensic linguistic examination. Textbook. Moscow: Prospekt; 2021: 424. (In Russ.).

3. Rossinskaya E. R., Zinin A. M. Expertise in legal proceedings. Textbook. Moscow: Prospekt; 2022: 416. (In Russ.).

4. Mailis N. P. Expert handbook. Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Law and Law; 2020: 287. (In Russ.).

5. Moiseeva T. F. Fundamentals of forensic activity. Lectures. Moscow: RGUP; 2016: 190. (In Russ.).

6. Forensic expert activities: legal, theoretical and organizational support. Textbook. Ed. by E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina. Moscow: Norma: INFRA-M; 2017: 400. (In Russ.).

7. Usov A. I., Kuzmin S. A. Interstate standardization of forensic activities in the format of cooperation between CIS member states. In: East – West: partnership in forensic science. Current issues in the theory and practice of forensic examination: materials of the International scientific and practical conference, 27 October 2016, Almaty. Almaty; 2016: 410–413. (In Russ.).

8. Shvedova N. N., Dosova A. V. On the possibilities of establishing facts of forgery of documents performed using digital electrophotographic printing devices. Forensic examination, 48–55, 2022. (In Russ.).

9. Aminev F. G. Forensic expert activity in the Russian Federation: modern problems and ways to solve them. Dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2016: 482. (In Russ.).

10. Vardanyan A. V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings. *Yurist-Pravoved*, 158–163, 2019. (In Russ.).

11. Aminev F. G. On the legal regulation of forensic activities outside state forensic institutions. In: Current problems of criminology and forensic examination: materials of International scientific and practical conference, 12 March 2021. Irkutsk: VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021: 264–266. (In Russ.).

12. Rossinskaya E. R. Painful problems of private forensic activity and ways to solve them. In: Current state, problems and prospects for the development of forensic activity of private experts: materials of the International scientific and practical conference, 28 January 2022, Moscow. Moscow: RG-Press; 2022: 220–225. (In Russ.).

13. Volynsky A. F., Danilyan E. S. Scientific and technical support of criminal proceedings is not only forensic examination. *Society and Law*, 50–59, 2021. (In Russ.).

14. Volynsky A. F. Expert and forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: when and why the vector of its development is distorted, how to correct it. *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 142–152, 2021. (In Russ.).

15. Demin K. E. On forensic support as an element of detection and investigation of crimes. In: Theory and practice of forensic examination in modern conditions: materials of the 6th International scientific and practical conference, 19–20 January 2017, Moscow. Moscow: Prospekt; 2017: 122–125. (In Russ.).

16. Antilevskaya Yu. A. On current issues of the theory of forensic examination and optimization of forensic activity. In: Contribution of V. Ya. Koldin into domestic criminology: collection. materials of the International scientific and practical forum – a round table dedicated to the memory of professor of the department of criminalistics V. Ya. Koldin, 26 May 2021, Moscow. Moscow: Yurlitinform; 2021: 25–32. (In Russ.).

17. Volynsky A. F. The Republic of Belarus has reformed the system of forensic institutions. And Russia? In: Theory and practice of forensic examination in modern conditions: materials of 5th International scientific and practical conference, 22–23 January 2015, Moscow. Moscow: Prospekt; 2015: 119–124. (In Russ.).

18. Aminev F. G. On the legal regulation of forensic activities in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Forensic examination*, 19–28, 2016. (In Russ.).

19. Volynsky A. F. Scientific and technical support of legal proceedings: common problems and a program-targeted approach to their solution. In: State scientific and technical policy in the field of forensic support of law enforcement: collection. scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference "64th Annual Forensic Readings", 26 May 2023, Moscow. Ed. by Yu. V. Gavrulina, B. Ya. Gavrilova, V. O. Lapina, Yu. V. Shpagina. In 2 pt. Pt. 1. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023: 44–49. (In Russ.).

Аминев Фарит Гизарович,

профессор кафедры криминалистики
Уфимского университета науки и технологий,
член президиума «СУДЭКС»,
заслуженный юрист Республики Башкортостан,
доктор юридических наук, профессор; faminev@mail.ru

Арутюнов Александр Самсонович,

начальник кафедры судебно-экспертной деятельности
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент; alexandr.arutyunov@gmail.ru

Aminev Farit Gizarovich,

professor of the department of criminology
of the Ufa University of Science and Technology,
member of the "CJE", honored lawyer of the Republic of Bashkortostan,
doctor of juridical sciences, professor; faminev@mail.ru

Arutyunov Alexandr Samsonovich,

head of the department of forensic activity
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, associate professor, alexandr.arutyunov@gmail.ru

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования
21.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.4
doi: 10.25724/VAMVD.A176

КОМПЛЕКСНЫЕ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Михаил Викторович Бобовкин*, **Виталий Анатольевич Ручкин****,
Наталья Алексеевна Соловьева***

* Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
v.ruchkin@yandex.ru

*** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
v.ruchkin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы теории и практики производства комплексных судебно-почерковедческих исследований. Анализируется их сущность, современная типология, тенденции развития.

Высказывается мнение, что комплексные исследования в настоящее время являются основной формой производства судебно-почерковедческой экспертизы. Это объясняется спецификой ее объектов – рукописей, анализ которых проводится с использованием разных областей специальных знаний.

Особое внимание уделяется субъектам и методике производства комплексных судебно-почерковедческих исследований. Указывается, что в процессе любой разновидности комплексного исследования письма большое значение имеет разграничение компетенции субъектов, что получает выражение в структуре и содержании экспертных действий.

Делается вывод, что комплексные судебно-почерковедческие исследования широко представлены в экспертной практике. Они характеризуются спецификой объектов и субъектов производства, что нужно учитывать в развитии методического потенциала судебного почерковедения.

Ключевые слова: объекты, субъекты, методика производства комплексных судебно-почерковедческих исследований, разграничение компетенции, структура и содержание экспертных действий, развитие методического потенциала судебного почерковедения

Для цитирования: Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А. Комплексные судебно-почерковедческие исследования: проблемы теории и практики // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 47–53. doi: 10.25724/VAMVD.A176

**COMPLEX FORENSIC HANDBOOK RESEARCH:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Mikhail Victorovich Bobovkin**, *Vitaly Anatolievich Ruchkin,
*Natalya Alekseevna Solovieva******

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd State University, Volgograd, Russia, v.ruchkin@yandex.ru

*** Volgograd State University, Volgograd, Russia, v.ruchkin@yandex.ru

Abstract. The article discusses current problems in the theory and practice of conducting complex forensic handwriting studies. Their essence, modern typology, development trends are analyzed.

The opinion is expressed that complex research is currently the main form of forensic handwriting examination. This is explained by the specificity of its objects – manuscripts, the analysis of which is carried out using different areas of special knowledge.

Particular attention is paid to the subjects and methods of conducting complex forensic handwriting studies. It is indicated that in the process of any type of complex study of writing, the delimitation of the competence of subjects is of great importance, which is expressed in the structure and content of expert actions.

It is concluded that complex forensic handwriting studies are widely represented in expert practice. They are characterized by the specificity of objects and subjects of production, which must be taken into account in the development of the methodological potential of forensic handwriting.

Keywords: objects, subjects, methods of conducting complex forensic handwriting studies, delimitation of competence, structure and content of expert actions, development of the methodological potential of forensic handwriting

For citation: Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Solovieva N. A. Complex forensic handbook research: problems of theory and practice. Forensic Examination, 47–53, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A176

Судебно-почерковедческая экспертиза в повседневной работе судебно-экспертных учреждений Российской Федерации относится к наиболее распространенным и сложным криминалистическим исследованиям. Ее непосредственные объекты – оригинальные рукописи (тексты, краткие записи, подписи), а также их изображения выполняют обширные социальные функции и имеют большое значение в правоохранительной деятельности.

Данные статистики показывают, что в постсоветской России остается неизменной тенденция к высокому уровню производства судебно-почерковедческих экспертиз и исследований. В официальных отчетах ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ при Минюсте России с 2000 г. указаны стабильно большие показатели материалов судебного почерковедения, что главным образом связано с увеличением документооборота в стране и высоким уровнем его вовлечения в криминальную сферу общественной жизни.

На современном этапе основной формой производства судебно-почерковедческой экспертизы являются комплексные исследования, из-за того что ее непосредственные объекты, рукописи, характеризуются комплексным выражением свойств письма. Они включают интеллектуальные структуры, письменную речь, почерк, анализ которых базируется на использовании разных областей специальных знаний – психологии, лингвистики, судебного почерковедения. С учетом этого определяются тенденции к дальнейшему развитию судебного почерковедения по методическому обеспечению комплексных исследований.

Прежде всего, неоднозначность структуры письма в рукописях и связанный с этим комплексный характер судебно-почерковедческой экспертизы наблюдаются с момента ее выделения в самостоятельный род криминалистического исследования. Именно тогда «криминалистическая экспертиза письма» разделилась по профилю объектов и специальных знаний на судебно-почерковедческую и автороведческую экспертизы. Это деление оказало положительное влияние на развитие судебно-экспертной деятельности, однако в итоге были установлены и негативные стороны.

Так, узкопрофильное исследование рукописей только по признакам почерка или письменной речи далеко не всегда приводит к решению сложных экспертных задач. В этих случаях большое значение имеет повышение информативности представленных объектов за счет расширения области их анализа на уровне письма. Почерковеды дополнительно используют признаки письменной речи, автороведы – признаки почерка.

Указанные действия имеют комплексный характер и могут быть реализованы только при наличии у экспертов соответствующих компетенций. Они используются единолично или коллегиально с определенной целью. Важно понимать, что комплексное исследование признаков письма в ходе судебно-почерковедческой экспертизы осуществляется для идентификации исполнителя рукописи или диагностики условий ее выполнения. Напротив, автороведческая экспертиза решает аналогичные задачи в отношении автора рукописи.

Неоднозначность объектов судебно-почерковедческой экспертизы согласуется с авторитетным мнением А. И. Винберга о целесообразности комплексного исследования письма [1]. Такая же позиция наблюдается в трудах Е. У. Цицера, который прямо указывает, что знания только особенностей почерка совершенно недостаточно для решения задач, выдвигаемых перед судебно-почерковедческой экспертизой документов [2]. Поэтому комплексные исследования рукописей получили широкое распространение в судебно-почерковедческой экспертизе. Они проводятся в ситуациях, когда решение основной экспертной задачи связано с последовательным использованием разных областей специальных знаний – судебно-почерковедческих, психологических, лингвистических, технико-криминалистических, компьютерно-технических и других при анализе единого объекта исследования – письма, получившего выражение в рукописях.

Помимо структуры письма, комплексный характер судебно-почерковедческой экспертизы обусловлен факторами технического получения изображений рукописей в качестве реквизитов документов.

Известно, что любые категории рукописей – тексты, краткие записи, подписи – могут быть эффективно выполнены с применением технических средств. В настоящее время с этой целью широко используются аналоговая и цифровая фо-

тоаппаратура, компьютеры, сканеры, плоттеры, графопостроители и т. д. Поэтому до решения основной судебно-почерковедческой задачи экспертизы необходимо технико-криминалистическими методами установить или исключить технический способ выполнения представленных рукописей, что является показателем комплексного исследования.

Технико-криминалистическое исследование обеспечивает решение промежуточных экспертных задач, связанных с установлением:

1. Оригинальности рукописей.
2. Факта использования технических средств при выполнении рукописей.
3. Способа получения изображений рукописей.

В зависимости от указанных данных последующее решение основных судебно-почерковедческих экспертных задач направлено на определение условий выполнения и исполнителей оригинальных рукописей или рукописей, изображения которых представлены на комплексное исследование.

Если технико-криминалистическими методами будет установлено, что рукопись выполнена с помощью технических средств и представляет собой аналоговое фотоизображение, то далее осуществляется комплексное фототехническое и судебно-почерковедческое исследование. При выявлении факта использования цифровых технических средств для получения электрографических и иных изображений рукописей комплексное исследование продолжается методами судебной компьютерно-технической и судебно-почерковедческой экспертиз.

Когда объектом судебно-почерковедческой экспертизы является электронное изображение рукописи, содержащееся на жестком диске компьютера, проводится комплексное компьютерно-техническое и почерковедческое исследование. Цель первого заключается в установлении промежуточных данных об оригинальности данного изображения, наличии признаков его редактирования или монтажа. Второе направлено на решение основной экспертной задачи – идентификационной или диагностической.

В условиях роста миграционной преступности важную роль играет судебно-почерковедческая экспертиза рукописей иноязычного графического состава. Основная форма ее производства – комплексное лингвистическое и почерковедческое исследование свойств и признаков письма определенного типа, вида и подвида. На практике среди данных объектов преобладают буквенные латинские и арабские рукописи, выполненные на языках Европы и Ближнего Востока. Все чаще встречаются иероглифические и смешанные рукописи, выполненные на китайском и корейском языках.

Наряду с установлением свойств объектов комплексного судебно-почерковедческого исследования большое научно-практическое значение имеют вопросы о его субъектах и методике производства. Такими субъектами являются компетентные в судебном почерковедении, лингвистике, психологии, других областях науки органы и лица, которым поручено производство комплексного судебно-почерковедческого исследования в соответствии с законодательством РФ. В настоящее время оно чаще всего поручается единолично эксперту-почерковеду при условии, что он дополнительно владеет необходимыми специальными знаниями. Игнорирование или недооценка этого условия может привести к экспертным

ошибкам. В противном случае данное исследование поручается комиссии экспертов разных специальностей, компетентных в судебном почерковедении и других областях науки.

В процессе любой разновидности комплексного исследования письма весьма весомо разграничение компетенции экспертов. На примере судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей особенности данного процесса заключаются в следующем. Решение промежуточных задач по установлению типа, вида, подвида языка письма, речевых и графических особенностей исполнителя иноязычной рукописи входит в функции эксперта-лингвиста. Решение основной идентификационной задачи экспертизы посредством промежуточных лингвистических данных, результатов определения каллиграфического стиля письма, норм прописи, транскрипции, условий выполнения иноязычной рукописи и сравнительных образцов относится к функциям эксперта-почерковеда. Эксперт, единолично обладающий специальными знаниями в области лингвистики и судебного почерковедения, решает все задачи производства данной экспертизы в индивидуальном порядке.

Комплексный характер судебно-почерковедческого исследования требует четкой организации его структуры и содержания в виде последовательного решения промежуточных (непрофильных) и основных экспертных задач, а также задач по оформлению результатов экспертизы. Структура данного процесса определяется его целью и уровневый принцип формирования в зависимости от элементов верхнего звена комплексного исследования. Решение основной идентификационной задачи, как правило, охватывает пять уровней:

1. Предварительное комплексное исследование.
2. Детальное технико-криминалистическое исследование.
3. Детальное непрофильное исследование.
4. Детальное судебно-почерковедческое исследование.
5. Оформление результатов комплексного исследования.

Содержание первого уровня включает осмотр материалов и предварительный анализ объектов комплексного судебно-почерковедческого исследования, планирование экспертных действий. Второй уровень образует детальное технико-криминалистическое исследование, формирование промежуточных выводов об оригинальном или техническом выполнении представленных рукописей. Третий уровень охватывает непрофильное исследование (лингвистическое, психологическое, кибернетическое, иное), которое завершается формированием соответствующих промежуточных выводов и представляет собой детальное судебно-почерковедческое исследование, формирование выводов об условиях выполнения и исполнителе спорной рукописи. Четвертый уровень связан с оформлением результатов комплексного судебно-почерковедческого исследования: составления текста заключения эксперта и иллюстрации его положений.

Таким образом, комплексные судебно-почерковедческие исследования широко представлены в экспертной практике. Они характеризуются спецификой объектов, субъектов, структуры и содержания производства, что необходимо учитывать в экспертной практике и развитии научно-методического потенциала судебного почерковедения.

Список источников

1. Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза письма. Москва: ВЮА, 1940. 150 с.
2. Криминалистика. Кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений: учеб. для слушателей правовых вузов / под ред. А. Я. Вышинского. Москва: ОГИЗ, 1935. 252 с.

References

1. Vinberg A. I. Forensic examination of the letter. Moscow: Military Law Academy; 1940: 150. (In Russ.).
2. Criminalistics. Pt. 1. Technique and tactics of investigation of crimes. Textbook for undergraduate law students. Ed. by A. Ya. Vyshinsky. Moscow: OGIZ; 1935: 252. (In Russ.).

Бобовкин Михаил Викторович,

профессор кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
профессор кафедры безопасности в цифровом мире
Московского государственного технического
университета им. Н. Э. Баумана,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
mbobovkin@yandex.ru

Ручкин Виталий Анатольевич,

профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
v.ruchkin@yandex.ru

Соловьева Наталья Алексеевна,

заведующий кафедрой процессуального права и криминалистики
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
v.ruchkin@yandex.ru

Bobovkin Mikhail Victorovich,

professor of the department of document research
of the training and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
professor of the department of the digital security
of the Bauman Moscow State Technical University,
doctor of juridical sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
mbobovkin@yandex.ru

Ruchkin Vitaly Anatolievich,

professor of the department of expert-criminalistic activity
fundamentals of the training and scientific complex
of expert-criminalistic activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
professor of the department of forensic science
and physical materials science
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, professor,
honored scientist of the Russian Federation;
v.ruchkin@yandex.ru

Solovieva Natalya Alekseevna,

head of the department of procedural law and criminalistics
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, associate professor;
v.ruchkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования
08.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 08.11.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 340.69
doi: 10.25724/VAMVD.A177

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ольга Александровна Соколова

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, sokolova-o-a@mail.ru

Аннотация. Проведенный анализ специальной литературы свидетельствует, что действующими нормативными правовыми актами значительно расширен перечень объектов судебной экспертизы, к которым отнесены технологии, информационные массивы, образцы или каталоги конкретной продукции, техническая и технологическая документация и другие материалы дела, необходимые для производства судебной экспертизы. Исходя из того, что в специальной литературе объект судебной экспертизы, как неотъемлемый и определяющий признак видовой принадлежности экспертного исследования, а также источник сведений о тех или иных событиях, изучается в двух видах – теоретическом и практическом, автор рассматривает их с учетом современных требований, предъявляемых к образцам для сравнительного исследования, при этом уделяет внимание нормативному регулированию и технологии получения проб, дополнительно отнесенных к последним.

Прогнозируя реализацию требований действующего законодательства о государственных судебно-экспертных учреждениях в праве ходатайствовать перед судом, судьей, следователем, органом дознания, лицом, производящим дознание, о получении по окончании производства по делам предметов – вещественных доказательств для использования в экспертной, научной и учебно-методической деятельности, автор полагает, что это обстоятельство будет способствовать формированию и функционированию новых натуральных коллекций, одна из целей которых состоит в изучении (исследовании) профилактической составляющей данных объектов.

Представленный в статье материал не является окончательным для классификационной системы объектов судебной экспертизы. Учет интенсивного развития современных технологических процессов, способствующих появлению новых объектов исследования, позволит своевременно определить направления их методического и организационного обеспечения для решения задач не только уголовного, но и административного, гражданского, а также конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза, объект судебной экспертизы, классификация, технологии, информационные массивы, образцы, каталоги, пробы, материалы дела, натурные коллекции, профилактика

Для цитирования: Соколова О. А. Совершенствование классификации объектов судебной экспертизы // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 54–63. doi: 10.25724/VAMVD.A177

© Соколова О. А., 2023

IMPROVING THE CLASSIFICATION OBJECTS OF FORENSIC EXAMINATION***Olga Alexandrovna Sokolova***Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, sokolova-o-a@mail.ru

Abstract. The analysis of specialized literature indicates that the current regulatory legal acts have significantly expanded the list of objects of forensic examination, which include: technologies, information arrays, samples or catalogs of specific products, technical and technological documentation and other case materials necessary for conducting forensic examination. Based on the fact that in the specialized literature the object of forensic examination, which is an integral and defining feature of the type of expert research, as well as a source of information about certain events, is considered in two forms: theoretical and practical, the author considers them taking into account modern requirements for to samples for comparative research, while paying attention to regulatory regulation and technology for obtaining samples, additionally classified as the latter.

Predicting the implementation of the requirements of the current legislation on state forensic institutions in the right to petition the court, judge, investigator, body of inquiry, person conducting the inquiry, to receive, at the end of the proceedings, items that were material evidence, for their use in expert, scientific, educational and methodological activities, the author believes that this circumstance will contribute to the formation and functioning of new natural collections, one of the goals of which is to study (research) the preventive component of these objects.

The material presented in the mentioned article is not final for the classification system of forensic objects. Taking into account the rapid development of modern technological processes that contribute to the emergence of new objects of research will make it possible to timely determine the directions of their methodological and organizational support for solving the problems of not only criminal, but also administrative, civil and constitutional proceedings.

Keywords: forensic examination, object of forensic examination, classification, technology, information arrays, samples, catalogues, samples, case materials, natural collections, prevention

For citation: Sokolova O. A. Improving the classification objects of forensic examination. Forensic Examination, 54–63, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A177

Как известно, в специальной литературе объект судебной экспертизы, как неотъемлемый и определяющий признак видовой принадлежности экспертного исследования, источник сведений о тех или иных событиях, рассматривается в двух видах: теоретическом и практическом [1, с. 205–206, 213]. В теоретическом плане под объектом общей теории судебной экспертизы понимается судебно-экспертная деятельность в целом. В этом направлении учеными-криминалистами начиная с 70-х гг. XX в. предлагаются определения, совершенствующие и дополняющие ранее предложенную дефиницию. Что касается сущности практической направленности объекта судебной экспертизы, то под ним подразумевается любой материальный носитель информации о расследуемом событии. Уточнение данного направления составляет цель нашей работы.

Очевидно, что все многообразие объектов исследования судебных экспертиз невозможно полностью перечислить ни в учебно-методических пособиях, ни в монографиях, ни на законодательном уровне. В статье 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 73) к объектам исследования отнесены вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, материалы дела, по которому производится судебная экспертиза.

В связи с поправками в ст. 39 ФЗ № 73, регламентирующую информационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений, в которую Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации”» внесены изменения, вступившие в силу с 7 сентября 2007 г., перечень объектов судебной экспертизы был расширен¹. На основании вышеизложенного организациям, независимо от организационно-правовых форм собственности, вменены обязанности безвозмездно предоставлять по запросам руководителей государственных судебно-экспертных учреждений образцы или каталоги своей продукции, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы, необходимые для производства судебной экспертизы.

Помимо этого, государственное судебно-экспертное учреждение вправе ходатайствовать перед судом, судьей, следователем, органом дознания, лицом, производящим дознание, о получении по окончании производства по делам предметов, являвшихся вещественными доказательствами, для использования в экспертной, научной и учебно-методической деятельности. Очевидно, что норма данной статьи подразумевает формирование и функционирование натуральных коллекций, актуальность которых не вызывает сомнения [2], и одна из целей новых натуральных коллекций будет заключаться в изучении (исследовании) профилактической составляющей данных объектов, на которых мы остановимся ниже.

Проведенный анализ понятия объекта судебной экспертизы в вышеуказанном нормативном документе и проекте федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», принятом Государственной Думой в первом чтении от 20 ноября 2013 г., свидетельствует, что, кроме ранее содержавшихся материально фиксированных объектов, а именно вещественных доказательств, документов, предметов, животных, трупов и их частей, образцов для сравнительного исследования, материалов дела, к ним отнесены технологии и информационные массивы; к образцам для сравнительного исследования дополнительно отнесены пробы, а также уточнены предметы (представительные части образца, характеризующие объект исследования) и расширен, но не уточнен круг материалов дела, по которому производится судебная экспертиза, другими, необходимыми для ее проведения и дачи заключения эксперта. Включение нова-

¹ URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/902053384/modid/99?anchor=XA00M6G2N3#XA00M6G2N3> (дата обращения: 05.05.2023).

ций в перечень объектов судебной экспертизы требует уточнения их содержания, а следовательно, видов, подвидов и других составляющих, входящих в данную классификацию.

Как отмечено выше, к новым объектам судебных экспертиз отнесены технологии, информационные массивы, а также пробы и другие материалы дела, необходимые для проведения судебно-экспертного исследования и дачи заключения эксперта.

Перед рассмотрением указанных объектов следует раскрыть их понятие. Так, под технологией, с одной стороны, следует понимать применение определенного алгоритма последовательных действий с помощью исходных материалов (данных) и необходимых инструментов для достижения желаемого результата, т. е. совокупность конкретных методов, процессов, инструментов и материалов, позволяющих достичь запланированных целей. С другой стороны, под технологией понимают процесс переработки исходного продукта (сырья, материала, полуфабриката) посредством применения определенных методов в конечном продукте с заранее известными свойствами и характеристиками¹.

Говоря о технологиях, к которым относятся появление и изобретение новых материалов, источников энергии, инструментов и оборудования; разработка новых методов и способов обработки сырья, материалов и полуфабрикатов, следует иметь в виду, что все они являются динамичными, меняющимися под воздействием внешних факторов. Исходя из того, что каждая из них имеет конечную продолжительность существования, за которую проходит несколько стадий, начиная с новейшей и заканчивая устаревшей, целесообразно рассмотреть их подробнее применительно к заявленной проблематике.

Отметим, что, помимо новейшей и устаревшей технологий, выделены стадии передовой, современной и «не новой». Так, новейшая технология подразумевает современную разработку с высоким потенциалом применения вышеперечисленных факторов. Для передовой технологии характерно ее использование в ограниченном масштабе, несмотря на высокую эффективность. Современная технология, как правило, уже получила оценку и признание многих потребителей, поскольку приобрела статус стандартной и пользуется максимальным спросом. Так называемая не новая технология зависит от появления более совершенных передовых разработок, влияющих на снижение спроса на нее, поскольку эффективность последней уступает современным технологиям. Устаревшая технология характеризуется минимальной степенью востребованности из-за невозможности получения качественных результатов при ее применении, в результате чего она постепенно прекращает свое существование.

Применительно к институту судебной экспертизы новейшая технология подразумевает создание новых разработок с высоким потенциалом применения для объектов исследования, включая появление новых, для которых еще не разработаны методики исследования; для передовой характерно использование инновационных технологий в ограниченном масштабе, несмотря на высокую эффективность и востребованность в исследованиях этих объектов наряду с современными тенденциями. Отчасти это может объясняться отсутствием

¹ Что такое технология? URL: <https://ktonanovenkogo.ru/> (дата обращения: 05.05.2023).

необходимых технических средств, представленных, как правило, в единичных экземплярах, расходных материалов для производства данного исследования, компетенции эксперта и т. д.

Для объектов судебной экспертизы именно современная технология, признанная многими практическими экспертами, приобретает статус стандартной (типовой), поскольку является наиболее востребованной, и, как правило, ее достижения воплощаются в экспертную методику после прохождения соответствующей процедуры апробации и внедрения. Однако следует отметить, что такие технологии устаревают очень быстро. Так, некоторые из типовых методик по судебной экспертизе в настоящее время требуют усовершенствования в связи с появлением новых объектов исследования цифровой природы (например, в судебно-портретной экспертизе), позволяющих при помощи современных программных систем синтезировать как исходное фотоизображение человека, так и его видеоизображения, соединяя и накладывая существующие изображения на исходные фото- и видеоизображения, так называемые дипфейки. Такое положение дел актуализирует проблему компетенции эксперта, проводящего данную экспертизу, рассмотренную ранее в других работах.

Что касается двух следующих видов технологий, то новая технология обусловлена появлением улучшенных разработок, снижающих на нее спрос, поскольку ее эффективность значительно ниже передовых и современных технологий. «Устаревшая» технология не отвечает требованиям времени и ввиду невостребованности постепенно исчезает совсем. Таким образом, две последние технологии не обеспечивают достижения конечной цели экспертного исследования – получения доказательства посредством применения современных технологий.

При рассмотрении технологии в качестве объектов судебной экспертизы стоит подчеркнуть, что, поскольку их принято классифицировать в зависимости от отношения к определенным отраслям производства, к которым относятся технология металлов, химическая технология органических и неорганических веществ, машиностроительная, строительная, пищевая, электрическая, электронная, биотехнология, нанотехнология, транспортная, космическая, социальная, педагогическая, телекоммуникационная и информационная технологии (IT-технологии), каждому из перечисленных видов присущи определенные особенности. Например, биотехнология характеризуется разработкой и практическим внедрением методов использования биологических объектов в различные сферы производства и медицины, включая геномную инженерию; IT-технологии – методами, техническими средствами, программно-техническими способами, ресурсами, предназначенными для сбора, обработки, передачи, распространения и хранения информации; телекоммуникационная – разработкой, внедрением и практическим применением способов связи, основанных на электромагнитных сигналах, в передаче информации и др.¹

Очевидно, что при рассмотрении технологий как объектов судебной экспертизы перечисленные выше основания классификаций по их видам могут быть применимы и к объектам судебной экспертизы. В этом ряду отдельно следует выделить высо-

¹ Классификация информационных массивов. URL: <https://infopedia.su/14x1783.html> (дата обращения: 05.05.2023).

кие технологии, основанные на наукоемких разработках, которые задействуют в производственном процессе вычислительную технику, достижения микроэлектроники, робототехники, искусственного интеллекта и т. д.

Следующий объект судебной экспертизы – информационные массивы. Массив, с одной стороны, физическая единица обработки информации, а с другой – отражение содержательного аспекта информации, используемой в управлении. Как объект судебной экспертизы, информационные массивы, выражающие содержательный аспект информации, можно классифицировать по разным основаниям, в частности, по временному фактору – постоянные (условно-постоянные) и переменные; степени значимости – основные и вспомогательные; последовательности – входные, промежуточные (внутренние), выходные (результатные) и др. Ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на указанном направлении, заслуживающем дальнейшего исследования в других наших работах.

Что касается проб, которые наряду с технологиями, информационными массивами и другими материалами также отнесены к новым объектам судебных экспертиз, необходимым для проведения судебно-экспертного исследования и дачи заключения эксперта, то прежде всего целесообразно остановиться на нормативном регулировании их применения.

В статье 202 УПК РФ регламентируется только процедура получения образцов у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также, в соответствии с ч. 1 ст. 144 настоящего Кодекса, у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случае необходимости. Само понятие образцов данная статья не содержит, в отличие от Кодекса РФ об административных правонарушениях, где в ст. 26.5, регламентирующей взятие проб и образцов как источников доказательств при осуществлении производства по делу об административном правонарушении, отмечено, что образцы для сравнительного исследования – материальные объекты, предоставляемые эксперту для сравнения с идентифицируемыми или диагностируемыми объектами, как правило, вещественными доказательствами. В постатейном комментарии к данной статье подчеркнута, что, в отличие от вещественных доказательств, образцы для сравнительного исследования не связаны с расследуемым событием и сами доказательствами не являются, поэтому при направлении на экспертизу должны быть удовлетворительного качества и представлены в соответствующем количестве. Помимо этого, достоверность их происхождения не должна вызывать сомнений: их следует получать в условиях, максимально соответствующих образованию исследуемого объекта¹.

В 2009 г. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина и А. М. Зинин указывали на отсутствие нормативного закрепления понятия «проба» в действующем ФЗ № 73 и констатировали, что при производстве многих родов судебных экспертиз отбираются именно пробы, а не образцы [3, с. 98–99].

В отличие от образцов проба отбирается из вязких, порошкообразных, жидких и газообразных объектов с разных участков (середины, края и т. д.). Для отбора пробы свойственно, что взятая часть объема передается для исследования без смешения с другими частями. Пробы, взятые с разных частей объекта, характе-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: [https://kommentarii.org/Часть вторая \(т. 2\) \(дата обращения: 05.05.2023\)](https://kommentarii.org/Часть вторая (т. 2) (дата обращения: 05.05.2023)).

ризуют его конкретные части. Если взятые части объема объектов смешиваются и эксперту передается часть этой смеси, то речь идет о взятии средней пробы, которая квалифицирует объект в целом.

Отметим, что в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ взятие проб и образцов должностным лицом, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении, возможно в области таможенного дела, валютного законодательства, законодательства об охране окружающей среды, производстве и обороте этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пожарной безопасности, дорожного движения, законодательства о защите прав потребителей.

Согласно ч. 3 ст. 26.5 КоАП РФ, действия, совершенные при взятии проб и образцов, должны быть отражены в протоколе изъятия последних, составленном в соответствии со ст. 27.10 КоАП РФ, что по своему процессуальному статусу отвечает процедуре изъятия вещей и документов. В протоколе должны быть указаны необходимые сведения о взятых пробах и образцах, их количестве и характере, идентификационных признаках, условиях, при которых они получены, отмечены особенности упаковки и т. д. Оценка доказательств, собранных с помощью взятых проб и образцов, осуществляется на основании положений ст. 26.4, 26.11 цитируемого Кодекса.

Следует подчеркнуть, что данной процедуре придается особое значение, поскольку нарушение требований государственных стандартов о методах отбора проб может повлечь отказ в привлечении к административной ответственности.

Многообразие объектов судебной экспертизы способствует выработке требований к отбору пробы. Так, процесс отбора пробы неоднородного объекта состоит из трех этапов: составления генеральной пробы, ее уменьшения до подходящих размеров и приготовления генеральной пробы. Далее эту пробу могут разделить на отдельные аналитические пробы исходя из числа проводимых анализов. В зависимости от материальной природы объекта вспомогательными операциями при подготовке представительной пробы являются дробление при работе с горными породами, минералами, измельчение почвы, распиливание и высверливание сплавов, просеивание, смешение, разделение на фракции и высушивание¹.

Обращаем внимание, что отбор проб должен осуществляться в соответствии с требованиями ГОСТов, на что было указано в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 2 июля 2007 г. по делу № А78-1051/07-С2-20/76-Ф02-3899/07 и ФАС Западно-Сибирского округа от 1 февраля 2007 г. по делу № Ф04-9368/2006(30435-А27-19). Основными документами по отбору проб пищевых продуктов для микробиологических исследований являются: ГОСТ Р 54004-2010 «Продукты пищевые. Методы отбора проб для микробиологических испытаний»; ГОСТ Р 53430-2009 «Молоко и продукты переработки молока. Методы микробиологического анализа»; ГОСТ Р ИСО 707-2010 «Молоко и молочные продукты. Руководство по отбору проб» и др.

¹ Особенности отбора проб для микробиологических исследований. URL: <http://25fbuz.ru/isyptatelnyj-laboratornyj-tsentr/167-pravila-podgotovki-k-laboratornym-issledovaniyam/402-otbor-prob> (дата обращения: 11.05.2023).

Исходя из вышеперечисленного, отбор проб воды для микробиологического исследования, их консервацию, хранение и доставку следует проводить в соответствии с ГОСТ Р 53415-2009 и ГОСТ 31942-2012 «Вода. Отбор проб для микробиологического анализа»; ГОСТ Р 51592-2000 «Вода. Общие требования к отбору проб». При этом отбирается вся вода, которая доставляется в микробиологическую лабораторию на исследование. ГОСТ Р 51593-2000 «Вода питьевая. Отбор проб» распространяется только на воду водопроводную централизованных систем водоснабжения, включая конкретные показатели, предназначенные для определенных типов вод. Отбор проб воды централизованных систем питьевого водоснабжения проводят по трем нормативным документам: ГОСТ Р 51592-2000 «Вода. Общие требования к отбору проб», ГОСТ Р 51593-2000 «Вода питьевая. Отбор проб», МУК 4.2.1018-01 «Санитарно-микробиологический анализ питьевой воды».

В отношении отбора проб других объектов, например почвы, должно руководствоваться требованиями соответствующих ГОСТов: ГОСТ 17.4.3.01-83 «Общие требования к отбору проб почвы», ГОСТ 17.4.4.02-84 «Методы отбора и подготовки проб для химического, бактериологического, гельминтологического анализа» и др.

К объектам судебной экспертизы отнесены образцы или каталоги продукции, техническая и технологическая документация и другие информационные материалы организаций, независимо от организационно-правовых форм собственности, необходимые для производства исследования. При этом важно подчеркнуть, что обеспечение неразглашения полученных сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, – прерогатива государственных судебно-экспертных учреждений.

Что касается других материалов, необходимых для проведения судебно-экспертного исследования и дачи заключения эксперта, здесь можно согласиться с мнением Д. В. Искутина-Федорова, который относит к ним стандарты и эталоны в качестве образцов для сравнительного исследования. По его мнению, в уголовном процессе они появляются как в результате проведения следственных действий (например, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и проведение экспертизы в соответствии со ст. 202 УПК РФ и ст. 234 УПК Республики Беларусь), так и из коллекций экспертной организации, в связи с чем стандарты и эталоны обладают всеми признаками образцов [4].

Аналогичной позиции придерживается и О. Г. Дьяконова, относящая к объектам экспертного исследования, помимо стандартов и эталонов, образцы и пробы, которые выступают в качестве вспомогательных объектов экспертного исследования, поскольку выполняют служебную роль. По ее мнению, они применяются, как правило, в качестве объектов (например, измерительных приборов), посредством которых в процессе экспертного исследования выявляются определенные признаки и свойства [5].

К объектам судебной экспертизы также отнесены материалы уголовных и иных дел, которые могут быть представлены обстоятельствами, связанными с расследуемым событием. К ним относятся протоколы осмотров мест происшествий, допросов и других следственных действий, схематические зарисовки и др., а также нормативные документы, справочные материалы, в том числе в электронном виде и др.

Помимо этого, полагаем, что с учетом предоставленного законом государственным судебно-экспертным учреждениям права ходатайствовать перед судом, судьей, следователем, органом дознания, лицом, производящим дознание, о получении по окончании производства по делам предметов, являвшихся вещественными доказательствами, для использования в экспертной, научной и учебно-методической деятельности это обстоятельство будет способствовать формированию и функционированию новых натуральных коллекций, одна из целей которых состоит в изучении (исследовании) профилактической составляющей подобных объектов. Очевидно, что реализация указанного положения в первую очередь связана с такими объектами исследования, как бланки различных документов, включая денежные знаки, замки, сигнальные и запорно-пломбировочные устройства и др. Что касается последней группы объектов, важно отметить, что учет особенностей их устройств с «целью обнаружения „слабых мест“ при создании эффективных технологий контроля» позволяет выработать рекомендации для пользователей и их производителей, направленные на «эффективное противодействие правонарушениям и преступлениям... и быть частью комплексной системы противодействия» [6, с. 162–163].

Считаем, что изучение данных объектов для использования полученных результатов в экспертной, научной и учебно-методической деятельности – одна из профилактических составляющих не только в теоретическом, но и в практическом плане. Исследование признаков и свойств многочисленных объектов судебной экспертизы позволяет правильно выбрать основание для систематизации и, соответственно, совершенствования классификации последних.

Представленный в данной статье материал не ставит точку в исследовании классификационной системы объектов судебной экспертизы. Учет развития современных технологических процессов, способствующих появлению новых объектов исследования, даст возможность своевременно определить направления их методического и организационного обеспечения для решения задач не только уголовного, но и административного, гражданского, а также конституционного судопроизводства.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. Москва: Норма, 2008. 620 с.
2. Рыжков И. В. Теоретические основы и современные тенденции организации функционирования натуральных коллекций: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2023. 213 с.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: учебник. Москва: Норма, 2009. 384 с.
4. Искютин-Федотков Д. В., Мухин Г. Н. Получение образцов для сравнительного исследования: монография. Москва: Юрлитинформ, 2014. 190 с.
5. Дьяконова О. Г. Образцы и пробы для сравнительного исследования как объекты судебной экспертизы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraztsy-i-proby-dlya-sravnitel'nogo-issledovaniya-kak-obekty-sudebnoy-ekspertizy> (дата обращения: 11.05.2023).

6. Меланич Е. В. Печати: семь тысяч лет. Профилактика правонарушений. Москва: [Б. и.], 2021. 208 с.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course. Moscow: NORMA; 2008: 620. (In Russ.).

2. Ryzhkov I. V. Theoretical foundations and modern trends in organizing the functioning of natural collections. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2023: 213. (In Russ.).

3. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. Theory of forensic examination. Textbook. Ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow: NORMA; 2009: 384. (In Russ.).

4. Isyutin-Fedotkov D. V., Mukhin G. N. Obtaining samples for comparative research. Monograph. Moscow: Yurлитinform; 2014: 190. (In Russ.).

5. Dyakonova O. G. Samples and tests for comparative research as objects of forensic examination. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraztsy-i-proby-dlya-sravnitel'nogo-issledovaniya-kak-obekty-sudebnoy-ekspertizy>. Accessed: 5 November 2023. (In Russ.).

6. Melanich E. V. Seals: seven thousand years. Crime Prevention. Moscow; 2021: 208. (In Russ.).

Соколова Ольга Александровна,

профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент;
sokolova-o-a@mail.ru

Sokolova Olga Alexandrovna,

professor of the department of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, associate professor;
sokolova-o-a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.323
doi: 10.25724/VAMVD.A178

СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОРОВ В ЗАКОНЕ ГРУЗИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Александр Петрович Божченко*, **Роман Георгиевич Ардашев****,
Николай Николаевич Китаев***

* Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова Минобороны России,
Санкт-Петербург, Россия, bozhchenko@mail.ru

** Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
ardashevrg@yandex.ru

*** Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, valentusis@inbox.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественной криминалистике и судебной медицине представлена социально-биологическая характеристика личности воров в законе (на примере лиц грузинской национальности). Материалом исследования служили дактилоскопические карты 21 преступника. Используются методы антропологии, дактилоскопии, социологии, хронобиологии и математической статистики. Установлено, что большинство воров в законе носили фамилии с окончаниями на -дзе (имеретинские) и -ия (мегрельские), были рождены в весенне-летний период. «Коронование» преступников происходило в возрасте от 18 лет до 41 года. Смерть наступала в возрасте от 24 до 65 лет с преобладанием насильственных причин. В отпечатках пальцев рук повышена частота завитковых типов узоров ($p < 0,05$). Сравнительно редко встречались белые линии сильной степени выраженности. Полученные данные свидетельствуют о наличии у воров в законе общих групповых черт акцентуации личности. Результаты исследования могут найти применение при формировании криминалистического портрета личности преступника.

Ключевые слова: вор в законе, дактилоскопия, девиантность, дерматоглифика, судебная антропология, признаки личности, факторы риска, хронобиология

Для цитирования: Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Социально-биологическая характеристика личности воров в законе грузинской национальности // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 64–76. doi: 10.25724/VAMVD.A178

SOCIO-BIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THIEVES IN LAW OF GEORGIAN NATIONALITY

Alexander Petrovich Bozhchenko*, **Roman Georgievich Ardashev****,
Nikolay Nikolaevich Kitaev***

* Military Medical Academy named after S. M. Kirov
of the Ministry of Defence of Russia, Saint Petersburg, Russia,
bozhchenko@mail.ru

** Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russia, ardashevg@yandex.ru

*** Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
valentusis@inbox.ru

Abstract. For the first time in Russian criminology and forensic medicine, the article presents the socio-biological characteristics of the personality of thieves in law (using the example of persons of Georgian nationality). Fingerprint cards of 21 criminals served as the research material. The methods of anthropology, fingerprinting, sociology, chronobiology and mathematical statistics were used. It was found that most of the thieves in law had surnames ending in -dze (Imeretinsky) and -iya (Megrelian), were born from the spring-summer period. The age at which the criminals were "crowned" was from 18 to 41 years old. Death occurred between the ages of 24 and 65, with violent causes of death prevailing. The frequency of curl pattern types was increased in fingerprints ($p < 0,05$). White lines of a strong degree of severity were relatively rare. The data obtained indicate that the thieves in law have common group traits of personality accentuation. The results of the study can be used in the formation of a forensic portrait of the criminal's personality.

Keywords: thief in law, fingerprinting, deviance, dermatoglyphics, forensic anthropology, personality traits, risk factors, chronobiology

For citation: Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitaev N. N. Socio-biological characteristics of the personality of thieves in law of Georgian nationality. Forensic Examination, 64–76, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A178

Введение. Изучение личности преступника является важной исследовательской задачей, необходимой для получения ориентирующей и розыскной информации о нем, лучшего понимания мотивов совершаемых им преступлений, предугадывания дальнейших действий, изобличения в совершенных преступлениях и профилактики преступности в целом [1–3].

В отечественной криминалистической и судебно-медицинской литературе в центре внимания, как правило, оказываются преступники, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, причем большинство работ посвящено личности серийных убийц и насильников [4; 5]. Однако настолько же существенную роль играет и такая категория преступников, как воры в законе, занимающие высшее положение в иерархии преступного мира и во многом определяющие принципы и традиции его существования (организационные, финансовые, моральные) [6; 7].

Цель настоящего исследования – поиск социально-биологических признаков, характерных для лиц из криминальной группы «воры в законе».

Материалом исследования служили дактилоскопические карты (всего 21 шт.) лиц грузинской национальности, осужденных с 1974 по 2018 г. за совершение преступлений, предусмотренных различными статьями УК СССР и УК РФ (хулиганство, кража, грабеж, разбой, вымогательство, подделка документов, незаконное хранение / сбыт наркотиков или оружия и пр.), которых объединяла принадлежность к преступному сообществу воров в законе. Выбор именно такого объекта исследования был обусловлен его доступностью и потенциальной информативностью [4; 5; 8; 9]. В качестве сравнительного материала выступали сведения о частоте встречаемости дактилоскопических / дерматоглифических признаков, опубликованные в трудах по статистической дактилоскопии [10], дерматоглифике народов СССР [11; 12] и дерматоглифике преступников [4; 5; 13; 14].

Результаты исследования и их обсуждение.

А. Общая характеристика группы.

1. Согласно сведениям, содержащимся в анкетной части дактилоскопических карт, местом рождения всех обследованных лиц была Грузинская ССР, из них 7 человек родом из г. Тбилиси, 4 – из г. Кутаиси, 2 – из г. Сухуми (Абхазия), 2 – из г. Кобулет (Аджария), по 1 – из других небольших городов, поселков и сел. Полученные данные в целом пропорциональны численности населения этих населенных пунктов. Например, почти 1/3 населения Республики проживает в г. Тбилиси, такая же доля (7 из 21) приходится на количество воров в законе из столицы. В то же время население г. Кутаиси меньше почти в 7 раз, но количество воров в законе там меньше всего лишь в 1,8 раза (следовало ожидать 1, тогда как их 4), а из г. Батуми (второго по численности) в исследованной выборке, напротив, не оказалось ни одного вора в законе. Вышеуказанные данные заслуживают того, чтобы их зафиксировать как факт. Возможно, они являются отражением существования кланов в воровском мире, особенно характерных для Грузии [6]. Не исключено, что установленные расхождения связаны со статистическими погрешностями исследования в силу малочисленности анализируемой выборки воров в законе.

2. Сведений о принадлежности обследованных лиц к определенной грузинской этногеографической группе в дактилоскопических картах не имелось (как не было такой информации и на сайте Музея истории воровского мира, где все они обозначены как грузины [7]). Об этом можно было судить лишь косвенно – по особенностям фамильных окончаний. Так, с фамилией, оканчивающейся на -дзе (характерной для Западной Грузии – имеретинцы, аджарцы), было 10 человек; на -ия (присущей Западной Грузии – мегрелы) – 4; -швили (показательна для Восточной Грузии – кахетинцы, картлинцы, грузинские евреи) – 3; -ури / ули (свойственна для горных районов Восточной Грузии – хевсуры, мтиулы, пшавы) и -ава (ярко выражена в Западной Грузии – мегрелы) – по 2 человека. Обращает на себя внимание то, что мегрельских фамилий оказалось 6 (28,5 % от 21), тогда как мегрелы составляют всего лишь 9 % населения Грузии, тем самым фактическое количество воров в законе с мегрельскими фамилиями примерно в 3 раза больше ожидаемого. Как и в случае с местом рождения, этот показатель заслуживает фиксации как факта, может быть учтен, но его нельзя однозначно и достоверно интерпретировать по результатам только настоящего исследования.

3. Обследованные лица были рождены с 1955 по 1976 г., т. е. период, равный 21 году. Поскольку количество обследованных лиц также составило 21, то ожидаемая численность ежегодно рожденных будущих воров в законе равна 1, если исключить какие-либо внешние влияния на этот процесс. Кроме того, в связи с тем, что в научной литературе высказывались предположения о воздействии на поведение человека циклической солнечной активности (в частности, 11-летнего цикла) [15], нами проведена проверка данной гипотезы. Известно, что максимумы солнечной активности в исследованный период приходились на 1958 и 1968 гг. [15], между тем в годы пика солнечной активности родился только 1 человек (в 2 раза меньше ожидаемого). В то же время минимумы солнечной активности выпадали на 1964 и 1976 гг., и тогда же родились не 2 человека, как ожидалось при условии отсутствия влияния солнечной активности, а 3 (в 1,5 раза больше). Корреляция слабая ($r = -0,15$) на уровне статистической значимости $p < 0,32$.

4. Более существенным оказались помесечные и, как следствие, сезонные колебания количества рождений будущих воров в законе. В июле было рождено 7 человек (больше всего), в мае – 4, ни одного – в ноябре, декабре и феврале (при априорной вероятности рождения около 2 человек ежемесячно), а суммарно весной и летом – 16 человек, тогда как осенью и зимой – всего лишь 5 (в 3 раза меньше). Однако описанные колебания количества рождений не являются чем-то специфическим именно для воров в законе. Согласно демографическим данным, в середине и первой половине XX в. рождаемость детей всегда была больше ожидаемой с марта по июль [16]. Одно из объяснений строится на сезонном укладе жизни жителей того времени (преобладало сельское население), отсутствии у большинства из них центрального отопления и желании родителей в связи с этим ухаживать за только что родившимися детьми в теплые месяцы года. Наши данные не противоречат этому: если исключить столицу (с городским населением и сравнительно развитой коммунальной инфраструктурой), то в оставшихся населенных пунктах (селах, поселках, небольших и средних городах) на свет появилось 14 человек из числа исследованных воров в законе, на которых пришлось 5 человек, рожденных в июле (для сравнения, в Тбилиси ни одного рожденного в июле).

Ожидаемая максимальная кратность различий между месяцами наибольшего (июль) и наименьшего (февраль) количества рождений составляет тем не менее всего 1,2 [16], тогда как в нашем исследовании она оказалась больше 7, что может быть связано как со статистическими погрешностями, указанными выше, так и с иными причинами, которые еще ждут своего выяснения. В связи с этим заслуживают внимания данные о значительных помесечных колебаниях количества рождений преступников иных категорий (например, серийных убийц, которых больше всего рождается в марте, апреле и июле) [5].

5. Преступления, за которыми последовала криминальная дактилоскопическая регистрация, были совершены с 1974 по 2018 г. в возрасте от 15 полных лет (Гудушаури П. В.) до 46 лет (Абрамия Э. Г.), средний возраст преступников ($\pm$ стандартное отклонение среднего арифметического значения) составил $26 \pm 9,5$ лет. Посвящение в воры в законе (так называемое коронование) было проведено с 1975 по 2013 г. в возрасте «коронованных» лиц от 18 лет (Читрикашвили Д. Э., Чихладзе Г. А.) до 41 года (Баканидзе А. В.), средний возраст – 24 ± 6 лет.

6. Смерть обследованных лиц наступала с 1994 по 2020 г. в возрасте от 24 (Каландадзе Б. Г.) до 65 лет (Чикваидзе Р. В.); средний возраст на момент смерти – $39,5 \pm 10$ лет (чаще всего в 37 лет). Для сравнения, по данным Музея истории воровского мира [7], возраст воров в законе без учета национальности составил от 21 до 65 и более лет, а средний возраст – более 50 лет.

7. Категория (род) смерти: насильственная смерть – 13 человек (убийство – 12, самоубийство – 1); ненасильственная смерть (заболевание) – 8 человек. С целью убийства преимущественно использовалось огнестрельное оружие, реже взрывные устройства или иные средства. Наиболее частые смертельные заболевания были связаны с поражением печени (гепатит, цирроз) и сердечно-сосудистой системы (инфаркт миокарда, инсульт).

Несмотря на ненасильственный характер смерти от заболевания, в ряде случаев не исключается недиагностированное отравление, протекавшее как заболевание, а значит, фактически имел место насильственный характер смерти (убийство, самоубийство или несчастный случай, например, вследствие передозировки наркотиков). В пользу такого предположения говорит и тот факт, что средний возраст умерших составил 47 лет, тогда как средняя продолжительность жизни мужчин в исследованные годы была около 70 лет, что в 1,5 раза больше возраста наступления смерти воров в законе. Средний возраст убитых воров в законе еще меньше – 34,5 года.

8. Криминальная жизнь обследованных лиц продолжалась от 1 года (Луарсабишвили Т. Г.) до 46 лет (Чикваидзе Р. В.), средний период составил 14 ± 12 лет. В статусе вора в законе – от 0 полных лет (1 месяц – Баканидзе А. В.) до 40 лет (Силагадзе В. М.), средний период – $12,5 \pm 10$ лет. На нашем материале чем в более позднем возрасте было совершено первое преступление, тем дольше проживал обследуемый: корреляция средней силы $r = 0,35$; $p < 0,32$. Однако чем в более позднем возрасте происходило посвящение в воры в законе, тем меньшее количество лет он проживал: корреляция средней силы $r = -0,59$; $p < 0,32$.

9. На историческом отрезке в несколько десятилетий жизнь воров в законе претерпела заметные изменения. Так, рожденные в 50–60-е гг. (условная первая группа) в сравнении с рожденными в 70-е гг. XX в. (условная вторая группа) в среднем короновались в более раннем возрасте (корреляция слабой силы – $r = 0,12$), дольше пребывали в статусе вора в законе (коэффициент корреляции средней силы $r = -0,53$) и имели большую продолжительность жизни (коэффициент корреляции средней силы $r = -0,58$).

В первой группе количество убитых и умерших оказалось примерно равным (6 и 5 соответственно), тогда как во второй убитых почти в 2 раза больше (7 и 3). Большинство убитых (8 из 12) пришлось на 1994–2004 гг., умерших (7 из 8) – на 2005–2020 гг. Таким образом, в конце 1994–2004 гг. на 1 умершего приходилось 8 убитых (в 8 раз больше), в последующий период – на 7 умерших 4 убитых.

10. Согласно сведениям, содержащимся в разделе «Приметы» в примечании к дактилоскопическим картам, только 3 человека из 21 имели какие-либо приметы. Среди них были указаны ампутированный палец и / или шрам (рубец) на кончиках пальцев (изучение отпечатков пальцев показало, что в действительности уверенно распознаваемые рубцы имели место в большем количестве наблюдений –

как минимум у 7 человек). В 1 случае было отмечено, что примет нет. В остальных же случаях (в 17 из 21) раздел «Приметы» в примечании к дактилоскопическим картам оставался незаполненным.

Обращает на себя внимание во всех исследованных дактилоскопических картах отсутствие сведений о приметах других (кроме пальцев рук) областей тела, хотя данная возможность специалисту, проводящему дактилоскопирование (составителю дактилоскопической карты), предоставляется: в качестве подсказки в разделе «Приметы» указываются возможные варианты примет: «увечья, повреждения, бородавки, пятна, рубцы, шрамы, болезненные движения тела, плешивость, асимметрия лица, разноцветность глаз, картавость, заикание, татуировки и т. д.». Заметим в связи с этим, что татуировки на тыльной поверхности пальцев рук (церковь на кольце, кот на перстне и пр.), над ключицами (шестиконечные звезды, эполеты и пр.), а также других областях тела имеются у многих воров в законе и являются их отличительной особенностью, раскрывающей историю личной воровской жизни и вместе с тем свидетельствующей об их общности (принадлежности к одной преступной касте).

Б. Описательная характеристика дактилоскопических / дерматоглифических признаков.

1. Основная дактилоскопическая формула. У 21 обследованного лица встретились 19 вариантов основной дактилоскопической формулы (при этом повторились 2 варианта – «17–17» и «32–32»). В числителе самыми частыми оказались значения «32» (19,0 %), «17» (14,3 %) и «5», «9», «13», «25», «31» (по 9,5 %); в знаменателе – «17» (38,1 %), «32» (19,0 %), «28» (14,3 %) и «1» (9,5 %). Значение знаменателя чаще было больше значения числителя (в 9 случаях из 21), реже – меньше (в 7 случаях), еще реже – равное (в 5 случаях).

2. Основные типы папиллярных узоров. В выборке всех пальцев дуговые типы узоров наблюдались с частотой ($\pm$ среднеквадратичная ошибка) $7,1 \pm 1,8$ %, чаще всего на указательных пальцах левой (23,8 %) и правой (14,3 %) руки и ни разу на больших пальцах, примерно с одинаковой частотой на пальцах правой и левой руки (соответственно 6,7 и 7,6 %). Петлевые узоры радиальной ориентации встречались с частотой $2,9 \pm 1,2$ % и всегда только на указательных пальцах (по 14,3 % на каждой руке), с одинаковой частотой на пальцах правой и левой руки (по 2,9 %). Петлевые узоры ульнарной ориентации встречались с частотой $44,8 \pm 3,2$ %, чаще всего на мизинцах левой (81,0 %) и правой (76,2 %) руки и реже всего на указательных пальцах правой руки (14,3 %), в целом чаще на пальцах левой руки (соответственно 38,1 и 51,4 %). Завитковые узоры оказались самыми распространенными – они наблюдались в $45,2 \pm 3,2$ %, чаще всего на больших пальцах правой (76,2 %) и левой (57,1 %) руки и реже всего на мизинцах (по 19,0 % на каждой руке), в целом чаще на пальцах правой руки (52,4 и 45,2 %).

3. Типы папиллярных узоров, используемые для составления дополнительной дактилоскопической формулы, распределились по пальцам и рукам так, как представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Частота встречаемости типов папиллярных узоров пальцев рук
в группе воров в законе грузинской национальности, %**

Код типа узора	Пальцы правой руки						Пальцы левой руки						Обе руки
	1	2	3	4	5	Ср.	6	7	8	9	10	Ср.	
1	0,0	14,3	9,5	4,8	4,7	6,7	0,0	23,8	9,5	4,8	0,0	7,6	7,1
2	0,0	14,3	0,0	0,0	0,0	2,9	0,0	14,3	0,0	0,0	0,0	2,9	2,9
3	0,0	9,5	28,6	14,3	14,2	13,3	0,0	4,8	14,3	9,5	28,6	11,4	12,4
4	0,0	0,0	0,0	9,5	19,0	5,7	9,5	0,0	19,0	9,5	9,5	9,5	7,6
5	0,0	4,8	4,8	4,8	19,0	6,7	4,8	4,8	14,3	28,6	28,6	16,2	11,4
6	23,8	0,0	9,5	4,8	23,8	12,4	28,6	9,5	9,5	9,5	14,3	14,3	13,3
7	23,8	42,9	9,5	23,8	0,0	20,0	47,6	9,5	23,8	28,6	19,0	25,7	22,9
8	14,3	9,5	19,0	19,0	4,8	13,3	4,8	9,5	4,8	9,5	0,0	5,7	9,5
9	38,1	4,8	19,0	19,0	14,3	19,0	4,8	23,8	4,8	0,0	0,0	6,7	12,9

Обращает на себя внимание тот факт, что среди петлевых узоров ульнарной ориентации преобладали такие, в которых гребневой счет (количество папиллярных гребней от центра узора до дельты) был 17 и больше (условный код «б»), – встречались в 13,3 %, а среди завитковых узоров самыми частыми оказались узоры с внутренним положением левой дельты (условный код «7») – встречались в 22,9 %.

По ряду типов узоров наблюдались значительные отличия частоты встречаемости по рукам. Так, петлевые узоры ульнарной ориентации с гребневым счетом от 14 до 16 (условный код «5») на правой руке имели частоту 6,7 %, тогда как на левой – 16,2 % (в 2,5 раза больше); завитковые узоры с наружным положением левой дельты на правой руке имели частоту 19,0 %, тогда как на левой – 6,7 % (почти в 3 раза меньше).

4. Пальцевые приметы. У 7 человек в отпечатках пальцев уверенно распознавались линейные (характерные для порезов) и округлые (свойственные для ожогов) рубцы, которые чаще всего располагались на указательном пальце левой руки (4 случая), большом пальце левой руки (3 случая) и большом пальце правой руки (3 случая), а в 3 наблюдениях у 1 человека имели место сразу 2–3 рубца. У 4 человек в отпечатках пальцев отмечалось обилие горизонтально-ориентированных белых линий, у 3 – обилие белых точек. У 7 человек «сердцевина» завитковых узоров имела вертикальную линию или форму вертикально вытянутого овала по типу «кошачьего глаза» (причем на всех пальцах, а исключение если и было, то касалось узоров больших пальцев).

В. Сравнительный анализ дактилоскопических / дерматоглифических признаков.

1. По данным исследований в области статистической дактилоскопии, наиболее близких по исследованному материалу к представителям грузинской национальности, частота встречаемости дуговых узоров – 7,4 %, петлевых (без разделения узоров по ориентации) – 67,0 %, завитковых – 25,6 % (исследовано

500 отпечатков [10]). По нашим данным, в отношении воров в законе грузинской национальности эти же показатели равны, соответственно, 7,1, 47,6 и 45,2 %. Различия по петлевым и завитковым узорам статистически значимые (на уровне $p < 0,01$). Таким образом, можно заключить, что для воров в законе более характерны завитковые узоры и менее всего петлевые.

2. Согласно антропологическим исследованиям, частота встречаемости типов узоров у большинства грузинских этногеографических групп варьирует в не очень широком диапазоне (исключение составляют мегрелы, сваны и небольшие этногруппы, проживающие изолированно в высокогорных районах Грузии) [11; 12]. В таблице 2 представлены сводные данные в отношении некоторых грузинских народностей (в наибольшей мере соответствующих месту рождения и фамилии обследуемых лиц из группы воров в законе).

Таблица 2

Частота встречаемости типов узоров в популяциях мужчин различных грузинских народностей (этногеографических групп) и среди воров в законе, %

Источник (автор)	Народность	Количество обследованных лиц	Типы узоров			
			A	Lr	Lu	W
Хить Г. Л., 1983	Кахетинцы	90	7,2	4,7	51,1	37,0
	Имеретинцы	100	4,2	3,8	47,3	44,7
	Картлинцы	106	4,6	2,8	58,5	34,1
	Мохевцы	100	6,4	3,1	40,3	51,1
	Хевсуры	100	5,5	4,0	51,0	38,5
Гладкова Т. Д., 1966	Мегрелы	71	0,9	1,8	61,0	36,3
Всего / в среднем в популяции		567	5,0	3,4	51,1	40,5
Наши данные	Воры в законе	21	7,1	2,9	40,0	50,0

Для корректного сравнительного анализа дерматоглифики воров в законе со средними популяционными показателями дерматоглифики грузинских народностей следует учесть, что в антропологических исследованиях папиллярные узоры, являющиеся переходными между петлевыми и завитковыми, как правило, относят к завитковым. В соответствии с этим частота типов папиллярных узоров воров в законе выглядит следующим образом: для дуговых узоров – $7,1 \pm 1,8$ %; для петлевых узоров радиальной ориентации – $2,9 \pm 1,2$ %, ульнарной ориентации – $40,0 \pm 3,4$ % (меньше, нежели в таблице 1); для завитковых узоров – $50,0 \pm 3,1$ % (больше, нежели в таблице 1).

Сравнивая эти скорректированные данные со средними популяционными показателями дерматоглифики грузинских народностей (табл. 2), установили, что в группе воров в законе грузинской национальности частота встречаемости дуговых узоров в 1,4 раза больше, чем в среднем среди мужчин-грузин, – соответственно 7,1 и 5,0 % ($p < 0,32$). Частота встречаемости петлевых узоров радиальной

ориентации меньше в 1,2 раза – соответственно 2,9 и 3,4 % ($p > 0,32$). Частота встречаемости петлевых узоров ульнарной ориентации в 1,3 раза меньше – соответственно 40,0 и 51,1 % ($p < 0,01$). Частота встречаемости завитковых (включая переходные) узоров в 1,2 раза больше – соответственно 50,0 и 40,5 % ($p < 0,05$).

Примечательно соотношение распространенности различных типов узоров в сравниваемых группах. Так, соотношение петлевых узоров ульнарной ориентации и дуговых узоров среди воров в законе – 5,6, в популяции – 10,3 (в 1,8 раза больше); соотношение завитковых узоров и петлевых узоров радиальной ориентации соответственно 17,2 и 11,8 (в популяции в 1,5 раза меньше); соотношение дуговых узоров и петлевых узоров радиальной ориентации – 2,4 и 1,4 (в популяции в 1,7 раза меньше). Во всех случаях различия статистически значимы (на уровне $p < 0,05$).

3. По данным [4], особенностью лиц с преступным поведением является «скрытое левшество» – левосторонняя асимметрия типов узоров на больших пальцах (петлевой узор на большом пальце правой руки и завитковый узор на большом пальце левой руки) у людей, пишущих и выполняющих другие сложные действия правой рукой. Если в среднем в популяции такой тип асимметрии имеет место всего в 4,5 %, то среди серийных убийц якобы в 80 % (национальный состав обследованных лиц авторы указанного исследования не указывали). В нашей выборке воров в законе такой вариант дерматоглифики встретился лишь в 1 случае из 21 (еще в 2 случаях наблюдалось сочетание петлевого узора на большом пальце правой руки не с истинным завитковым, а с переходным между петлевым и завитковым узором на большом пальце левой руки). В первом варианте частота встречаемости – 4,7 %, во втором – 14,3 %, что соответствует либо среднему значению в популяции, либо значительно ближе к нему, нежели к показателю, характерному для преступников, установленному в работе [4].

На основании сведений из работы [17] у осужденных с деформациями в нравственной сфере (англичан) имела место более высокая встречаемость завитковых узоров. Согласно исследованию [14], для серийных убийц (преимущественно русских) также характерно повышенное количество завитковых типов узоров и при этом дополнительно равное их количество (при наличии) на пальцах правой руки в сравнении с левой. В выборке воров в законе такое равенство наблюдалось в 4 случаях, что составило 19,0 %, среди серийных убийц – 9,2 %, в контроле – 2,1 %. Однако такие признаки пока нельзя расценивать как надежный маркер девиантности вообще и степени ее выраженности тем более, поскольку сравниваемые лица сформированы из представителей различных этногеографических групп, а это существенный фактор, определяющий частоту встречаемости типов узоров и их распределение по рукам и пальцам. Вместе с тем нельзя не признать, что сходство результатов, полученных разными исследователями и в разных этногеографических группах, – признак существования определенной закономерности, а увеличение среди воров в законе именно завитковых узоров как маркеров сложной организации психических процессов коррелирует с характерными для них типами поведения (лидерство, умение коммуницировать, способность быстро ориентироваться в ситуации).

4. Дополнительно в качестве материала для сравнения заслуживают внимания результаты психолого-криминалистического исследования взаимосвязи «узоров папиллярных линий» с психологическими свойствами личности (психотипами) 250 мужчин и женщин, выполненного на базе криминалистической лаборатории юридического института Томского государственного университета [18]. Одним из выводов этой работы было утверждение, что у людей одинаковой акцентуации (например, у шизоидов, эллиптоидов, циклоидов или истероидов) часто встречаются не только однотипные папиллярные узоры или их сочетания, но и одинаковые подвиды папиллярных узоров. Такого же рода наблюдения имели место и в нашем исследовании воров в законе, которых можно отнести к лицам, имеющим сходную акцентуацию (особого типа): например, частую встречаемость завитковых узоров с сердцевинной в форме «кошачьего глаза», о чем было сказано выше.

Авторы также отмечают, что большое количество белых линий в поле папиллярного узора свойственно представителям тех типов акцентуации личности, которые характеризуются избыточной эмоциональностью. В нашем исследовании воров в законе этот признак был сравнительно редким (у 4 человек из 21), что можно трактовать как преобладание у них противоположного качества – эмоциональной холодности. Для более категорического суждения требовалось бы учесть пол и возраст обследуемых лиц, от которых зависит количество белых линий [19], что, к сожалению, не представилось возможным сделать, поскольку в упомянутом выше исследовании [18] пол и возраст обследованных лиц с повышенной эмоциональностью не был указан.

Заключение. Результаты проведенного исследования показывают, что воры в законе имеют большое количество общих врожденных и приобретенных групповых черт, проявляющихся в их социальных, этногеографических, хронобиологических и дактилоскопических характеристиках.

Сходство социальных и этногеографических характеристик можно связать, прежде всего, с социально-экономической природой и клановой сутью воровского мира, особенно характерной для воров в законе грузинской национальности (рост численности таких лиц в периоды экономического кризиса, начало преступной жизни с небольшими преступлениями, большое количество воров в законе из одного города, из одной этнической группы, уменьшение средней продолжительности жизни, насильственные причины смерти).

Кроме того, сходство хронобиологических и дактилоскопических характеристик (рождение преимущественно в весенне-летний период, наличие в отпечатках пальцев малого количества белых линий, повышение частоты встречаемости завитковых типов папиллярных узоров и пр.), коррелирующих с силой, скоростью и уравновешенностью психических процессов, обусловлено типовыми особенностями акцентуации личности воров в законе (организованность, целеустремленность, воля, эмоциональная холодность и т. п.), позволяющими им завоевывать в преступной среде роль лидера (авторитета).

Большинство биологических маркеров являются врожденными, отражают особенности функционирования головного мозга и, как следствие, способности личности к социальной адаптации. Их наличие увеличивает вероятность фор-

мирования отклоняющегося поведения, но не определяет конкретную форму девиации, зависящую не только от биологических, но и социальных факторов, что предугадывает необходимость комплексного подхода при их оценке.

Доступность перечисленных выше характеристик делает возможным получение дополнительной информации о личности преступника, необходимой для формирования его наиболее полного криминалистического портрета.

Список источников

1. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 427 с.
2. Курин А. А. Направления совершенствования учения о криминалистической регистрации в современных условиях // Судебная экспертиза. 2023. № 2. С. 18–29.
3. Протопопов А. Л., Ардашев Р. Г. Вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 252 с.
4. Богданов Н. Н., Самищенко С. С., Хвыля-Олинтер А. И. Дерматоглифика серийных убийц // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 61–65.
5. Яровенко В. В., Ардашев Р. Г. Дактилоскопическая и дерматоглифическая характеристика папиллярных узоров пальцев рук серийных убийц, совершивших преступления из корыстных побуждений // Юридические исследования. 2020. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34697 (дата обращения: 22.09.2023).
6. Кузьмин А. В. «Воры в законе» в СССР и России // Научный компонент. 2019. № 3. С. 110–116.
7. Полный список воров в законе. URL: <http://www.primecrime.ru/characters> (дата обращения: 22.09.2023).
8. Возможности и перспективы дерматоглифики в медицине / А. П. Божченко, И. А. Толмачев, Е. Б. Толмачева, В. Д. Исаков // Военно-медицинский журнал. 2008. № 12 (329). С. 19–24.
9. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Нерешенные проблемы дактилоскопии и криминалистической дерматоглифики // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 279–281.
10. Палиашвили А. А. К вопросу о статистическом методе определения идентификационной ценности деталей папиллярных узоров в дактилоскопической экспертизе // Вопросы криминалистики. 1963. № 8–9 (23–24). С. 201–207.
11. Гладкова Т. Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьяны и человека. Москва: Наука, 1966. 151 с.
12. Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. Москва: Наука, 1983. 280 с.
13. Бадиков К. Н. Психодерматоглифический анализ генетической программы поведения // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 3. С. 17–25.
14. Божченко А. П., Гомон А. А., Якушев В. В. Особенности дактилоскопических формул серийных убийц // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 17–25.
15. Наговицын Ю. А. Глобальная активность Солнца на длительных временах // Астрофизический бюллетень. 2008. № 1. С. 45–58.
16. Захарова О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы // Демография. 1991. № 4. С. 42–52.

17. Jaguin N. The hand of man. London: Faber & Faber Ltd., 1934. 268 p.
18. Скоревич А. С., Фоминых И. С., Ахмедшин Р. Л. О взаимосвязи между особенностями папиллярного узора и психологическими свойствами личности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 178–186.
19. Божченко А. П. Диагностика возраста человека по папиллярному рисунку пальцев рук // Эксперт-криминалист. 2009. № 3. С. 27–32.

References

1. Kitaev N. N., Kitaeva V. N. Expert psychological research in criminal proceedings: problems, practice, prospects. Irkutsk: Publishing house of BSUEP; 2002: 427. (In Russ.).
2. Kurin A. A. Directions for improving the doctrine of criminalistic registration in modern conditions. Forensic examination, 18–29, 2023. (In Russ.).
3. Protopopov A. L., Ardashev R. G. Questions of the use of special knowledge in the investigation of crimes. Ulan-Ude: Buryat State University Press; 2020: 252. (In Russ.).
4. Bogdanov N. N., Samishchenko S. S., Khvylya-Olinter A. I. Dermatoglyphics of serial killers. Questions of psychology, 61–65, 1998. (In Russ.).
5. Yarovenko V. V., Ardashev R. G. Fingerprinting and dermatoglyphic characteristics of papillary patterns of the fingers of serial killers who committed crimes out of self-fish motives. Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34697. Accessed: 22 September 2023. (In Russ.).
6. Kuzmin A. V. "Thieves in law" in the USSR and Russia. Scientific component, 110–116, 2019. (In Russ.).
7. A complete list of thieves in law. Available from: <http://www.primecrime.ru/characters>. Accessed: 22 September 2023. (In Russ.).
8. Bozhchenko A. P., Tolmachev I. A., Tolmacheva E. B., Isakov V. D. Possibilities and prospects of dermatoglyphics in medicine. Military Medical Journal, 19–24, 2008. (In Russ.).
9. Shamurzaev T. T., Ardashev R. G. Unsolved problems of fingerprinting and forensic dermatoglyphics. Law and the State: theory and practice, 279–281, 2021. (In Russ.).
10. Paliashvili A. A. On the question of the statistical method of determining the identification value of the details of papillary patterns in fingerprint examination. Questions of criminalistics, 201–207, 1963. (In Russ.).
11. Gladkova T. D. Skin patterns of the hand and foot of monkeys and humans. Moscow: Nauka; 1966: 151. (In Russ.).
12. Khit G. L. Dermatoglyphics of the peoples of the USSR. Moscow: Nauka; 1983: 280. (In Russ.).
13. Badikov K. N. Psychodermatoglyphic analysis of the genetic program of behavior. Police and investigative activity, 17–25, 2015. (In Russ.).
14. Bozhchenko A. P., Gomon A. A., Yakushev V. V. Features of fingerprint formulas of serial killers. Forensic examination, 17–25, 2021. (In Russ.).
15. Nagovitsyn Yu. A. Global activity of the Sun for long periods. Astrophysical Bulletin, 45–58, 2008. (In Russ.).
16. Zakharova O. D. Demographic situation in the USSR in the 80s. Demography, 42–52, 1991. (In Russ.).

17. Jaguin N. The hand of man. London: Faber & Faber Ltd.; 1934: 268. (In Eng.).
18. Skorevich A. S., Fominykh I. S., Akhmedshin R. L. On the relationship between the features of the papillary pattern and the psychological properties of personality. Bulletin of Tomsk State University, 178–186, 2016. (In Russ.).
19. Bozhchenko A. P. Diagnosis of human age by papillary finger pattern. Expert criminalist, 27–32, 2009. (In Russ.).

Божченко Александр Петрович,

профессор кафедры судебной медицины и медицинского права
Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова Минобороны России,
доктор медицинских наук, профессор; bozhchenko@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Сибирского юридического института МВД России,
доктор философских наук, кандидат юридических наук; ardashevrg@yandex.ru

Китаев Николай Николаевич,

доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального
исследовательского технического университета,
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ;
valentusis@inbox.ru

Bozhchenko Alexander Petrovich,

professor of the department of forensic medicine and medical law
of the Military Medical Academy named after S. M. Kirov
of the Ministry of Defence of Russia,
doctor of medical sciences, professor; bozhchenko@mail.ru

Ardashev Roman Georgievich,

associate professor of the department
of humanities and socio-economic disciplines
of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of philosophical sciences, candidate of juridical sciences;
ardashevrg@yandex.ru

Kitaev Nikolay Nikolaevich,

associate professor of the law department
of the Irkutsk National Research Technical University,
candidate of juridical sciences, associate professor,
honored lawyer of the Russian Federation; valentusis@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования
11.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.35

doi: 10.25724/VAMVD.A179

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕРМИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ РУК, ОСТАВЛЕННЫХ НА КАССОВЫХ ЧЕКАХ***Игорь Владимирович Латышов**, *Михаил Евгеньевич Пахомов*****

* Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, latyshov@gmail.com

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, pakhomoff.mikhail@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыты вопросы использования термического метода для выявления следов рук на кассовых чеках, выполненных из бумаги с термочувствительным слоем. На основе анализа реакции термобумаги на воздействие высокой температуры установлена принципиальная возможность выявления следов рук на этих объектах, раскрыты особенности процесса визуализации следов рук, определен перечень необходимого оборудования. Экспериментальным путем установлены оптимальные значения температурного воздействия на кассовые чеки для выявления следов рук, даны рекомендации по эксплуатации аппаратных средств компьютерной программы PIA 7 000 v.3.22 для оценки полученного на чеке изображения следа. Преимуществами термического метода, по мнению авторов, являются относительная простота его применения, отсутствие потребности в использовании специальных физических и химических веществ для выявления следов; недостатками – возможность уничтожения следа при неправильном выявлении, необходимость лабораторного оборудования – муфельной печи. Сделан вывод, что использование термического метода для выявления следов рук на кассовых чеках расширяет возможности дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы в научном и методическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: следы рук, дактилоскопия, метод исследования, кассовые чеки, термочувствительный слой

Для цитирования: Латышов И. В., Пахомов М. Е. Применение термического метода для выявления следов рук, оставленных на кассовых чеках // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 77–84. doi: 10.25724/VAMVD.A179

APPLICATION OF A THERMAL METHOD TO DETECT HANDPRINTS LEFT ON CASH REGISTER RECEIPTS***Igor Vladimirovich Latyshov**, *Mikhail Evgenevich Pakhomov*****

* Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, latyshov@gmail.com

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, pakhomoff.mikhail@yandex.ru

© Латышов И. В., Пахомов М. Е., 2023

Abstract. The article reveals the issues of using the thermal method to detect handprints on cash register receipts made of paper with a heat-sensitive layer (hereinafter referred to as thermal paper). Based on an analysis of the reaction of thermal paper to high temperature, the fundamental possibility of identifying handprints on these objects has been established, the features of the process of visualizing handprints have been revealed, and a list of equipment necessary for this has been determined. The optimal values of temperature exposure on cash register receipts to detect handprints have been determined experimentally, recommendations for using the hardware of the computer program PIA 7 000 v.3.22 to evaluate the image of the trace obtained on the receipt have been given. The advantage of the thermal method, according to the authors, is the relative ease of its use and the absence of the need to use special physical and chemical substances to identify traces. The disadvantages include the possibility of destroying the trace if it is incorrectly identified, and the need for special laboratory equipment – a muffle furnace. It is concluded that the use of the thermal method to identify handprints on cash register receipts expands the capabilities of fingerprinting and fingerprint examination in the scientific and methodological support of solving and investigating crimes.

Keywords: handprints, fingerprinting, research method, cash register receipts, heat-sensitive layer

For citation: Latyshov I. V., Pakhomov M. E. Application of a thermal method to detect handprints left on cash register receipts. *Forensic Examination*, 77–84, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A179

Одним из объектов дактилоскопической экспертизы являются потожировые следы рук, оставляемые человеком на кассовых чеках, выполненных из термобумаги. Актуальность выбранной темы исследования подтверждается проведенным интервьюированием сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел.

Чековая лента изготавливается из одного слоя офсетной бумаги, на который наносится термохимическое покрытие, состоящее из проявляющих, консервирующих и других веществ [1, с. 24]. Изображение на такой бумаге в контрольно-кассовых машинах (далее – ККМ) получается через технологию прямой термопечати. ККМ отличаются высокой производительностью и позволяют печатать буквенные, цифровые данные, графические изображения и штрихкоды. Термопечать характеризуется простотой конструкции, высокой скоростью и низким уровнем шума [2, с. 113–116].

В состав термопринтера входит плата с расположенными в одну линию нагревательными резисторами, которые формируют печатные знаки. Отдельный резистор из-за малых размеров можно рассматривать как своеобразный растр. Управление нагревом резисторов осуществляет электронное устройство. Специальный термохимический состав покрытия чековой ленты при нагревании темнеет. Печать производится растр-элементами, которые нагреваются под воздействием импульсов тока, подаваемых коммутационно-управляющим блоком [3, с. 21–22].

Термопечать следует отличать от других технологий получения изображений, таких как термоперенос и термосублимация [4, с. 45–46].

При термопереносе на запечатываемый материал точечным источником тепла наносится красящее вещество с полимерной ленты, изготовленной на основе воскообразного связующего.

При термосублимации производится перенос красящего вещества путем его нагревания и перехода из твердого в газообразное состояние при высокой температуре в покрытие специальной бумаги. Получается высококачественное цветное изображение без видимых тональных переходов.

Решение проблемы выявления потожировых следов рук с поверхности термобумаги разрабатывалось в дактилоскопии исходя из свойств термочувствительного слоя, темнеющего от воздействия источника тепла, а также растворителей. В дактилоскопии разработаны химические и физико-химические методы выявления следов рук на объектах из бумаги различных сортов [5–7], а также на конкретном виде – термобумаге [8, с. 49–59; 9, с. 31–37; 10; 11, с. 148–152].

Данные методы выявления следов рук имеют как преимущества, так и недостатки. Однако приоритет в получении положительных результатов выявления следов рук все же отдается использованию раствора нингидрина или его комбинаций.

Сложность исследования кассовых чеков со следами рук заключается в том, что они относятся к объектам, анализ которых традиционными методами затруднителен или невозможен. Термочувствительный слой обладает химической активностью. Это означает, что, задействуя многие химические методы выявления следов рук, компоненты такого слоя вступают в реакцию с применяемыми веществами, что является негативным фактором воздействия и приводит к уничтожению следа [9, с. 31–37].

Так, распространенным средством для выявления следов папиллярных узоров считается раствор нингидрина в ацетоне или этаноле. Однако такой метод установления следов на поверхности кассовых чеков не дает положительного результата, поскольку компоненты термочувствительного слоя входят в реакцию с ацетоном, этанолом. При этом след уничтожается, из-за того что термобумага полностью окрашивается в темно-серый цвет [8, с. 49–59].

Существует способ выявления следов рук на бумаге аэрозольным составом из нингидрина, воды, уксусной кислоты, дипропиленгликоля, изопропилового спирта. Однако содержание в растворе полярного растворителя в виде изопропилового спирта приводит к его реакции с термослоем, которая, в свою очередь, влечет уничтожение следа [10].

Для выявления следов рук на бумаге разработан метод, сущность которого заключается в обработке следов направленным потоком аэрозольного реагента. Реагент помещается в аэрозольный баллончик, в который в качестве пропеллента добавляют фреоны, пропан-бутановую смесь или азот под давлением. В состав аэрозоля входят метилэтилкетон, диэтиловый эфир, уксусная кислота, а также нингидрин и его растворитель (этиловый или изопропиловый спирт) [12]. Данный метод имеет ряд недостатков, и основной из них – наличие полярного растворителя, уничтожающего след.

Иностранцами учеными создана технология выявления следов рук на бумаге при помощи модифицированного нингидрина ThegmaNin (BVDA, Нидерланды), отличающегося от обычного способностью растворяться в некоторых неполярных

растворителях [10]. Раствор на основе ThermoNin успешно применяют для выявления следов рук на бумаге с термочувствительным слоем, но у готового раствора небольшой срок годности (от одной до трех недель). Подобная технология выявления следов рук практически не используется в Российской Федерации, что связано с дороговизной, коротким сроком хранения, невозможностью покупки из-за санкционной политики в отношении нашей страны, а также хранения в стеклянных и пластиковых емкостях [13, с. 55–64].

Известен способ выявления следов рук на термобумаге в две стадии. Сначала поверхность с термочувствительным слоем и следом обрабатывается порошком, состоящим из смеси окислов железа ($\text{FeO}:\text{Fe}_2\text{O}_3:\text{Fe}_3\text{O}_4$). На второй стадии обработку следа производят следующим образом: готовят раствор нингидрина с полярным растворителем (этилацетат, изопропанол, этанол и др.), затем раствор смешивают с неполярным растворителем, например, петролевым эфиром, гексаном, гептаном и др., причем основным компонентом является неполярный растворитель [10]. Недостатком метода выступает его относительно сложное техническое обеспечение.

Вместе с тем совершенствование технико-криминалистических средств и методов выявления следов рук на объектах из термобумаги предполагает поиск новых методов решения данной научной и практической задачи. С этой целью авторами были изучены статьи по теме [14, с. 28–38; 15, с. 68–71] и проведено экспериментальное исследование, в основе которого лежит возможность применения термического метода для выявления следов рук на объектах из термобумаги и выработка соответствующих рекомендаций.

Для проведения эксперимента использовались кассовые чеки шириной 57 мм, полученные при работе одного экземпляра ККМ. На чеки наносились следы пальцев рук. Нагрев чеков осуществлялся в муфельной электрической печи СНОЛ 6/11-В, предназначенной для термообработки изделий в воздушной среде, до температуры $1\ 150\ ^\circ\text{C}$.

Температурный диапазон выявления подбирался экспериментальным путем: было выяснено, что при $50\ ^\circ\text{C}$ потемнений на чеках не наблюдалось, а при $90\ ^\circ\text{C}$ термобумага приобретала темно-серый цвет. В процессе прямой термопечати термобумага в ККМ дополнительно не нагревается, только отдельные растр-элементы, которые и формируют изображение. Кассовые чеки со следами нагревались при температурах $50\text{--}90\ ^\circ\text{C}$. После извлечения из печи фрагменты термобумаги фотографировались.

В качестве элемента обоснования был принят во внимание тот факт, что выявляемые термическим методом следы рук должны быть хорошо различимы на объекте. В числе прочих это обеспечивается и оптимальным соотношением показателей яркости и контраста следа и поверхности объекта. В ходе исследования установлено, что при нагреве кассовых чеков папиллярные линии следов рук остаются светлыми (более яркими), а фон темнеет (становится менее ярким).

Оценка параметров яркости фона проводилась при помощи компаратора Docucenter Nirvis Projectina и предназначенной для него компьютерной программы PIA 7 000 v.3.22, в которой яркость изображения выражается в значениях от 1 до 256, при этом участки поверхности, отражающие больше света, имеют значения ближе к 256, меньше света – ближе к 1. Для этого исследуемый объект

был помещен в компаратор, в верхнем меню выбран режим «включить моно-эмулятор», а для оценки яркости курсор наведен на измеряемую точку фона. В нижнем меню отображается значение яркости. Результаты измерений приведены в таблице 1.

Таблица 1

Яркость поверхности бумаги после нагрева

Объект	Температура, °С				
	50	60	70	80	90
Кассовые чеки	241	212	166	74	59

По итогам проведенного эксперимента можно утверждать, что кассовые чеки по мере нагревания постепенно темнеют, т. е. их яркость уменьшается, при этом папиллярные линии следа остаются светлыми. Результаты анализа зависимости яркости кассовых чеков от температуры нагрева, качества следов свидетельствуют, что наиболее контрастно следы проявляются при яркости в интервале от 166 до 212 единиц (см. рисунок).

Рис. След пальца руки, выявленный на кассовом чеке

Для выявленного термическим методом следа пальца руки характерны светлые папиллярные линии, и для успешного проведения дактилоскопических экспертиз и исследований изображение следа необходимо инвертировать при помощи доступного графического редактора.

Оценка качества выявления следов на кассовых чеках приведена в таблице 2, где символом «+» отмечены значения температуры, при которой следы удовлетворительного качества и пригодны для идентификации. Следы на кассовых чеках наиболее контрастно просматриваются при их нагревании до температуры 60–70 °С.

Таблица 2

Результаты выявления следов

Объект	Температура, °С				
	50	60	70	80	90
Кассовые чеки	–	+	+	–	–

Необходимо отметить, что описанный метод является разрушающим и может привести к уничтожению следов рук. Поэтому для выявления экспертом-криминалистом следовой информации на кассовых чеках целесообразно получить письменное разрешение следователя (дознавателя) на использование разрушающих методов.

Данный метод имеет свои достоинства и недостатки. К преимуществам относятся относительная простота его применения, отсутствие потребности в использовании специальных физических и химических веществ для выявления следов; к недостаткам – возможность уничтожения следа при неправильном выявлении, необходимость лабораторного оборудования – муфельной печи.

В любом случае выбор средств и методов выявления следов рук на кассовых чеках остается за экспертом, который принимает во внимание конкретные свойства объекта – носителя следа, условия его образования, наличие соответствующего лабораторного оборудования.

Использование термического метода для выявления следов рук на кассовых чеках, по нашему мнению, расширяет возможности дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы в научном и методическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений.

Список источников

1. Задоров А. Г. Криминалистическое исследование современных контрольно-кассовых чеков. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 60 с.
2. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. В. Е. Ляпичева, Н. Н. Шведовой. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 268 с.
3. Пахомов А. В., Ефименко А. В., Лютов В. П. Криминалистическое исследование кассовых чеков: метод. рек. Москва: ЭКЦ МВД России, 2014. 64 с.
4. Альбом описаний диагностических признаков современных технологий печати. Москва: ЭКЦ МВД России, 2019. 49 с.
5. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: практ. пособие / под ред. И. А. Анищенко. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
6. Майлис Н. П., Ярмак К. В., Бушуев В. В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учеб. для студентов вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 264 с.
7. Майлис Н. П. Основы дактилоскопии: курс лекций. Москва: РГУП, 2016. 156 с.
8. Лобачева Г. К., Донцова Ю. А., Нурушев А. А. Инновационные средства выявления потожировых следов рук человека на различных поверхностях // Судебная экспертиза. 2018. № 4 (56). С. 49–59.
9. Донцова Ю. А. Направления совершенствования средств и методов обнаружения и выявления следов рук // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 18, № 2. С. 31–37.

10. Пат. 2694825 Российская Федерация. Способ обнаружения и выявления следов рук на термобумаге и других пористых поверхностях с нанесенным текстом / Лобачева Г. К., Донцова Ю. А. 17.07.2019.

11. Донцова Ю. А. Совершенствование приемов выявления следов рук нингидрином // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г. Санкт-Петербург, 2019. С. 148–152.

12. Пат. 2593334 Российская Федерация. Способ выявления следов рук / Козлов А. С. 10.08.2016.

13. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие / Л. А. Черницын, Ю. А. Донцова, А. В. Ивашкова, Т. М. Рыжова. Москва: ЭКЦ МВД России, 2010. 176 с.

14. Тарасенко А. В., Зайцев Р. В. Выявление латентных потожировых следов рук на документах, на бумаге со специальным термочувствительным покрытием // Экспертная практика. 2014. № 76. С. 28–38.

15. Серeda Ю. С., Шукуров Р. Н., Булгакова А. Н. Комплексное криминалистическое исследование кассовых чеков // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (101). С. 68–71.

References

1. Zadorov A. G. Forensic investigation of modern cash registers. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 60. (In Russ.).

2. Technical and forensic examination of documents. Textbook. Ed. by V. E. Lyapichev, N. N. Shvedova. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 268. (In Russ.).

3. Pakhomov A. V., Efimenko A. V., Lyutov V. P. Forensic examination of cash receipts. Methodological recommendations. Moscow: The Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2014: 64. (In Russ.).

4. Album of descriptions of diagnostic signs of modern printing technologies. Moscow: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 49. (In Russ.).

5. Fingerprinting and fingerprinting expertise. Practical guide. Ed. by I. A. Anishchenko. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurлитinform; 2013: 200. (In Russ.).

6. Mailis N. P., Yarmak K. V., Bushuev V. V. Fingerprinting and fingerprint examination. Textbook. Moscow: UNITY-DANA: Law and Law; 2017: 264. (In Russ.).

7. Mailis N. P. Fundamentals of fingerprinting. Course of lectures. Moscow: RGUP; 2016: 156. (In Russ.).

8. Lobacheva G. K., Dontsova Yu. A., Nurushev A. A. Innovative means of detecting traces of human hands on various surfaces. Forensic examination, 49–59, 2018. (In Russ.).

9. Dontsova Yu. A. Directions for improving the means and methods of detecting and detecting handprints. Criminalistics: yesterday, today, tomorrow, 31–37, 2021. (In Russ.).

10. Lobacheva G. K., Dontsova Yu. A. Patent for invention No. 2694825. A method for detecting and detecting handprints on thermal paper and other porous surfaces with printed text. 17 July 2019. (In Russ.).

11. Dontsova Yu. A. Improving techniques for detecting handprints with ninhydrin. In: Forensic examination: past, present and a look into the future: materials of International scientific and practical conference, June 6–7 2019, Saint Petersburg. Saint Petersburg; 2019: 148–152. (In Russ.).
12. Kozlov A. S. Patent for invention No. 2593334. The method of detecting handprints. 10 August 2016. (In Russ.).
13. Chernitsyn L. A., Dontsova Yu. A., Ivashkova A. V., Ryzhova T. M. Modern methods and means of detecting, removing and examining handprints. Textbook. Moscow: The Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2010: 176. (In Russ.).
14. Tarasenko A. V., Zaitsev R. V. Identification of latent fat handprints on documents, on paper with a special heat-sensitive coating. Expert practice, 28–38, 2014. (In Russ.).
15. Sereda Yu. S., Shukurov R. N., Bulgakova A. N. Complex forensic investigation of cash receipts. Jurist-Pravoved, 68–71, 2022. (In Russ.).

Латышов Игорь Владимирович,

профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ; latyshov@gmail.com

Пахомов Михаил Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России; pakhomoff.mikhail@yandex.ru

Latyshov Igor Vladimirovich,

professor of the department of forensics and investigations of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor, honored lawyer of the Russian Federation; latyshov@gmail.com

Pakhomov Mikhail Evgenevich,

senior lecturer of the department of trasology and ballistics of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; pakhomoff.mikhail@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.35
doi: 10.25724/VAMVD.A180

**ЛАТЕНТНЫЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ,
ОБРАЗОВАННЫЕ КРОВЬЮ, – ЗНАЧИМЫЙ ИСТОЧНИК
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Илья Павлович Захаров

Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Россия,
ilyazaharov@mail.ru

Аннотация. В современных условиях усиления уголовно-правовой защиты судопроизводства остро возрастает потребность в объективной доказательственной базе. Изъятые на местах преступлений невидимые и слабовидимые трасологические следы, образованные кровью, становятся важным источником разыскной и доказательственной информации. Однако в криминалистической литературе не освещены причины происхождения данного вида следов, не рассмотрены методы и средства их обнаружения и фиксации, в следственной и экспертной практике отмечены единичные случаи использования латентных следов-отображений, образованных кровью.

В статье автор, опираясь на анализ литературных источников по физиологии и биохимии крови, раскрывает ее свойства после истечения из ран, акцентирует внимание на процессах, которые изменяют ее состояние и создают условия для выделения прозрачной фракции крови – плазмы и сыворотки. На основе экспериментальных исследований автор приходит к выводу, что сыворотка, образующаяся естественным путем, и плазма, выделяющаяся при надавливании на сгусток крови, то самое следообразующее вещество, за счет которого формируются латентные следы-отображения. Установлены механизм, закономерности образования и собирания этих следов, их устойчивость к изменениям под воздействием внешних факторов в течение длительного времени. Исходя из физико-химических свойств следообразующего вещества (плазмы и сыворотки крови) определены наиболее эффективные методы и средства обнаружения и фиксации следов в зависимости от их давности и характеристик следопринимающей поверхности.

Результаты исследования могут быть востребованы при проведении осмотров мест происшествий и экспертных исследований, что позволит существенно расширить объем криминалистической информации, применяемой для поиска лиц, оставивших следы, и получения экспертно-криминалистических доказательств их причастности к совершению преступлений.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следы подошв обуви, латентные трасологические следы крови, плазма и сыворотка крови

Для цитирования: Захаров И. П. Латентные трасологические следы, образованные кровью, – значимый источник криминалистической информации // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 85–101. doi: 10.25724/VAMVD.A180

© Захаров И. П., 2023

**LATENT TRACOLOGICAL TRACES FORMED BY BLOOD
ARE A SIGNIFICANT SOURCE OF FORENSIC INFORMATION**

Ilya Pavlovich Zakharov

Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation,
Moscow, Russia, ilyazaharov@mail.ru

Abstract. In modern conditions of strengthening the criminal legal protection of legal proceedings, the need for an objective evidence base is acutely increasing. Invisible and barely visible tracological traces formed by blood seized at crime scenes become an important source of investigative and evidentiary information. However, the forensic literature does not cover the causes of the origin of this type of traces, does not consider methods and means of their detection and fixation, in investigative and expert practice, isolated cases of the use of latent traces of blood-formed mapping are noted. In the article, the author, based on the analysis of literary sources on the physiology and biochemistry of blood, reveals its properties after the expiration of wounds, focuses on the processes that change its state and create conditions for the release of a transparent fraction of blood – plasma and serum. Based on experimental studies, the author comes to the conclusion that the serum formed naturally and the plasma released when pressing on a blood clot are the trace-forming substance due to which latent traces of the display are formed. The mechanism, patterns of formation and collection of these traces, their resistance to changes under the influence of external factors for a long period of time have been established. Based on the physical and chemical properties of the trace-forming substance (plasma and blood serum), the most effective methods and means of detecting and fixing traces are determined, depending on their prescription and characteristics of the trace-receiving surface. The results of the study can be used in the production of inspections of accident sites and expert research, which will significantly expand the volume of forensic information used to search for persons who left traces and obtain forensic evidence of their involvement in the commission of crimes.

Keywords: examination of the scene, shoe soles, latent tracological traces of blood, plasma and blood serum

For citation: Zakharov I. P. Latent tracological traces formed by blood are a significant source of forensic information. Forensic Examination, 85–101, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A180

Введение. Эффективная работа сотрудников следственно-оперативных групп при проведении осмотров мест происшествий, достаточный уровень организационного и методического обеспечения их деятельности служат залогом успешного использования следов в раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел. Преступления, совершаемые с нанесением открытых телесных повреждений, сопровождаются значительным истечением крови, что обуславливает вероятность образования соответствующих следов на различных предметах обстановки, в том числе следов-отображений.

Как показывает практика, видимые следы, образованные кровью, нередко уничтожаются с целью сокрытия преступлений, а целенаправленный поиск

на месте происшествия по обнаружению таких невидимых или слабовидимых следов фактически не осуществляется. Отсутствие должного внимания к обнаружению этого вида следов объясняется теоретической и практической неразработанностью освещаемой тематики и, как следствие, отсутствием знаний о возникновении, собирании следов, а также опыта, навыков в применении методов и средств для их обнаружения, фиксации и изъятия.

Анализ литературы по данной тематике позволяет заключить, что вопросы обнаружения невидимых и маловидимых трасологических следов-отображений, образованных кровью, фактически не изучались, результаты не публиковались. Многочисленные научные работы посвящены установлению обстоятельств совершения преступления по видимым следам крови, их классификации, морфологии, изучению механизма образования, решению различных ситуационных вопросов [1–12]. Редкие авторы указывают на существование слабовидимых [13, с. 54], скрытых [14, с. 146] или трудноразличимых следов крови, к которым относятся следы крови, совпадающие по цвету со следоносителем или изменившие свой цвет в течение давности [15, с. 121].

Понятие «латентные следы» возникло в криминалистической литературе в 50–60 гг. прошлого столетия. По мере формирования понятийного аппарата в криминалистической технике устоялась следующая формулировка, предложенная Р. С. Белкиным: это «скрытые» следы, которые при обычных обстоятельствах осмотра места происшествия непосредственно (без применения технических средств, специальных приемов и методов) зрением не воспринимаются [16, с. 121].

Учитывая вышеизложенное, актуальными задачами по использованию латентных следов в раскрытии и расследовании преступлений являются:

- улучшение качества проведения осмотров мест происшествий в типичных следственных ситуациях лицами, осуществляющими осмотр, и участвующими в нем специалистами;
- повышение уровня технической и методической обеспеченности экспертно-криминалистических подразделений по собиранию следовой информации.

Указанные проблемы обуславливают актуальность темы исследования.

Автором на основе собственного практического опыта участия в производстве следственных действий по фактам убийств неоднократно визуально обнаруживались неразличимые и слабовидимые следы подошв обуви, образованные наслоением прозрачного вещества, расположенные как рядом с окрашенными кровяными следами, так и отдельно от них. Изъятые латентные следы были положены в основу доказательств причастности лиц к совершению преступлений.

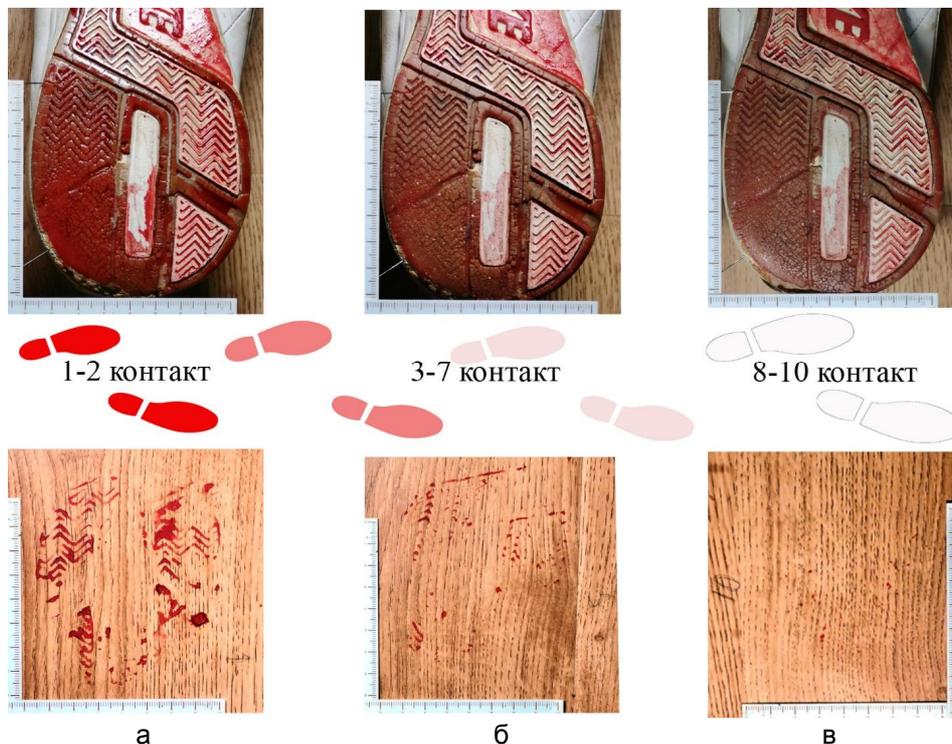
Для подтверждения выдвинутой гипотезы о том, что образование невидимых следов трасологических объектов происходит за счет прозрачной, светлой, жидкой фракции крови, настоящим исследованием требовалось изучить состав крови и биологические процессы, изменяющие ее физико-химические свойства после истечения из ран, экспериментально установить закономерность возникновения и механизм образования следов (на примере следов подошв обуви), а также определить наиболее эффективные средства, методы, приемы их обнаружения и фиксации.

Доля латентных трасологических следов, образованных кровью, в общем объеме изымаемых с места происшествия видимых следов обуви, одежды, перчаток, рук и прочих объектов незначительна. Во многом это объясняется свойствами самих следов, обнаружение которых без применения технических средств и приемов малоэффективно, а в некоторых случаях невозможно.

Механизм слеодообразования. Процесс образования слабовидимых и невидимых следов обуви, формируемых кровью, характеризуется определенными особенностями, связанными со свойствами слеодообразующего вещества.

На первом этапе, в первые минуты после истечения из раны, свежая кровь представляет собой свободно изливающуюся однородную жидкость красного оттенка. В таком состоянии она способна смачивать поверхность подошвы обуви и отчетливо формировать видимые окрашенные следы наложения. В этом случае отчетливость отображения микрорельефа подошвы в следе зависит от количества и вида крови, участвующей в слеодообразовании (рис. 1).

Рис. 1. Результат следовых контактов обуви с поверхностью пола при однократном смачивании свежей кровью поверхности подошвы:

- а – до 2 контактов – интенсивно окрашенные;
- б – от 3 до 7 контактов – частично окрашенные;
- в – от 8 до 10 контактов – в виде микроколичеств

Отметим, что аналогичные динамические, реологические¹ свойства имеет и трупная кровь, которая в процессе фибролиза теряет способность свертываться (фибринолизированная кровь), поэтому свежая донорская и трупная кровь, как показали эксперименты, одинаково оставляет отчетливые видимые следы, но не образует маловидимых и невидимых следов-отображений, формируемых плазмой и сывороткой крови.

На втором этапе через 3–5 минут кровь сгущается, начинает свертываться, становится студневидной, превращается из текучего состояния в тромбофибриновые сгустки. Плазма крови переходит в желеобразное состояние, происходит процесс ее коагуляции.

Загустевшая кровь, как правило, образует расплывчатые очертания отобразившихся элементов рисунка подошвы обуви, располагается в следах неоднородными по консистенции участками с попеременно чередующимися позитивными и негативными отображениями, что значительно затрудняет восприятие деталей строения подошвы обуви (рис. 2).

В результате неоднократных контактов обуви и половой поверхности слой прилипшей свернувшейся крови на подошве уменьшается, плотно прилипает к ней, образуются следы светло-коричневого цвета, в которых просматриваются слабо-видимые участки. В дальнейшем цвет оставляемых следов становится малозаметным, они представляют собой наслоение прозрачной жидкости, образованное плазмой крови (рис. 3).

Рис. 2. След обуви, образованный свернувшейся кровью

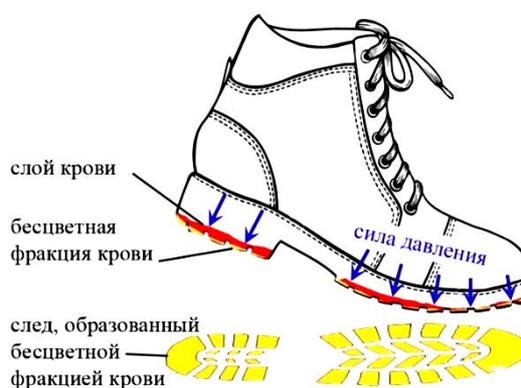

Рис. 3. Механизм создания латентного следа обуви, образованного кровью

Важное значение для объяснения причин формирования латентных следов крови имеет последующий процесс ее ретракции. Фибриновый сгусток со временем сжимается и уменьшается в объеме, при этом выделяется прозрачная светло-

¹ Имеются в виду структурно-механические свойства, присущие всем жидкостям: вязкость, текучесть и др.

желтая жидкость – сыворотка (плазма крови без фибриногена) [17, с. 57] (рис. 4). Ее образование происходит постепенно, активное выделение – спустя 30–60 минут после свертывания крови [6, с. 21]. Сыворотка наблюдается по краям луж, на поверхности толстого слоя потеков, значительных скоплений сгущенной крови.

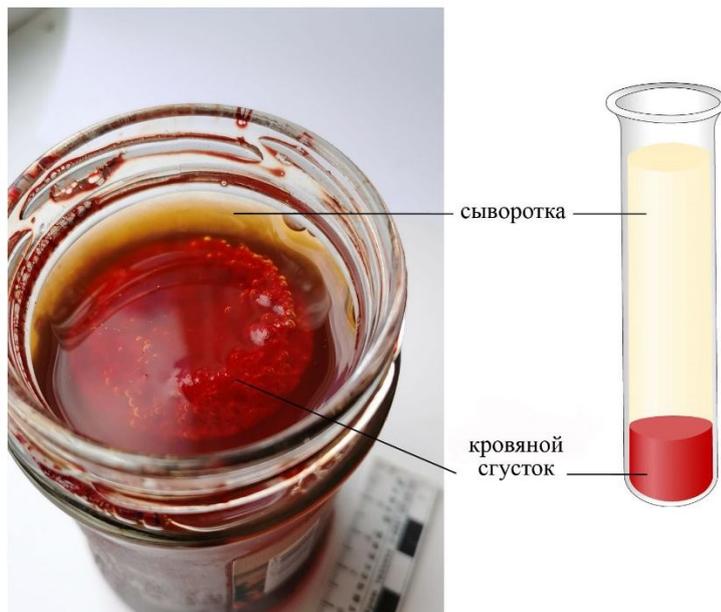

Рис. 4. Тромбофибриновый сгусток и отделившаяся прозрачная жидкость (сыворотка крови)

В результате контактного взаимодействия прозрачная фракция крови переходит с подошвы обуви на следовоспринимающую поверхность в виде бесцветного наслоения жидкости. При комнатной температуре через небольшой промежуток времени вода из следа испаряется, он высыхает и представляет собой гладкий твердый прозрачный слой, образованный сухим остатком плазмы и сыворотки крови, состоящим из низкомолекулярных белков, а также глюкозы и минеральных солей [6, с. 35].

Состав плазмы и сыворотки определяет возможность формировать следы-отображения, т. е. способность смачивать и адгезироваться на ровной твердой поверхности, целиком передавать мелкий рельеф подошвы обуви и других объектов.

Следы, образованные бесцветной фракцией крови¹, в обычных условиях осмотра места происшествия при рассеянном дневном освещении, в скользящих направленных лучах света, не наблюдаются. Возможность обнаружения следов

¹ В целях удобства изложения материала под терминами «бесцветная фракция крови» и «прозрачные компоненты крови» подразумеваются плазма и сыворотка крови, обозначающие следообразующее вещество.

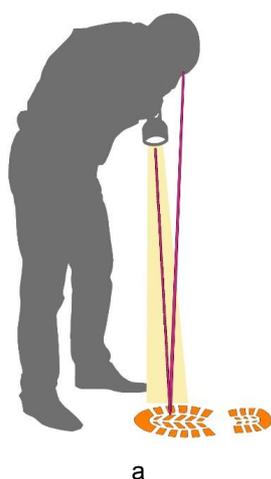
зависит от степени изменения ими свойств следовоспринимающей поверхности. При этом след и поверхность по-разному способны отражать и поглощать световые видимые лучи в невидимой зоне спектра, адгезировать на себе пылеобразные частицы порошков, а также изменять цвет под воздействием химических реагентов.

При экспериментальном исследовании были применены традиционные криминалистические средства и методы обнаружения следов: физические (визуально-оптические и обработка дактилоскопическими порошками) и химические.

Визуально-оптические методы обнаружения. Среди методов выявления латентных следов обуви, образованных прозрачной фракцией крови, визуально-оптические имеют первостепенное значение. Они основаны на усилении видимости следов за счет создания контраста между следом и фоном поверхности, на которой тот расположен.

Раскрывая физические свойства данного вида следов, стоит отметить, что они представляют собой тонкий гладкий слой прозрачного вещества, который способен «отблескивать», т. е. более интенсивно отражать направленный свет. След наблюдается ярким, светлым на более темном фоне (бликует). Именно эта особенность является ключевой для обнаружения данного вида следов на месте происшествия.

Для поиска и наблюдения световой картины «бликующего» следа обуви рекомендуется осветить его направленным светом под углом, близким к 90° по отношению к плоскости следовоспринимающей поверхности. Луч отражения необходимо совместить с линией зрения, при этом блик от источника света будет находиться в площади следа (рис. 5а). След наблюдается светлым в сравнении со следовоспринимающей поверхностью (прием «в блике») (рис. 5б, 6б). Прием позволяет быстро и результативно одному специалисту осмотреть обширные площади помещений, обнаружить такие следы и зафиксировать их фотосъемкой.

а

б

Рис. 5. Поиск следов, образованных бесцветной фракцией крови, приемом «в блике»: а – схема освещения; б – обнаруженный след

Намного реже используется прием «в светлом поле», когда на светлой поверхности след наблюдается более темным. Данная картина имеет место, если поверхность следа рассеивает лучи света, а поверхность пола интенсивно отражает световой поток. В таких условиях след становится похожим на влажный, невысохший след на поверхности (рис. 6в). Данный прием вызывает сложности и неудобен в использовании, так как требует дополнительных средств экранирования и других источников интенсивного освещения.

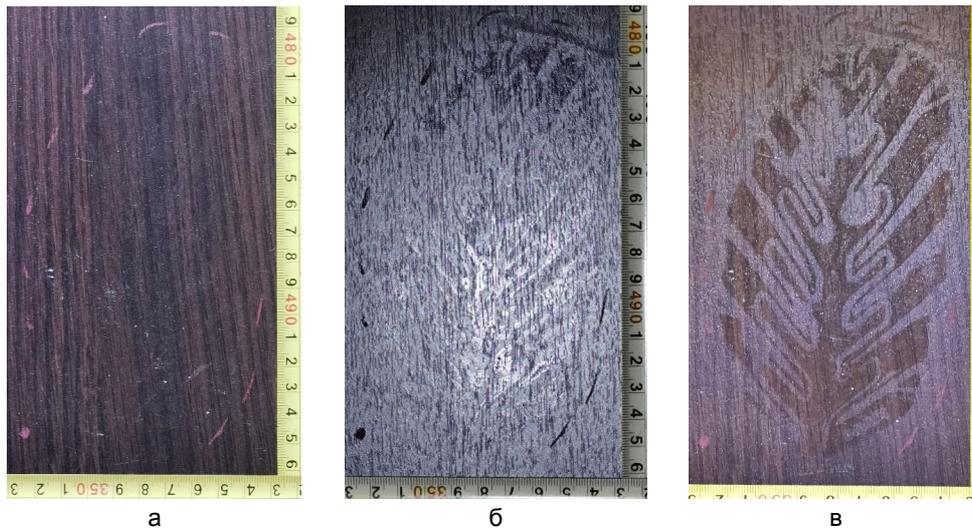

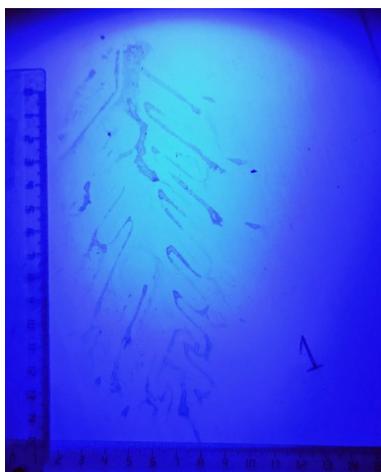
Рис. 6. Участок поверхности пола со слабовидимым следом обуви, образованным бесцветной фракцией крови:

а – при рассеянном освещении; б – приемом «в блике»; в – приемом «в светлом поле»

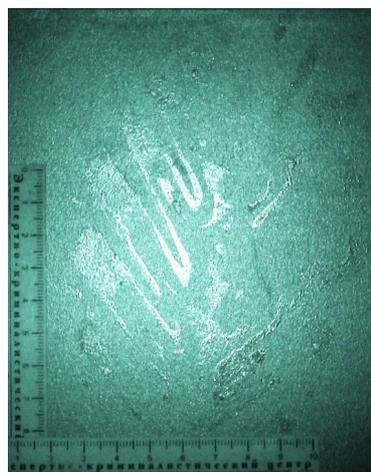
При последующих экспериментах следы, образованные наслоением плазмы, сыворотки крови, осматривались при ультрафиолетовом и инфракрасном освещении. Установлено, что следообразующее вещество в *ультрафиолетовых лучах* не люминесцирует, следы приобретают темный оттенок и контрастируют с фоном лишь при условии люминесцентного свечения следовоспринимающей поверхности (рис. 7а), поэтому данный метод обнаружения недостаточно эффективен для обнаружения следов данного вида.

В *инфракрасном излучении* изображение следа формируется за счет отраженного от следа блика инфракрасного луча, который наблюдается более светлым на темном фоне экрана электронно-оптического преобразователя. Фотоизображение следа в отраженных инфракрасных лучах фиксируется относительно полно без помех (наложений) на многоцветных поверхностях, прозрачных для инфракрасных лучей¹ (рис. 7б).

¹ Поиск и фиксация следов происходили в полной темноте на цифровую камеру с функцией съемки в инфракрасных лучах.

а

б

Рис. 7. Следы обуви, образованные бесцветной фракцией крови:
а – на белом пластике в ультрафиолетовом освещении;
б – на матовом окрашенном полу в инфракрасном освещении

Проведенные эксперименты свидетельствуют, что следы, оставленные плазмой и сывороткой крови, благодаря особенности бликования (создавать блик) закономерно обнаруживаются при помощи визуально-оптических методов на всех предметах материальной обстановки помещений. Вместе с тем выбор оптимального приема освещения в каждом конкретном случае зависит от цвета и микрорельефа следовоспринимающей поверхности.

Выявление дактилоскопическими порошками. Для обнаружения маловидимых и невидимых следов подошв обуви, образованных бесцветной фракцией крови, также может быть востребован традиционный способ *обработки дактилоскопическими порошками*, при этом он имеет определенную особенность.

Известно, что применение дактопорошков для обнаружения следов основано на адгезионных либо адсорбционных свойствах вещества следа, т. е. его способности осаждать либо вбирать в себя мельчайшие механические частицы порошка. Многочисленные эксперименты, проведенные автором, свидетельствуют о том, что используемые с этой целью дактопорошки плохо окрашивают сами следы. Состав следообразующего вещества, его твердость, низкая гигроскопичность, отсутствие шероховатости и влаги препятствуют устойчивому налипанию порошковых частиц (рис. 8).

Возможность и качество выявления следов обуви рассматриваемого вида при помощи порошков во многом зависят от свойств поверхности, на которой будет проводиться поиск. Большинство поверхностей помещений (линолеум, ламинат, кафель, красочный и лаковый слои поверхности мебели, пластик, картон, бумага, древесина), где остаются следы обуви, изготовлены из материалов, интенсивно окрашиваемых порошками, что является благоприятным условием получения контраста между следом и фоном (рис. 9а).

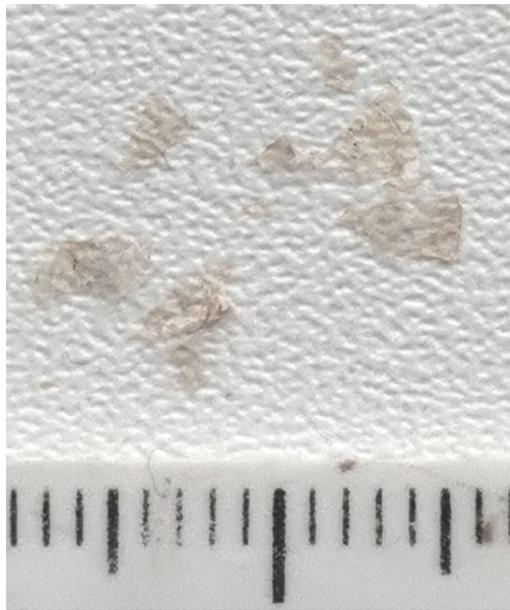

Рис. 8. Частицы бесцветной фракции крови, отделившиеся от следоносителя после высыхания

а

б

Рис. 9. След обуви, образованный бесцветной фракцией крови, на матовом пластике:
а – до обработки;
б – выявленный черным магнитным дактилоскопическим порошком

Чистые незапыленные поверхности стекла, гладкой керамической плитки и аналогичные поверхности слабо адгезируют дактилоскопические порошки, поэтому контраст между следом и фоном малозаметен. Следы и материалы, которые слабо воспринимают порошки, целесообразно обрабатывать *двухкомпонентными смесями с люминесцирующим эффектом*. Слабовидимый слой порошка интенсивно светится в ультрафиолетовых лучах, значительно усиливая контраст между следом и фоном (рис. 10б). Для этого необходима обработка следа влажным воздухом, которую следует проводить перед нанесением порошка.

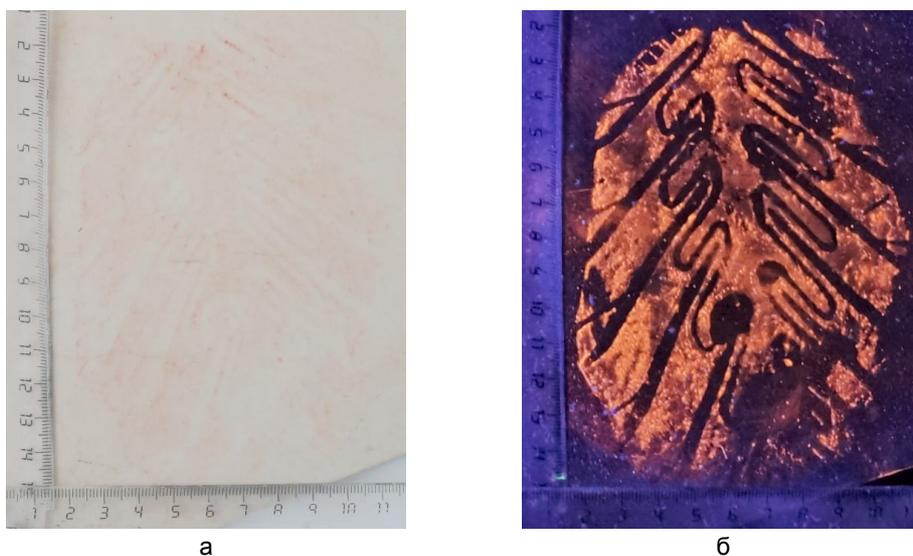

Рис. 10. След обуви, образованный бесцветной фракцией крови на белом пластике, обработанный дактилоскопическим порошком с люминофором:
а – в рассеянном освещении; б – в ультрафиолетовом освещении

В случае когда неизвестны адгезионные свойства следовоспринимающей поверхности, необходимо проводить предварительную обработку порошком на тех участках, где есть незначительные фрагменты следа или наличие следов не предполагается, учитывая при этом структуру, материал, характер и величину микро-рельефа, твердость, степень влажности, гигроскопичность следовоспринимающей поверхности и технические характеристики используемых порошков и смесей.

Химические методы выявления. Принимая во внимание то обстоятельство, что в составе плазмы и сыворотки крови имеются низкомолекулярные белки, аминокислоты и минеральные соли, проводились эксперименты по выявлению невидимых, маловидимых следов при помощи обработки 4 %-м раствором *нингидрина* в ацетоне. Поверхности обрабатывались раствором с помощью пульверизатора – происходила цветная реакция, и следы окрашивались в розово-фиолетовый цвет (рис. 11б).

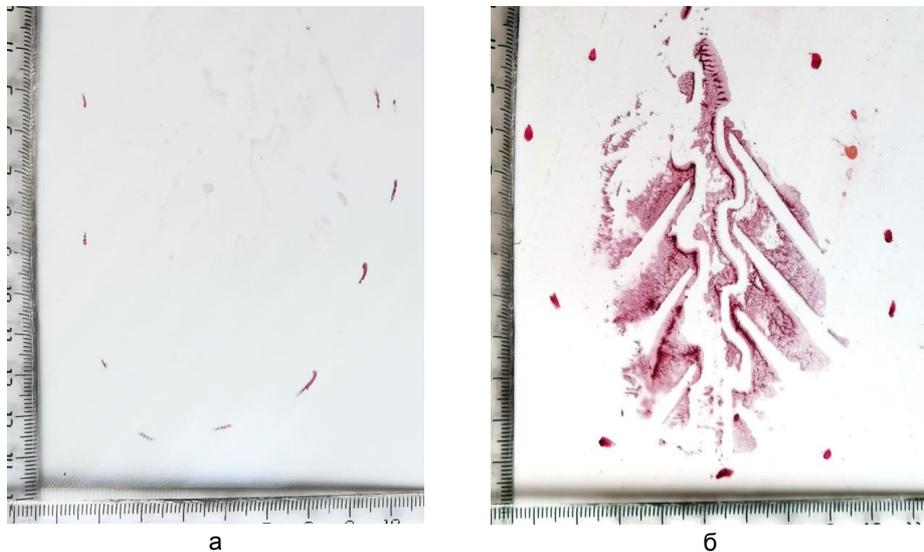

Рис. 11. След обуви, образованный бесцветной фракцией крови, на белом пластике:
а – без обработки; б – выявленный раствором нингидрина в ацетоне

Результат эксперимента свидетельствует, что наличие в плазме и сыворотке крови необходимых компонентов обеспечивает возможность обнаружения данных следов посредством традиционных химических средств, используемых для выявления следов рук, образованных потожировым веществом и кровью. Самыми распространенными считаются диазафлуоренон, черный амид, бензидин, нитрат серебра.

Среди широко обсуждаемых в литературе методов обнаружения следов крови применяется *раствор люминола*, который также может быть использован для выявления данного вида следов [13]. В этом случае обработка слабовидимого следа, образованного кровью, осуществляется при помощи пульверизатора хемилюминесцентным раствором в темном помещении без каких-либо источников света. В результате наблюдается его ярко-голубое свечение в течение непродолжительного времени. В целях подтверждения эффективности данного метода проводятся дальнейшие экспериментальные исследования.

Способы фиксации. Учитывая, что следы обуви, образованные плазмой и сывороткой крови, относятся к поверхностным невидимым или слабовидимым следам, их фиксация и изъятие осуществляются традиционными способами с применением соответствующих технических средств и приемов.

Первоначально данный вид следов подлежит фотографированию по правилам масштабной съемки. Часто именно фотоснимки следов в дополнение к полученным с них копиям (слепкам) оказывают существенную помощь в решении идентификационных задач при производстве трасологических исследований.

Фотографический прием съемки следа «в блике» (рис. 12) позволяет получить контрастные изображения невидимых следов, однако на глянцевых зеркальных следовоспринимающих поверхностях свечение следа не удастся полно зафиксировать. В этих условиях рекомендуется производить съемку следа участками, т. е. на нескольких последовательных снимках (рис. 13).

Рис. 12. Фотографический прием съемки следа «в блике»

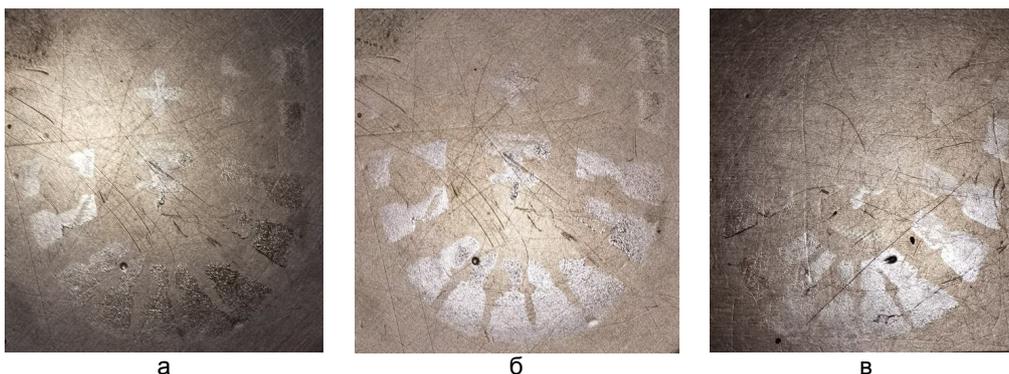

Рис. 13. Расположение отраженного луча от источника света при фотосъемке приемом «в блике» следа, образованного бесцветной фракцией крови:
а – слева; б – по центру; в – справа

Фотофиксация производится не только после обработки следа порошками, но и копирования на пленки. Эта необходимость вызвана тем, что при копировании удаляется фонирующий слой порошка, причем след фиксируется более четко и контрастно. Наилучший контраст следа и фона может быть достигнут при неоднократном копировании.

Следокопировальные средства выбираются в зависимости от цвета порошка и микрорельефа поверхности. В настоящее время представлен широкий выбор: резиногелевые съемники, скотчи, лифтеры, обладающие хорошими адгезионными свойствами и применимые для копирования данного вида следов.

Фиксация следов на силиконовые слепочные массы (компаунды) проводится с шероховатых, матовых, текстурированных и иных схожих поверхностей, где другие методы копирования не подлежат использованию.

Заключение. На основе анализа научной литературы по физиологии и биохимии крови подтверждено, что через определенное время после истечения из раны на месте происшествия кровь проходит несколько стадий изменения своих свойств, связанных с ферментативными процессами и нарушениями биоструктуры. По результатам исследования констатировано, что бесцветная прозрачная фракция крови закономерно становится источником образования латентных следов-отображений подошв обуви и других трасологических объектов.

В процессе работы над публикацией проведены многочисленные эксперименты, моделирующие условия и механизм образования следов на месте происшествия в зависимости от количества, консистенции крови и вида контактирующих объектов, на основании которых:

- установлено, что слеодообразующим веществом латентных следов является плазма и сыворотка крови, которые имеют достаточную плотность, вязкость, текучесть, смачиваемость для формирования следов-наслоений на различных поверхностях;

- подтверждена многократность оставления латентных следов при разовом смачивании подошвы обуви слеодообразующим веществом;

- обнаружено, что следы сохраняют свои свойства длительное время и не подвержены существенным изменениям при перепаде температур и влажности, воздействию пыли, устойчивы к незначительным механическим воздействиям;

- определены наиболее эффективные визуально-оптические методы поиска данных следов на месте происшествия;

- установлена особенность слеодообразующего вещества слабо адгезировать дактилоскопические порошки, поэтому их выбор производится на основе изучения свойств воспринимающей поверхности и получения результата опытных проб;

- с учетом наличия в сыворотке и плазме крови необходимых компонентов возможно обнаружение данных следов посредством традиционных химических средств, используемых для выявления следов рук.

В результате проведенного исследования выработаны конкретные рекомендации по совершенствованию обнаружения маловидимых и невидимых следов трасологических объектов, образованных кровью, при производстве первоначальных следственных действий, которые могут быть использованы при разработке:

- методических и практических рекомендаций по осмотру мест происшествий для сотрудников органов предварительного расследования, оперативно-разыскных и экспертно-криминалистических подразделений;

- мер по повышению эффективности расследования уголовных дел, возбужденных по преступлениям, совершенным с нанесением открытых телесных повреждений;

- учебно-методических материалов при проведении занятий по учебным дисциплинам в высших учебных заведениях.

Список источников

1. Кисин М. В., Туманов А. К. Следы крови. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1972. 86 с.
2. Корухов Ю. Г. Экспертная практика и новые методы исследования: проведение трасологической экспертизы следов крови. Вып. 18. Москва: ВНИИСЭ, 1977. 34 с.
3. Гедыгушев И. А. Судебно-медицинская экспертиза при реконструкции обстоятельств и условий причинения повреждений (методология и практика): реферат. Москва: [Б. и.], 1999. 216 с.
4. Назаров Г. Н., Пашиных Г. А. Медико-криминалистическое исследование следов крови: практ. рук. Нижний Новгород: НГМА, 2003. 258 с.
5. Попов В. Л. Медико-криминалистическая характеристика следов крови: библиотека судебно-медицинского эксперта. Вып. 16. Санкт-Петербург: КОГУЗ МИАЦ, 2010. 44 с.
6. Городецкая И. В. Физиология системы крови: учеб.-метод. пособие. Витебск: ВГМУ, 2012. 117 с.
7. Леонова Е. Н. Судебно-медицинская оценка следов крови при механической травме: автореф. ... дис. д-ра мед. наук. Москва, 2021. 47 с.
8. Современные средства и методы выявления следов рук: практ. пособие / А. С. Яковлева [и др.]. Москва: ЭКЦ МВД России, 2022. 110 с.
9. Бадаляна А. Ф. Судебно-медицинская оценка следов-наложений крови в зависимости от условий слеодообразования и свойств следовоспринимающей поверхности: дис. ... д-ра мед. наук. Новосибирск, 2022. 542 с.
10. Судебно-медицинская оценка следов крови на месте происшествия: учеб. пособие / Ю. И. Пиголкин, Е. Н. Леонова, С. В. Леонов, Н. Нагорнов. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. 256 с.
11. Bevel T., Gardner R. M. Bloodstain pattern analysis with an introduction to crime scene reconstruction. London; New York: Boca Raton, 2008. 406 p.
12. Baxter E. J. Complete crime scene investigation handbook. Florida: CRC Press, 2015. 282 p.
13. О возможности использования раствора люминола для обнаружения следов крови при осмотре места происшествия / О. С. Лаврукова, А. Ю. Поляков, Р. Ф. Берая, В. Л. Попов // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. № 5. С. 53–56.
14. Ардашев Р. Г., Архипова А. Н. Проблемные вопросы обнаружения и предварительного исследования следов крови // Закон и право. 2019. № 4. С. 146–148.
15. Попов В. И. Осмотр места происшествия. Москва: Госюриздат, 1959. 231 с.
16. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. Москва: Мегатрон XXI, 2000. 305 с.
17. Избранные вопросы физиологии крови: учеб. пособие / М. И. Сусликова, М. И. Губина, С. Г. Александров [и др.]. Иркутск: ИГМУ, 2021. 102 с.

References

1. Kisin M. V., Tumanov A. K. The traces of blood. Moscow: VNII MIA USSR; 1972: 86. (In Russ.).
2. Korukhov Yu. G. Expert practice and new research methods: Tracologic examination of traces of blood. Iss. 18. Moscow: VNIISE; 1977: 34. (In Russ.).
3. Gedygushev I. A. Forensic examination in the reconstruction of the circumstances and conditions of injury (methodology and practice). Abstract. Moscow; 1999: 216. (In Russ.).
4. Nazarov G. N., Pashinyan G. A. Forensic examination of the traces of blood. Practical guide. Nizhny Novgorod: NGMA; 2003: 258. (In Russ.).
5. Popov V. L. Medical forensic description of the traces of blood: library of forensic expert. Iss. 16. Saint Petersburg: KOGUZ MIAC; 2010: 44. (In Russ.).
6. Gorodetskaya I. V. Physiology of the blood system. Practical manual. Vitebsk: VGMU; 2012: 117. (In Russ.).
7. Leonova E. N. Forensic-medical evaluation of the traces of blood in a mechanical injury. Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Moscow; 2021: 47. (In Russ.).
8. Yakovleva A. S. (et al.). Modern means and methods of identifying hand marks. Practical manual. Moscow: EKC of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022: 110. (In Russ.).
9. Badalyan A. F. Forensic evaluation of the blood traces, depending on the investigation conditions and properties of the footprint. Dissertation of doctor of medical sciences. Novosibirsk; 2022: 542. (In Russ.).
10. Pigolkin Yu. I., Leonova E. N., Leonov S. V., Nagornov N. Forensic assessment of the blood traces at the scene. Practical manual. Moscow: GEOTAR-Media; 2023: 256. (In Russ.).
11. Bevel T., Gardner R. M. Bloodstain pattern analysis with an introduction to crime scene reconstruction. London, New York: Boca Raton; 2008. 406. (In Eng.).
12. Baxter E. J. Complete crime scene investigation handbook. Florida: CRC Press; 2015: 282. (In Eng.).
13. Lavrukova O. S., Polyakov A. Yu., Beraya R. F., Popov V. L. The possibility of using luminol solution to detect traces of blood when inspecting the scene. Forensic Examination, 53–56, 2021. (In Russ.).
14. Ardashev R. G., Arkhipova A. N. Problematic issues of detection and preliminary examination of the traces of blood. Law and Order, 146–148, 2019. (In Russ.).
15. Popov V. I. Inspection of the scene. Moscow: Gosyuzdat; 1959: 231. (In Russ.).
16. Belkin R. S. Forensic Encyclopedia. 2nd ed., add. Moscow: Megatron XXI; 2000: 305. (In Russ.).
17. Suslikova M. I., Gubina M. I., Alexandrov S. G. (et al.). Selected questions of blood physiology. Practical manual. Irkutsk: IGMU; 2021: 102. (In Russ.).

Захаров Илья Павлович,

заместитель начальника отдела трасологических экспертиз,
учетов и исследования холодного оружия
Управления криминалистических экспертиз и учетов
Экспертно-криминалистического центра МВД России;
ilyazaharov@mail.ru

Zakharov Ilya Pavlovich,

deputy head of the department of tracological examinations,
records and research of cold weapons of the Administration
of forensic examinations and records
of the Forensic science centre of the Ministry of the Interior of Russian Federation;
ilyazaharov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования
17.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.983.2
doi: 10.25724/VAMVD.A181

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
САМОЗАРЯДНОГО ОХОТНИЧЬЕГО КАРАБИНА
МОДЕЛИ «МА-ВИНТОРЕЗ-7,62»**

Арстангали Амангалиевич Нурушев*, **Ольга Владимировна Становая****
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
*arsik.nur@yandex.ru, **stanovoy.70@mail.ru

Аннотация. Решение экспертной задачи по установлению способа изготовления оружия, принадлежности конкретной детали к определенному типу, виду, модели оружия, дифференциации конструктивных изменений, внесенных в основные части оружия на заводе-изготовителе, от изменений, произведенных самостоятельным способом, предполагает выявление и изучение признаков, позволяющих установить способ изготовления отдельных частей и деталей, имеющиеся знания о материальной части новых образцов огнестрельного оружия, широко представленных на российском рынке вооружения. При этом справочной литературы по конструктивным особенностям новых образцов самозарядных охотничьих карабинов недостаточно.

В статье рассмотрены и проиллюстрированы конструктивные особенности основных частей, деталей и механизмов самозарядного охотничьего карабина модели «МА-Винторез-7,62» калибра 7,62 × 39 мм 2022 года выпуска, а также следы, которые образуются на гильзах патронов после выстрела.

Ключевые слова: охотничий карабин, слеодообразующие детали, основные части оружия, ствол, ствольная коробка, затвор

Для цитирования: Нурушев А. А., Становая О. В. Криминалистическое исследование самозарядного охотничьего карабина модели «МА-Винторез-7,62» // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 102–110. doi: 10.25724/VAMVD.A181

**FORENSIC STUDY OF A SELF-LOADING HUNTING CARBINE
OF THE "MA-VINTOREZ-7,62" MODEL**

Arstangali Amangalievich Nurushev*, **Olga Vladimirovna Stanovaia****
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
*arsik.nur@yandex.ru, **stanovoy.70@mail.ru

Abstract. Solving the expert task of establishing the method of manufacturing a weapon, whether a specific part belongs to a certain type, type, model of a weapon, differentiating design changes made to the main parts of a weapon at the manufacturer from changes made in a homemade manner involves identifying and studying features that allow us to establish the method of manufacturing individual parts and

© Нурушев А. А., Становая О. В., 2023

parts, as well as knowledge of the material parts of new types of firearms, widely represented on the Russian arms market. At the same time, reference literature on the design features of new models of self-loading hunting carbines is not enough.

The article examines and illustrates the design features of the main parts, parts and mechanisms of the self-loading hunting carbine of the "MA-Vintorez-7.62" model, caliber 7,62 × 39 mm, manufactured in 2022. The marks that form on cartridge cases after a shot are also illustrated.

Keywords: hunting carbine, mark-forming parts, main parts of the weapon, barrel, receiver, bolt

For citation: Nurushev A. A., Stanovaia O. V. Forensic study of a self-loading hunting carbine of the "MA-Vintorez-7,62" model. Forensic Examination, 102–110, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A181

Анализ экспертной практики показывает, что продолжают оставаться актуальными вопросы по исследованию самодельного огнестрельного оружия. Встречающиеся способы изготовления самодельного оружия довольно разнообразны: с помощью основных частей и деталей списанного, сигнального, травматического оружия; отдельных заводских и самодельно изготовленных основных частей и механизмов; переделки различных экземпляров охотничьего и боевого стрелкового оружия; восстановления боевых свойств оружия времен ВОВ путем ремонта или сборки (компоновки) в единую конструкцию; полностью самодельно изготовленные экземпляры стрелкового оружия.

Кроме того, на исследование часто поступают экземпляры стрелкового оружия в разобранном виде. Особенно это касается вещественных доказательств, которые исследуются в экспертных подразделениях таможенных органов России: через таможенную поставщики совершают различные манипуляции: например, при пересечении товара через границу для уменьшения налогов и сборов поставляют его в разобранном виде как отдельные детали, а не цельный экземпляр стрелкового оружия.

Решение экспертной задачи по установлению способа создания стрелкового оружия, принадлежности конкретной детали к определенному типу, виду, модели, дифференциации конструктивных изменений, внесенных в основные части оружия на заводе-изготовителе, от изменений, произведенных самодельным способом, предполагает выявление и изучение признаков, позволяющих определить способ изготовления отдельных частей и деталей, порядок их сборки и компоновки, а также отличительные признаки части новых образцов огнестрельного оружия, широко представленных на российском рынке вооружения.

Справочной литературы по конструктивным особенностям новых образцов самозарядных охотничьих карабинов недостаточно, поэтому в данной статье будут рассмотрены и проиллюстрированы криминалистические признаки и конструктивные особенности основных частей и деталей самозарядного охотничьего карабина модели «МА-Винторез-7,62» (далее – СОК «МА-Винторез-7,62», карабин) калибра 7,62 × 39 мм.

Для наглядности совпадения и различия отдельных частей конструкции СОК «МА-Винторез-7,62» они были сопоставлены с аналогичными частями знаменитой бесшумной 9-мм винтовки снайперской специальной ВСС «Винторез» (далее – ВСС «Винторез», снайперская винтовка).

СОК «МА-Винторез-7,62» калибра 7,62 × 39 мм производится ООО «Молот армз» в г. Вятские Поляны Кировской области (рис. 1) под охотничьи патроны трех калибров: для гладкого ствола – 366 ТКМ, нарезного – 7,62 × 39, нарезного «штатного» – 9 × 39. Прототип данной модели – ВСС «Винторез» под специальный патрон калибра 9 × 39 мм.

Рис. 1. СОК «МА-Винторез-7,62» калибра 7,62 × 39 мм

Особенность данного карабина заключается в том, что внешний вид оружия практически не отличается от ВСС «Винторез». Кроме того, отдельные детали и части карабина: магазин, приклад, кожух ствола, крышка ствольной коробки, цевье, отдельные части ударно-спускового механизма (далее – УСМ), предохранитель, возвратная пружина – внешне также не дифференцируются от аналогичных деталей вышеуказанной винтовки за исключением незначительных изменений в их конструкции.

СОК «МА-Винторез-7,62» состоит из ствольной коробки со стволом и газовой камерой, кожуха с прицельными приспособлениями, затвора с затворной рамой, крышки ствольной коробки, возвратного механизма, УСМ, приклада, цевья, магазина. Работа механизмов оружия осуществляется за счет энергии пороховых газов. УСМ ударникового типа обеспечивает производство одиночной стрельбы.

Конструктивные особенности основных частей и механизмов СОК «МА-Винторез-7,62» следующие¹:

– ствол удлинен до 330 мм, имеет четыре правонаклонных нареза (в ВСС «Винторез» шесть правонаклонных нарезов); в стволе карабина удален интегрированный глушитель, т. е. отсутствует перфорация (отверстия в стволе), в отличие от боевого варианта. С дульной части ствола и в месте его соединения со ствольной коробкой присутствует наружная резьба для крепления кожуха (имитатора глушителя); на стволе расположен газовый регулятор, обеспечивающий стрельбу из карабина охотничьими патронами с уменьшенной скоростью полета пули Subsonic калибра 7,62 мм (рис. 2, 3);

¹ Паспорт самозарядного охотничьего карабина модели «МА-Винторез-7,62» калибра 7,62 × 39 / ООО «Молот армз», Россия, Кировская область, г. Вятские Поляны.

Рис. 2. Ствол со ствольной коробкой, газовой камерой, газовым регулятором, цевьем СОК «МА-Винторез-7,62»

Рис. 3. Ствол со ствольной коробкой, газовой камерой, цевьем ВСС «Винторез»

– корпус кожуха ствола карабина полый без сепаратора, в средней части он имеет рельефную насечку; сверху прицельные приспособления изготовлены в виде колодки с прицельной планкой и мушкой (рис. 4);

– при внешнем сходстве кожух ствола карабина и корпус глушителя снайперской винтовки обладают конструктивными сходствами и отличиями. Кожух ствола карабина состоит из двух частей: первая часть – это непосредственно сам корпус с прицельными приспособлениями, вторая часть – съемная деталь, предназначенная для центровки кожуха (рис. 5), крепящаяся внутри корпуса прямо на дульный срез ствола с помощью резьбы;

– корпус глушителя снайперской винтовки крепится к стволу только двумя сухарными соединениями и защелкой;

Рис. 4. Корпус кожуха (имитатора глушителя) СОК «МА-Винторез-7,62» (сверху), глушителя ВСС «Винторез» (снизу)

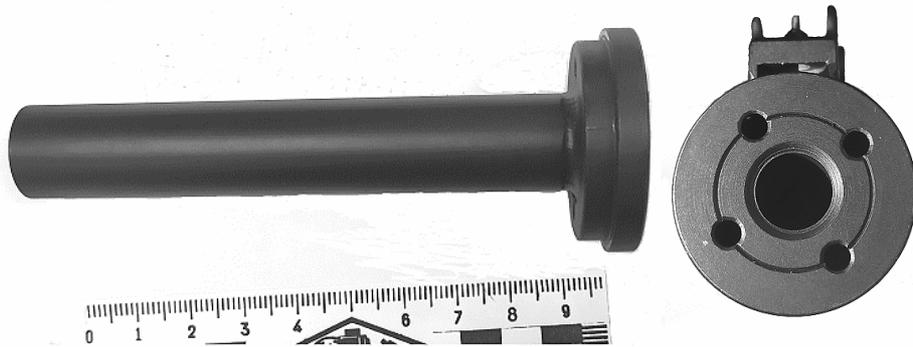

Рис. 5. Съемная деталь корпуса имитатора глушителя СОК «МА-Винторез-7,62»
(вид с боковой и торцевой части)

– затворная рама с газовым поршнем и затвор карабина конструктивно схожи с аналогичными частями снайперской винтовки (рис. 6);

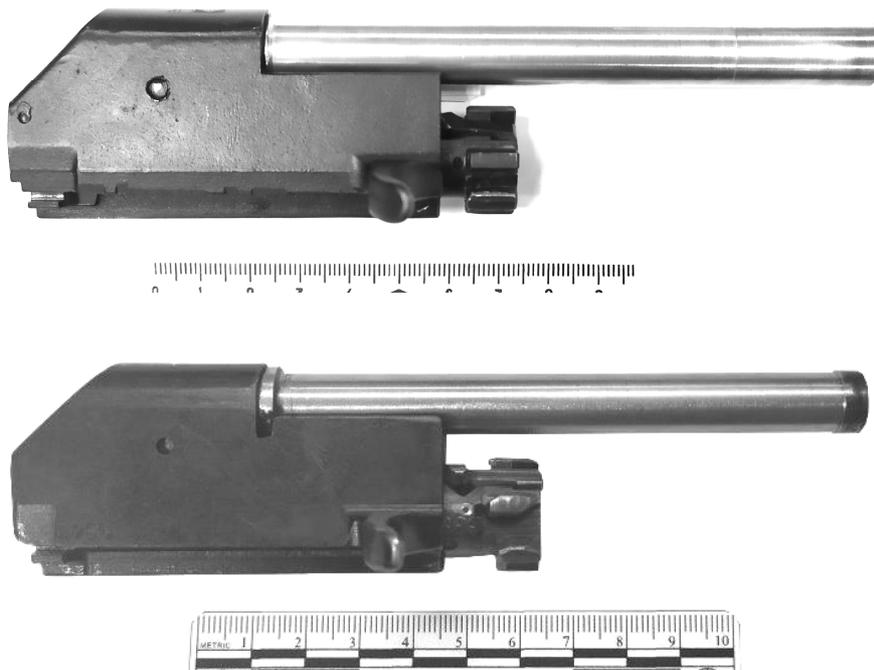

Рис. 6. Затворная рама с газовым поршнем и затвором СОК «МА-Винторез-7,62 мм»
(вид сверху), затворная рама с газовым поршнем и затвором ВСС «Винторез» (вид снизу)

– взаиморасположение, форма и размеры слеодообразующих деталей (бойка, выбрасывателя и отражателя), расположенных на чашке затвора карабина, отличаются от снайперской винтовки (рис. 7);

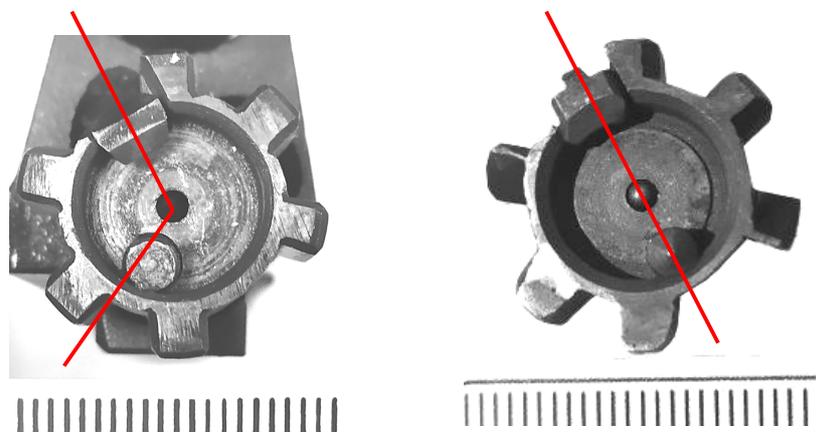

Рис. 7. Головная часть (чашки) затвора СОК «МА-Винторез-7,62» (вид слева), ВСС «Винторез» (вид справа)

- угол взаиморасположения между зацепом выбрасывателя и выступом отражателя в карабине составляет 130° , в снайперской винтовке – 180° ;
- отражатель карабина имеет цилиндрическую форму, отражатель снайперской винтовки – конусообразную (вид справа).

Таким образом, при сравнительном исследовании конструктивных особенностей затворов СОК «МА-Винторез-7,62» и ВСС «Винторез» следы от бойка, выбрасывателя и отражателя на корпусе стреляных гильз будут отличаться.

Наиболее информативными следами оружия, образующимися на гильзах патронов, стрелянных в СОК «МА-Винторез-7,62», следует считать следы зацепа выбрасывателя (отм. 1), бойка ударника (отм. 2), отражателя (отм. 3) (рис. 8);

Рис. 8. Следы на донной части гильзы, стрелянной в СОК «МА-Винторез-7,62»

След бойка ударника отображается по центру капсюля в виде округлой вмятины диаметром 3–3,2 мм с дном полусферической формы. Диаметр следа бойка ударника боевого оружия, ВСС «Винторез», равен 1,9–2,1 мм. След зацепа выбрасывателя отображается на фланце гильзы слева вверху в виде скользящей трассы на поверхности металла шириной 3–4 мм. След отражателя отображается слева внизу на капсюле гильзы в виде двух дуговых вмятин длиной 2,2–2,5 мм (рис. 9).

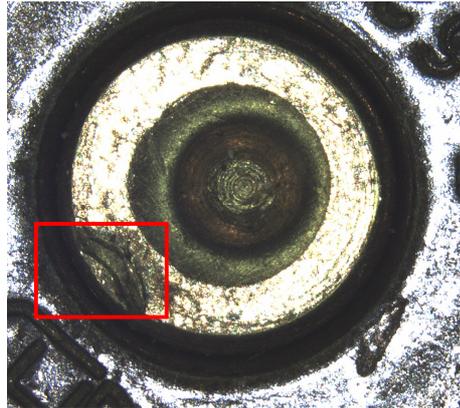

Рис. 9. След отражателя на капсюле гильзы, стрелянной в СОК «МА-Винторез-7,62»

При исследовании следов бойка, зацепа выбрасывателя и отражателя на гильзах, стрелянных в СОК «МА-Винторез-7,62», необходимо учитывать, что они могут отображаться по-разному. Вариационность в отображении следов зависит от типа применяемого патрона 7,62 × 39 мм (боевой, охотничий, охотничий с уменьшенной скоростью полета пули, холостой), конструктивных особенностей гильзы (выше или ниже расположен («посажен») капсюль в капсюльном гнезде).

В СОК «МА-Винторез-7,62» предусмотрен механизм блокировки стрельбы при снятом прикладе (рис. 10, 11).

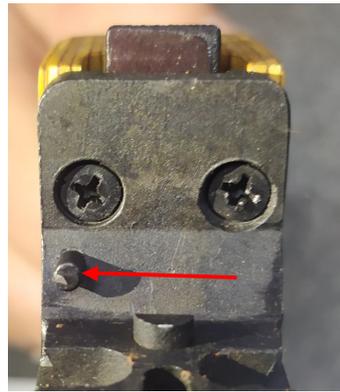

Рис. 10. Торцевая часть ствольной коробки (слева) и приклада (справа) СОК «МА-Винторез-7,62»

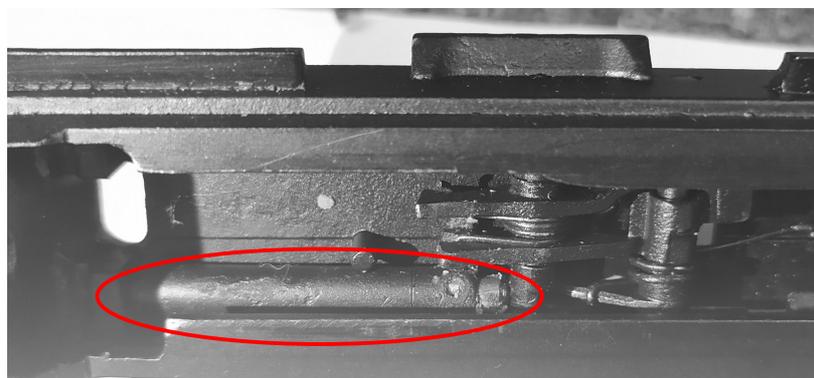

Рис. 11. Блокиратор в ствольной коробке СОК «МА-Винторез-7,62»

Работа механизма блокиратора построена следующим образом: при соединении приклада со ствольной коробкой специальный выступ (толкатель) на прикладе входит внутрь отверстия в ствольной коробке СОК «МА-Винторез-7,62». Толкатель надавливает на внутренний цилиндр блокиратора, который под воздействием пружины отходит назад и освобождает шептало. При снятии приклада внутренний цилиндр блокиратора под воздействием пружины отходит вперед, тем самым запирая выступ шептала.

Такие части СОК «МА-Винторез-7,62», как крышка ствольной коробки, возвратный механизм, боевая пружина с ударником, цевье, конструктивных отличий от аналогичных частей ВСС «Винторез» не имеют.

При поступлении на баллистическое исследование СОК «МА-Винторез-7,62» в разобранном виде, отдельных деталей либо самодельного оружия, изготовленного с использованием составных частей данного стрелкового оружия, у экспертов могут возникнуть затруднения в определении, какому оружию принадлежат части исследуемого стрелкового оружия. Подобные вопросы возникают по причине того, что на базе ВСС «Винторез» разными заводами изготовлены многие модели самозарядного нарезного охотничьего оружия, списанного охолощенного оружия, а также создан автомат специальный (АС) «Вал». Внешний вид и конструкция отдельных деталей вышеуказанного оружия схожи между собой.

На основании вышеизложенного для разрешения этих проблем нужно обязательно установить маркировочные обозначения и обладать представлениями о конструктивных особенностях и различиях основных частей и деталей исследуемого стрелкового оружия. Например, для приклада и ствольной коробки СОК «МА-Винторез-7,62» характерен механизм блокировки стрельбы при снятом прикладе, отсутствующий в боевом оружии «Вал», ВСС «Винторез» и охолощенном «МА-Винторез-СХ». В стволе боевого оружия 54 отверстия (перфорация) одинакового диаметра, в СОК «МА-Винторез-7,62» и охолощенном «МА-Винторез-СХ» такой элемент отсутствует. Боек автомата «Вал» и СОК «МА-Винторез-7,62» выполнен вместе с корпусом ударника и представляет целую деталь, а боек ВСС «Винторез» выполнен отдельно от ударника и расположен внутри головной части затвора.

Полагаем, что приведенные в настоящем исследовании конструктивные особенности основных частей, механизмов и деталей СОК «МА-Винторез-7,62» позволят экспертам успешно дифференцировать их от частей другого нарезного охотничьего, охолощенного и боевого огнестрельного оружия, сходного по внешнему виду с СОК «МА-Винторез-7,62» как заводского, так и самодельного изготовления. Знание взаиморасположения и размеров следов на гильзах, стрелянных в данном карабине, даст возможность устанавливать тип и вид оружия, использованного злоумышленниками на месте происшествия.

Нурушев Арстангали Амангалиевич,
доцент кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
arsik.nur@yandex.ru

Становая Ольга Владимировна,
преподаватель кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России;
stanovoy.70@mail.ru

Nurushev Arstangali Amangalievich,
associate professor of the department of toolmarks and ballistics
of the training and scientific complex of forensic science activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical science, associate professor;
arsik.nur@yandex.ru

Stanovaia Olga Vladimirovna,
lecturer of the department of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
stanovoy.70@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.323
doi: 10.25724/VAMVD.A182

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
АНАЛИТИЧЕСКОГО РИСУНКА ГОЛОВЫ ЧЕЛОВЕКА
В ЦЕЛЯХ РОЗЫСКА ЛИЦ ПО ИХ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЯМ**

Евгений Васильевич Давыдов*, **Иван Николаевич Гладких****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* dawydov@yandex.ru, ** Gladkikh-ivan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности дополнения ограниченной информации о внешнем облике лица человека, запечатленной на фото-, видеоизображениях с помощью аналитического рисунка, для дальнейшего использования в розыске преступников.

В оперативно-следственной практике органов внутренних дел по запечатлению и использованию информации о внешнем облике человека разработаны и постоянно совершенствуются новые цифровые фото-, видеосредства его фиксации. Полученные с их помощью цифровые изображения лица человека стали основными объектами, которые используются в розыске преступников и производстве портретных исследований. Однако преступники при совершении преступлений нередко закрывают (камуфлируют) отдельные части лица головными уборами, шарфами, масками и другими предметами одежды.

На практике при изучении и исследовании информации о внешнем облике человека, запечатленной на цифровых фото- и видеоизображениях и других носителях, сотрудники экспертно-криминалистических и оперативных подразделений сталкиваются с определенными трудностями ее использования в розыске и установлении преступников.

Авторы статьи предлагают варианты (алгоритмы) дополнения ограниченной информации о лице человека до полного ее объема с помощью аналитического способа рисования и дальнейшего использования в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: элементы лица и головы человека, виды ограниченной информации о внешнем облике человека, пропорции лица человека, аналитический способ рисования, фотоизображения, субъективный портрет

Для цитирования: Давыдов Е. В., Гладких И. Н. Возможности использования аналитического рисунка головы человека в целях розыска лиц по их фотоизображениям // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 111–124. doi: 10.25724/VAMVD.A182

**THE POSSIBILITIES OF USING AN ANALYTICAL DRAWING
OF A PERSON'S HEAD IN ORDER TO SEARCH FOR PERSONS
BASED ON THEIR PHOTOGRAPHIC IMAGES**

Eugeny Vasilievich Davydov**, *Ivan Nikolaevich Gladkikh**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* davydov@yandex.ru, ** Gladkikh-ivan@yandex.ru

Abstract. The article considers the possibilities of supplementing limited information about the appearance of a person's face captured in photos, video images with the help of an analytical drawing for its further use in the search for criminals.

In the operational and investigative practice of the internal affairs agencies of capturing and using information about the appearance of a person, new digital photos and video means of fixing it have been developed and are constantly being improved. The digital images of a person's face obtained with their help have become the main objects that are used in the search for criminals and the production of portrait studies. However, criminals often close (camouflage) when committing crimes individual parts of the face with hats, scarves, masks and other items of clothing.

In practice, when studying and researching such information about a person's appearance captured on digital photos and video images and other media, employees of forensic and operational units face certain difficulties in using it in the search and identification of criminals.

The authors of the article propose options (algorithms) for supplementing limited information about a person's face to its full volume using an analytical method of drawing it and its further use in the fight against crime.

Keywords: elements of a person's face and head, types of limited information about a person's appearance, proportions of a person's face, analytical method of drawing, photographic images, subjective portrait

For citation: Davydov Eu. V., Gladkikh I. N. The possibilities of using an analytical drawing of a person's head in order to search for persons based on their photographic images. *Forensic Examination*, 111–124, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A182

В современной жизнедеятельности человека средствами фиксации его внешнего облика могут быть различные устройства: камеры видеонаблюдения, видеорегистраторы, мобильные телефоны (смартфоны) и другие средства запечатления внешности, которые устанавливаются в наиболее криминогенных общественных местах, вокзалах, стадионах, супермаркетах, офисах банков и т. п. Фото-, видеосъемка лица может быть произведена целенаправленно, либо преступник случайно оказывается в центре кадра объектива или на втором плане по отношению к основному сюжету. Кроме того, с целью сокрытия внешности преступники при совершении преступлений закрывают (камуфлируют) отдельные части лица различными предметами одежды. Резонно возникает вопрос: какая по объему и качеству может быть использована информация о внешнем облике лица человека для розыска и установления преступников?

Наука и практика применения фото-, видеоинформации в целях установления личности человека по признакам внешности обусловлены ее количественными

и качественными показателями. Она может быть полной, ограниченной, частичной и фрагментарной. Рассмотрим содержание ограниченной, частичной и фрагментарной информации о внешнем облике человека.

«Ограниченная информация характеризуется фото-, видеоизображением человека в полный рост, в статике и динамике, портретное изображение лица только в статике или только в динамике. На источниках фото-, видеоинформации отображается ограниченный комплекс элементов и признаков внешности, которые могут быть использованы для экспертной идентификации лишь при определенных условиях сопоставимости сравнительного материала в комплексе с другими снимками. Эти объекты также могут быть использованы с целью предъявления их для опознания и в оперативных целях. Для частичной информации характерно, что лицо может не просматриваться вследствие ракурса видеосъемки (съемка сбоку и сзади), прикрытия частей лица с помощью головного убора и одежды (шапка, платок, шарф и т. п.). На изображениях зафиксирован комплекс общефизических элементов внешности человека (рост, телосложение, осанка) и некоторых анатомических частей лица (глаза, щеки, нос, губы и их красные каймы, подбородок). Достаточный для экспертного отождествления комплекс идентификационных признаков отсутствует. Вместе с тем в таком случае не исключается возможность формулирования экспертного вывода в вероятно положительной или отрицательной формах. Такой вид информации также может быть использован в экспертных целях в качестве дополнительного материала, для проведения следственного и оперативного отождествления личности по признакам внешности» [1].

«Фрагментарная информация содержит отдельные фрагменты, характеризующие облик человека. Например, на фото-, видеоизображении зафиксированы фигура, осанка, походка человека или только часть его лица и элементы жестикологии. Эта информация может быть использована только в оперативных целях» [1].

Для определения возможностей дополнения ограниченной информации о внешнем облике человека авторами был изучен конструктивно-аналитический способ рисования головы и лица, который опирается на опорные антропометрические точки строения черепа. Данный метод рисования, в частности, был рассмотрен в работах, посвященных основам рисования головы человека [2–4].

Для рисования головы и лица человека способом аналитического рисунка необходимы лист белой бумаги форматом А4, карандаш, линейка и циркуль. Алгоритм рисования головы и лица человека конструктивно-аналитическим способом заключается в выполнении следующих действий:

1. На листе бумаги откладываем высоту головы в виде вертикального отрезка длиной 140 мм.
2. Делим его на 7 равных отрезков длиной 20 мм.
3. Находим середину высоты головы, для этого средний отрезок делим пополам и через точку D проводим горизонталь.
4. Влево и вправо от точки D откладываем отрезки по 50 мм, получаем отрезок MN, означающий среднюю линию глаз (экватор), и делим его длину на 5 равных отрезков.
5. Циркулем проводим окружность радиусом 50 мм из точки B, которая является серединой третьего отрезка сверху.

6. Из точки O , середины второго отрезка снизу, проводим циркулем окружность радиусом 30 мм.
  7. Точки MFH соединяем плавными дугообразными линиями, объединяя две окружности в форму яйца – исходную для головы человека.
  8. Центральный отрезок SS_1 определяет расстояние между внутренними углами глаз (слезников).
  9. Отрезки S_2S (слева) и S_1S_3 (справа) определяют длину глаз, их наружные углы.
  10. Исходя из того что высота глаза составляет примерно $2/3$ его длины, можно наметить общий объем глаз, включая верхние и нижние подвижные веки. Тогда оба этих отрезка делим на 3 равные части. Далее через центр каждого разделенного отрезка Z и Z_1 откладываем высоту глаза, равную 14 мм, и получаем отрезки GG_1 и G_2G_3 . Соединив точки дугообразными линиями, получим контур глаз.
  11. Чтобы наметить контуры глазной щели, проведем из точек S_2S и S_1S_3 дугообразные линии, обозначающие верхние и нижние веки, причем верхние веки обычно прикрывают радужку на $1/3$ ее высоты, а нижние веки проходят по касательной.
  12. Из внутренних углов глаз опускаем 2 перпендикуляра к основанию носа, проходящего через точку K , и получаем отрезок K_1K_2 – ширину носа у его основания.
  13. Намечаем спинку носа, ширина которой равна $1/3$ ширины его основания (7 мм).
  14. Для нахождения величины верхней части глазничных впадин, частично совпадающей с линией бровей, отложим длину носа по горизонтали от переносья влево и вправо из точек PP_1 в точки P_2P_3 , соединим их дугообразными линиями: PP_2 и P_1P_3 .
  15. Чтобы наметить рот, нужно через точку O отложить горизонталь (линию смыкания губ). Внутреннее расстояние между радужными дисками глаз определит углы рта. Для этого опускаем перпендикуляры до линии смыкания губ и получаем точки RR_1 .
  16. Чтобы наметить местоположение ушных раковин, необходимо вынести горизонтальный уровень основания носа и линии бровей за пределы овала головы. Величина ушных раковин равна примерно $1/3$ высоты лица.
  17. Чтобы получить общую ширину каймы губ, нужно отрезки KO и OV поделить пополам в точках O_1O_2 . Затем, проведя через эти точки к отрезку RR_1 дугообразные линии, получим общее очертание верхней и нижней губы.
  18. Чтобы получить местоположение кончика носа, наметим на главной вертикали AF точку W немного выше точки K . Затем получим отрезок и соединим точки W_1W_2 наклонными линиями с точками основания носа K_1K_2 , чтобы получить нижнюю плоскость носа.
- Дорисовываем волосистой покров любой формы и получаем схему усредненных (классических) пропорций головы и лица человека (рис. 1).

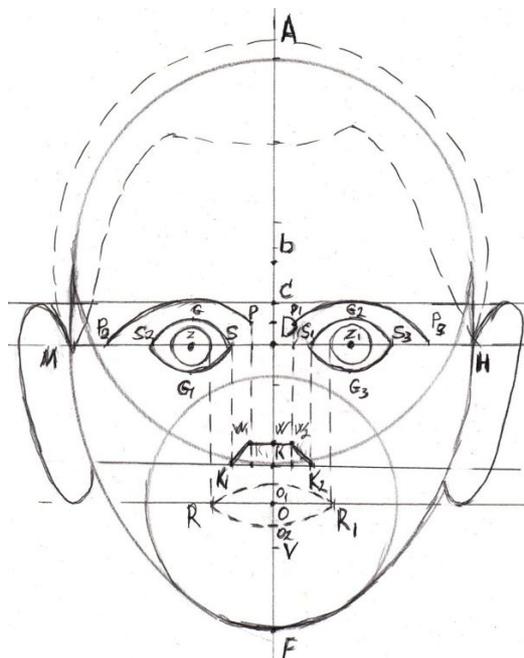

Рис. 1. Схема пропорций головы и лица человека

Изучением головы и лица человека в анфас установлено, что лицо классических пропорций вписывается в вертикальный прямоугольник, который строится на листе бумаги и делится по вертикали на 7 рядов, а по горизонтали – на 5 рядов, что, соответственно, даст нам модульную сетку. Причем главная вертикаль (AF) будет соответствовать линии профиля, а главная горизонталь (D) – средней линии глаз. Основой головы человека считается череп. Наложив модульную сетку на изображение черепа, можно увидеть следующие закономерности: модульным черепом является величина глазницы по горизонтали, равная 1 квадрату; расстояние между глазницами равно 1 квадрату; лицевая часть черепа делится по вертикали на 3 равные части, каждая из которых равна 2 квадратам

В итоге мы видим, что лицо человека классических пропорций делится на 3 равные части:

- а) лобную – от линии бровей до основания роста волос;
- б) носовую – от основания носа до линии бровей;
- в) подбородочную – от нижнего края нижней челюсти до основания носа.

Главная горизонталь D, проходящая через внутренние углы глаз, делит голову по вертикали на 2 равные части. Следовательно, модулем измерения пропорции головы человека является величина глаза от внутреннего до наружного угла (длина глазной щели равна 1 модульному квадрату).

Рисуя портрет человека, мы должны хорошо знать опорные точки черепа, которые помогут верно передать внешнюю форму лица и головы в целом. Некоторые из них отмечаются на поверхности выступов и бугров, другие находятся во впадинах. Опорные точки черепа легко определить и на лице живого человека,

так как они являются его основой, костяком, при этом могут не совпадать с антропометрическими точками. На худощавых лицах последние более заметны, чем на полных. В любом случае они остаются неизменными на протяжении всей жизни.

Авторами были изучены 60 фотоснимков с изображением головы и лица человека с закрытыми нижними и верхними частями (по 30 экз. каждого варианта) и проведены экспериментальные исследования. В качестве объекта исследования взяты изображения человека в медицинской маске, надетой на нижнюю часть лица и закрывающей подбородок и рот, и изображения в головном уборе, прикрывающем верхнюю часть лица, по которым далее с помощью алгоритма конструктивно-аналитического способа рисования были составлены рисованные портреты.

Алгоритм построения нижней части лица заключается в следующих действиях. Предположим, ограниченное по объему информации изображение (нижняя часть лица закрыта маской, рис. 2) поступило на изучение с требованием нарисовать по нему субъективный портрет для дальнейшего использования в розыске преступника и опознания лица.

Рис. 2. Изображение головы с закрытыми элементами нижней части лица

Сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, оперативный работник, обладающий навыками рисования, или приглашенный художник на первом этапе изображают видимые элементы лица, изображение которого не требует доработки (глаза, брови, волосы) (рис. 3).

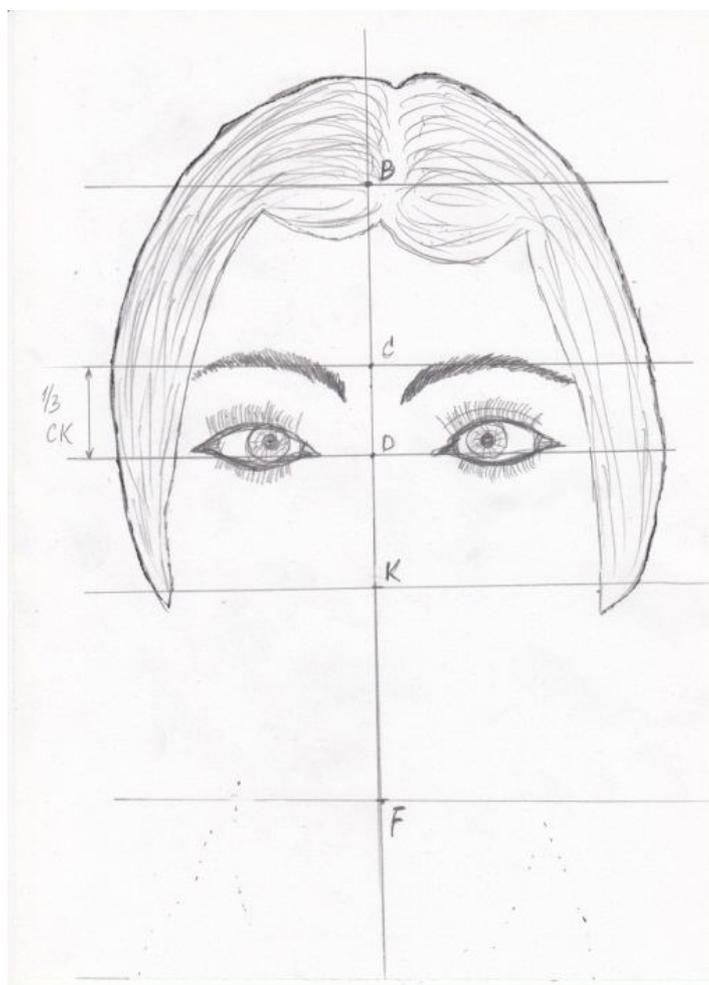

Рис. 3. Изображение элементов головы и лица, не требующих доработки и построения осевых линий и основных точек

Как показано на рисунке 3, была проведена вертикальная ось через центр лица, далее горизонтальные линии глаз (точка D) и бровей (точка C). Зная пропорции лица человека, мы замерили полученное расстояние CD, в нашем случае оно составило 2 см, в свою очередь, данное расстояние равняется $\frac{1}{3}$ от трети высоты лица. Далее известное расстояние между точками CD умножается на 3, в результате получаем 6 см. От точки C вверх и вниз по осевой линии откладываем равные расстояния по 6 см и получаем верхнюю точку B и точку K, которая станет основанием носа. От точки K по осевой линии вниз откладываем еще 6 см, получаем точку F – основание подбородка. Далее нам необходимо дорисовать недостающие элементы: нос и рот (рис. 4).

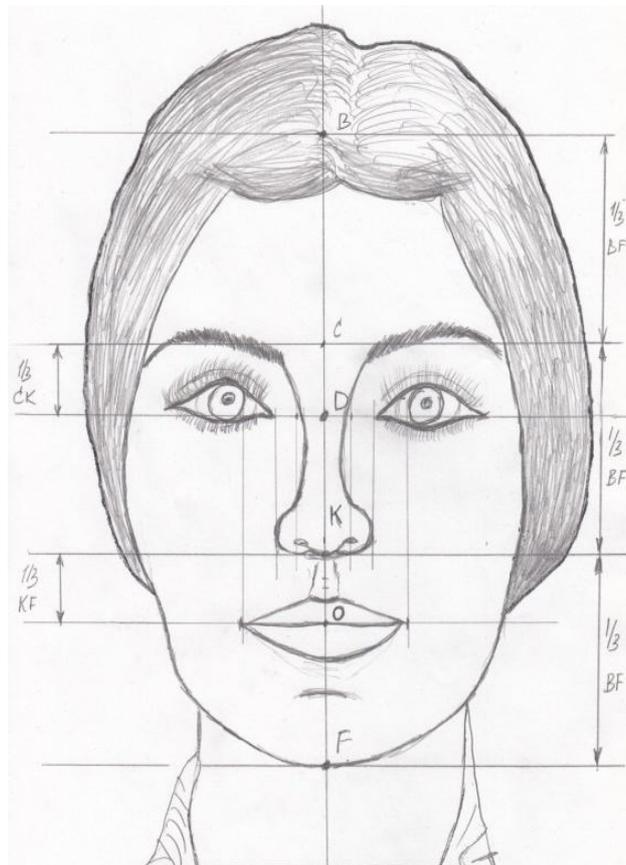

Рис. 4. Готовое изображение головы и лица с линиями построения и элементами дорисовки

Для дорисовки носа необходимо от линии глаз опустить перпендикуляры до линии основания носа, а также, разделив расстояния от осевой линии до внутренних уголков глаз с каждой стороны на 2 равные части, из центров полученных отрезков опустить перпендикуляры вниз до линии основания носа; далее обозначить границы контура носа и крыльев.

Затем, зная, что линия смыкания губ находится в нижней трети лица на расстоянии $\frac{1}{3}$ от основания носа, которое также равно отрезку CD (в нашем случае – 2 см), отметив известное расстояние от линии основания носа вниз, получаем точку O – центр линии смыкания губ. Здесь также проводим горизонтальную линию. Осталось отметить точки ширины рта. Для этого от внутренних границ радужки глаз опускаем перпендикуляры вниз до линии смыкания губ. Полученные точки пересечения будут являться шириной рта. Далее прорисовываем контур губ.

На данном этапе построение и дорисовка недостающих элементов завершены. С помощью штриховки дорабатываем полученное изображение, убираем лишние линии построения (рис. 5). Законченный субъективный портрет направляем инициатору задания.

Рис. 5. Готовое изображение головы и лица с элементами дорисовки

Для наглядности ниже приведены фотокарточка лица и рисованный субъективный портрет с дорисовкой закрытых элементов лица (рис. 6).

Рис. 6. Фото лица и рисованный портрет

Вслед за этим проведена экспериментальная работа по построению закрытой верхней части лица (рис. 7).

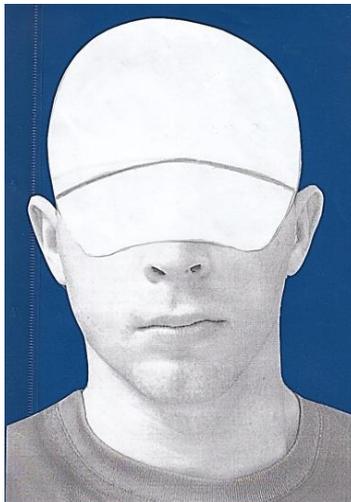

Рис. 7. Изображение головы и лица с частично закрытыми элементами (вариант 2)

По аналогичной (изложенной ранее) схеме были проведены экспериментальные дорисовки по 30 изображениям лиц с надетыми кепками с козырьком. Предположим, что подобный объект поступил эксперту с требованием нарисовать по нему субъективный портрет для дальнейшего проведения розыскных мероприятий и установления лица, причастного к преступлению. Сотрудник экспертно-криминалистического подразделения или оперативный работник, обладающий навыками рисования, на первом этапе фиксирует видимые элементы лица, изображение которого требует доработки (рис. 8, 9).

Рис. 8. Рисунок карандашом с представленного объекта

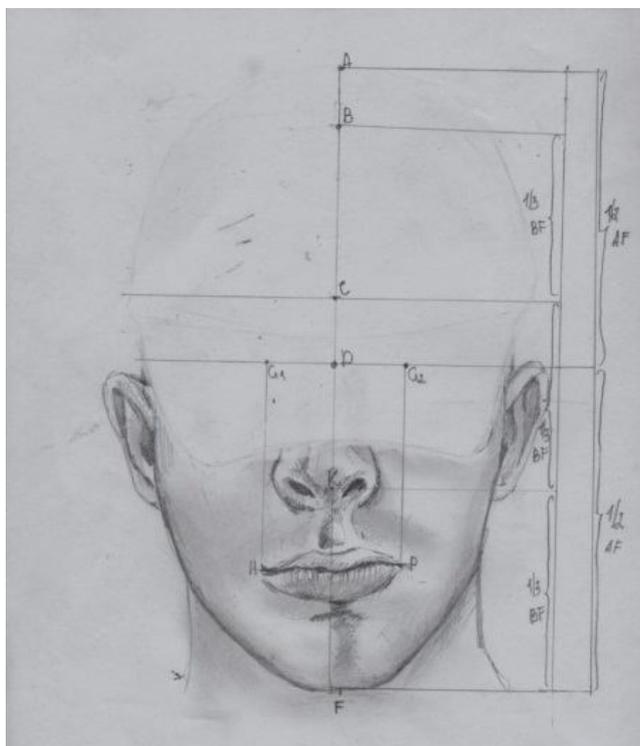

Рис. 9. Изображение элементов головы и лица, не требующих доработки и построения осевых линий и основных точек

Как показано на рисунке 9, была проведена вертикальная ось через центр лица. Далее была измерена величина высоты ротоподбородочной части, согласно которой носовая и лобная части лица должны быть примерно такого же размера.

Исходя из того что лицо человека можно разделить на 3 равные части, при этом зная, что высота ротоподбородочной части (отрезок KF) равна 65 мм, откладываем по прямой вверх равное расстояние, получаем точку С, от которой вверх откладываем еще такое же расстояние, получаем точку В.

Ниже приведены пропорции данного лица и результаты измерений элементов, которые можно было визуалью измерить.

KF	65 мм
СК	65 мм
АС	65 мм

Далее отрезок СК делим на 3 равные части. От точки С опускаемся по вертикальной оси вниз на $\frac{1}{3}$, обозначаем точку D и проводим горизонтальную линию. Уголки рта по линии смыкания губ обозначаем буквами Н и Р. Затем из указанных точек проводим вертикальные линии, параллельные осевой линии, до пересечения с горизонтальной линией, обозначенной точкой D; пересечения обозначаем точками G_1 и G_2 .

После этого четко посередине между внутренними углами глаз (точка D) была проведена горизонтальная ось. Согласно правилам о пропорциях, если разделить ширину каждого из глаз на 3 равные части и провести из точек первой трети глаз (точки G) параллельную оси AF вертикальную ось вниз, получится пропорция ширины рта.

Когда основное расположение глаз и бровей стало известно, можно перейти к дорисовке субъективного портрета. Но следует учитывать, что слишком детальное изображение верхней и средней частей лица, которые были закрыты на начальном поступившем изображении, может помешать узнаваемости очевидцем лица и интерпретации его внешности. Следует наиболее схематично и неярко изобразить очертания глаз и бровей, вершины головы и волосяного покрова, чтобы у опознающего оставалось пространство для личного восприятия облика лица, изображенного на субъективном портрете.

Ниже для наглядности приведены открытый портрет лица, по фотоснимку которого нарисован субъективный портрет, и изображение готового субъективного портрета с дорисовкой (рис. 10, 11).

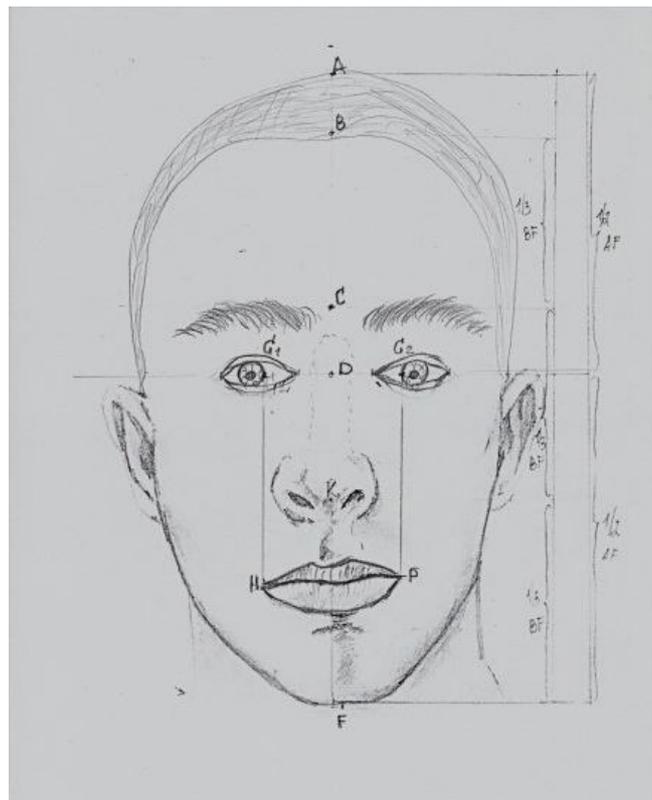

Рис. 10. Готовое изображение головы и лица с элементами дорисовки

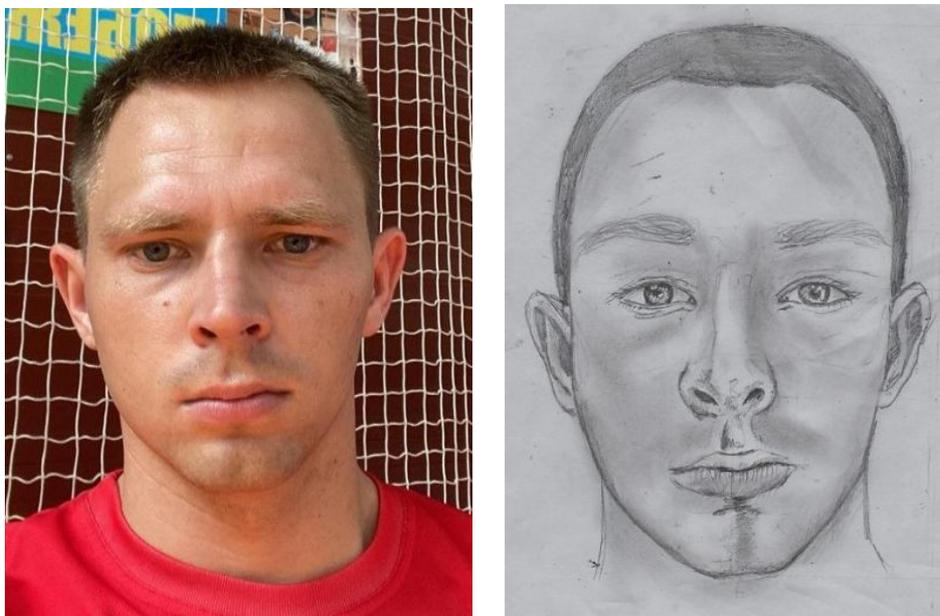

Рис. 11. Фото лица и рисованный портрет

Следует отметить, что навыки рисования головы и лица человека, в том числе с помощью аналитического рисунка, слушатели Волгоградской академии МВД России успешно приобретают при изучении темы № 3 «Основы портретного рисунка» в рамках дисциплины «Субъективный портрет» по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» с 2011 г.

Таким образом, результаты проведенной авторами экспериментальной работы по дополнению ограниченной информации (о закрытых частях лица) с помощью алгоритма аналитического способа рисования позволяют изготавливать портреты, практически похожие на фотографию, и в дальнейшем использовать их для розыска лиц.

Материал, изложенный в статье, будет полезен сотрудникам оперативных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в практической деятельности по розыску лиц и раскрытию преступлений.

Список источников

1. Давыдов Е. В., Задоров А. Г. Влияние некоторых факторов на отображение признаков внешности и возможности идентификации личности по видеоизображениям // Судебная экспертиза. 2020. № 3 (63). С. 73–83.
2. Давыдов Е. В., Солопенко Е. В. О роли и значении рисованного субъективного портрета в раскрытии преступлений и розыске лиц // Судебная экспертиза. 2018. № 4 (56). С. 99–109.
3. Ли Н. Г. Голова человека: Основы учебного академического рисунка. Москва: Эксмо, 2017. 264 с.
4. Ростовцев Н. Н. Рисование головы человека: учеб. пособие для худож. училищ. Москва: Изобразит. искусство, 1989. 301 с.

References

1. Davydov E. V., Zadorov A. G. The impact of some factors on the representation of specific features of human appearance and the possibilities of personal identification by video images. *Forensic examination*, 73–83, 2020. (In Russ.).
2. Davydov E. V., Solopenko E. V. On the role and importance of the hand-made pictorial representation of a person's appearance in solving crimes and detecting persons. *Forensic examination*, 99–109, 2018. (In Russ.).
3. Li N. G. *The human head. Fundamentals of academic drawing*. Moscow: Eksmo; 2017: 264. (In Russ.).
4. Rostovtsev N. N. *Drawing the human head. Textbook for art school*. Moscow: Fine Art; 1989: 301. (In Russ.).

Давыдов Евгений Васильевич,

доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
davydov@yandex.ru

Гладких Иван Николаевич,

старший преподаватель кафедры исследования
документов учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
Gladkikh-ivan@yandex.ru

Davydov Eugeny Vasilievich,

associate professor of the department of document research
of the training and scientific complex
of expert and criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, associate professor;
davydov@yandex.ru

Gladkikh Ivan Nikolaevich,

senior lecturer of the department of document research
of the training and scientific complex of expert and criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
Gladkikh-ivan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.35
doi: 10.25724/VAMVD.A183

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ЭКСПЕРТИЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПЛОМБИРОВОЧНЫХ УСТРОЙСТВ

Лариса Ивановна Потокينا

Экспертно-криминалистический центр УВД
по Троицкому и Новомосковскому административному округу
ГУ МВД России, Москва, Россия, vitomanycharov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются методические основы экспертизы современных запорно-пломбировочных устройств, раскрывается сущность интегративного подхода к их исследованию, предпринята попытка создания алгоритма диагностического исследования с точки зрения технологической составляющей данных видов изделий. Дано определение методики экспертизы современных пломбировочных устройств как совокупность логических методов экспертного исследования, определения порядка и последовательности этапов производства экспертизы. В работе обосновывается необходимость привлечения специалистов в области материаловедения и судебно-компьютерной экспертизы к полному и всестороннему исследованию современных запорно-пломбировочных устройств.

Ключевые слова: запорно-пломбировочное электронное устройство, запорно-пломбировочные устройства, специальные познания, комплексное исследование электронных пломбировочных устройств, механоскопическая экспертиза

Для цитирования: Потокина Л. И. Интегративный подход в решении задач экспертизы современных пломбировочных устройств // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 125–131. doi: 10.25724/VAMVD.A183

INTEGRATIVE APPROACH IN SOLVING THE PROBLEMS OF EXAMINATION OF MODERN SEALING DEVICES

Larisa Ivanovna Potokina

Forensic science centre of the Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Troitsk and Novomoskovsk administrative district,
Moscow, Russia, vitomanycharov@mail.ru

Abstract. The article discusses the methodological foundations of the examination of modern locking and sealing devices, reveals the essence of the integrative approach of their research, an attempt is made to create an algorithm for diagnostic research from the point of view of the technological component of these types of products. The definition of the methodology of examination of modern sealing devices as a set

© Потокина Л. И., 2023

of logical methods of expert research, determination of the order and sequence of stages of examination is given. The paper substantiates the need to attract specialists in the field of materials science and forensic computer expertise for a complete and comprehensive study of modern locking and sealing devices.

Keywords: electronic locking and sealing device, locking and sealing devices, special knowledge, comprehensive study of electronic sealing devices, mechanoscopic examination

For citation: Potokina L. I. Integrative approach in solving the problems of examination of modern sealing devices. Forensic Examination, 125–131, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A183

В предыдущих публикациях на данную тему мы указывали на то, что технология механоскопической экспертизы современных запорно-пломбировочных устройств (далее – ЗПУ) состоит из ряда составляющих. Это, прежде всего, знания общих методических подходов исследования, выстраивание убеждения эксперта, уяснение структуры составления заключения, формулирование промежуточных и окончательных выводов и оформление результатов. Эксперт-трасолог в процессе своей деятельности должен иметь четкое представление о видах данного рода экспертиз и в случае неправильного указания в постановлении (определении) именовать ее в своем заключении такой, каковой она, по существу, является [1, с. 196–201; 2, с. 43–51].

Методические основы экспертизы современных ЗПУ представляют собой систему общенаучных и специальных методов и приемов, которые используются при проведении экспертного исследования. Таким образом, *методика экспертизы ЗПУ – это совокупность основных логических методов экспертного исследования, определяющих порядок и последовательность производства экспертизы пломбировочных устройств, основы формирования выводов.*

Известно, что в рамках трасологических исследований используются методы технической диагностики, под которой мы понимаем распознавание свойств исследуемого объекта и технического состояния по различным заранее известным показателям, так называемым диагностическим параметрам. В рамках экспертизы ЗПУ по установлению факта вскрытия и повторного его навешивания или возможности реализации определенного события следует исходить из конструктивных особенностей механизма запираения, детали которого занимают квазистатическое положение в момент установки пломбировочного устройства, при этом его дальнейшее функционирование не предусматривается. Исходя из данного постулата, возможен вывод о том, что функционирование таких изделий допустимо только в двух альтернативных состояниях: работоспособном или неработоспособном, поэтому любое манипуляционное воздействие, приведшее к неразрушающему взлому ЗПУ, следует рассматривать как перевод в неработоспособное состояние с последующим выходом из него. Выявление неработоспособных состояний ЗПУ и режимов нештатного функционирования выступает предпосылкой решения экспертной задачи по поводу установления факта его вскрытия с использованием криминальных неразрушающих способов воздействия.

Для установления модели ЗПУ (или его части) осматривается корпус, проводятся исследования внешних элементов и частей. Для этого описывается

внешний вид устройства, указываются геометрические размеры и материал его частей, наличие и вид маркировки на всех частях ЗПУ. Содержание маркировки позволяет выявить уровень стойкости защитных свойств (защиты от подмены и подделки), уровень механической защиты ЗПУ, что необходимо для полного исследования устройства. Пользуясь справочными данными, в качестве которых могут быть использованы справочники, учебные пособия и проспекты фирм-изготовителей, интернет-источники, эксперт определяет полное наименование ЗПУ. Затем из материалов этих же изданий уясняет правила навешивания ЗПУ, а для последних – возможные способы штатного снятия.

Далее приступают к исследованию маркировочных обозначений с целью установления их соответствия техническим требованиям. На современном этапе технологий изготовления ЗПУ маркирование в основном выполняется ударным способом или гравированием [3, с. 24–27]. Следует обратить внимание, что в криминалистической литературе имеются методические разработки по идентификации лазерного оборудования, которым произведено маркирование ЗПУ, что важно в случаях установления единого источника происхождения объекта исследования [4, с. 105–123].

Поверхности объектов осматриваются в целях обнаружения и выявления на них следов – носителей информации, свидетельствующих о криминальном (нештатном) воздействии. Тщательно обследуются участки, потенциально подверженные термическому воздействию в полимерных пломбирочных устройствах, механические повреждения корпуса и целостности лакокрасочного покрытия. В таких случаях целесообразно применять приборы с УФ-источником освещения, особенно если производителем применяется люминофорная краска, приборы измерения толщины лакокрасочного покрытия, например, Horstec TC 315. Изучением образцов современных ЗПУ отечественного производства установлено, что толщина лакокрасочного покрытия составляет 60–90 мкм.

Следует обратить внимание на возможные признаки криминального воздействия на поверхность ЗПУ в месте расположения маркировочных обозначений:

1. Отличие текстуры и морфологии лакокрасочного покрытия от заводских требований.
2. Отличие текстуры и морфологии металла корпуса ЗПУ от заводских требований.
3. Отличие внешнего вида, структуры маркировочных обозначений от заводских требований.

Исходя из природы следов воздействия устанавливается характер воздействия, вид слеодообразующего объекта, например, острый металлический предмет, охватывающая пластина и т. п., определяются направление и механизм воздействия (см. рисунок).

Необходимо акцентировать внимание на возможное наличие на блокирующих (стержневых, тросовых и пр.) элементах ЗПУ специальной маркировочной краски, которая наносится после навешивания ЗПУ. В таких случаях целесообразно микроскопическим исследованием установить целостность красящего вещества между блокируемым элементом и корпусом ЗПУ. В целях выполнения качественных иллюстраций хорошо себя зарекомендовал микроскоп Leica DVM6 с функцией объемного сканирования.

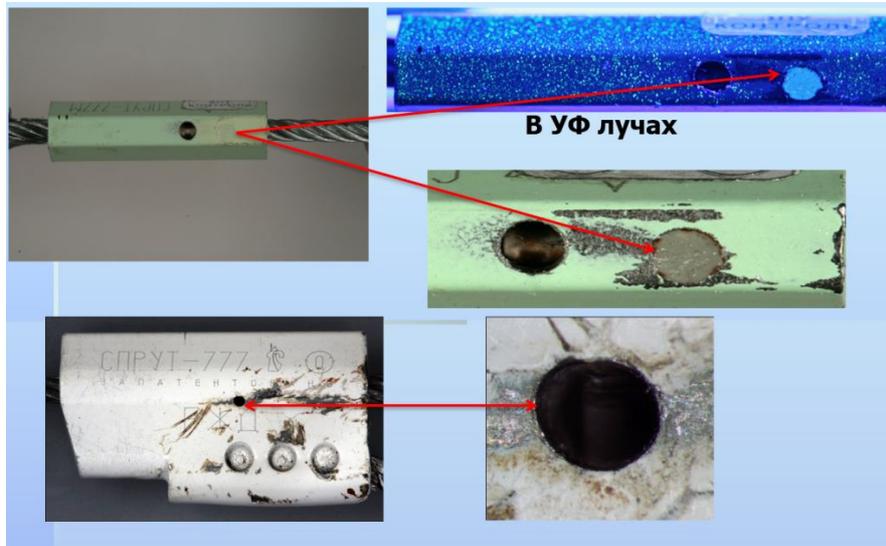

Рис. Воздействие на механизм запирания через искусственно созданные отверстия («Спрут-777», «Спрут-777 М»)

После выполнения всех вышеуказанных стадий эксперт переходит к заключительной, оценочной, стадии исследования. Он оценивает не отдельные признаки и свойства, а их совокупность, связь и взаимозависимость, в результате чего происходит формирование цепочки логических умозаключений, которые выносятся с учетом всей полученной в процессе исследования информации. При оценке результатов исследования эксперт-трасолог должен использовать сведения, содержащиеся в исходных данных, а также полученные им в результате отдельного исследования, в том числе справочных материалов, экспертного эксперимента.

Главная особенность этой стадии при производстве диагностирования – использование в качестве диагностирующего объекта различных информационных баз данных, не имеющих «...заведомо известной (установленной, определенной) связи (непосредственной, опосредовательной либо предполагаемой) с событием расследуемого преступления. Таковыми являются: различные коллекции, справочники, сборники, атласы, литературные источники, опыт и знания и т. д.» [5, с. 17].

Применительно к рассматриваемой теме можно выделить следующие виды информационного обеспечения:

1. Натуральные коллекции пломбирочных устройств и их частей, ведущиеся в региональных экспертных подразделениях управлений МВД России на транспорте [6, с. 361–365; 7; 8].

2. Специальная литература, издаваемая головными экспертными подразделениями МВД и РФЦСЭ при Минюсте России [7, с. 304–305].

3. Учебная и справочная литература, подготовленная учеными образовательных организаций.

4. Информационные сборники современных пломбирочных устройств, изданные производителями данных объектов.

5. Официальные интернет-сайты заводов-производителей пломбирочных устройств. Особым видом диагностирующего объекта является идеальная модель, под которой мы понимаем мысленный образ, сформировавшийся у эксперта-трасолога в результате экспертной практики, обучения и повышения квалификации, используемый для установления соответствия диагностируемого объекта.

Особым объектом исследования выступают электронные пломбирочные устройства (далее – ЭПУ, ЭЗПУ), в которых имеется две компоненты – электронная и механическая, в связи с чем потребуются привлечение экспертов по профессиональным специальностям «инженер-технолог», «инженер-программист». В таком случае очередность проведения экспертиз или комплексный принцип проведения исследования устанавливает следователь. Что касается трасологического исследования, то механическая часть ЭПУ представляет собой стандартное металлическое ЗПУ (например, «Спрут-777»). Эксперт без затруднений отделяет механическую компоненту из полимерного корпуса ЭЗПУ и производит последующее трасологическое исследование.

При оценке результатов исследования эксперт-трасолог должен использовать сведения, содержащиеся в исходных данных (протокол осмотра места происшествия, фотографии), сведения, полученные им в результате аналитического исследования, из справочных материалов, экспертного эксперимента. Оценка результатов исследования предполагает детальный анализ всех выявленных фактов, признаков и следов. Для этого должны быть найдены и объяснены причины возникновения тех или иных признаков, раскрыта их взаимосвязь, объяснены все противоречия. В противном случае выводы эксперта не могут быть обоснованными, достоверными и доказательными.

В заключение необходимо сделать упор на важность комплексного подхода при исследовании пломбирочных устройств. Как известно, организационно-правовыми характеристиками комплексной экспертизы являются:

- наличие единого интеграционного вопроса(-ов), поставленного(-ых) перед экспертом(-ами);
- применение нескольких научных познаний для решения поставленных задач (вопросов);
- формирование обобщенного вывода по результатам проведенных исследований.

По нашему мнению, при производстве комплексной экспертизы пломбирочных устройств актуально привлечение эксперта-трасолога, эксперта по исследованию материалов, веществ и изделий (физико-химическая экспертиза, СЭМВИ), инженера-радиоэлектронщика, а также специалиста в области компьютерно-технической экспертизы для исследования цифровых следов, находящихся в электронной компоненте устройств. Последний необходим в случае исследования ЭЗПУ. Представляется, что указанные специалисты в полном объеме позволят разрешить эти вопросы. Интеграционным в таком случае выступает установление способа и механизма взлома исследуемого пломбирочного устройства, а также факта его повторного навешивания.

Эксперт СЭМВИ исследует лакокрасочное покрытие и его соответствие заводским стандартам, в случае необходимости восстанавливает первоначальное

содержание маркировочных обозначений, устанавливает вид, состав смазывающих компонентов орудий взлома либо состав примененных для взлома кислот, изучает волокна и состав промежуточных материалов, используемых для повторного обжатия пломб и пр.

Инженер-радиоэлектронщик устанавливает параметры ЭЗПУ, предшествующие и сопутствующие событию преступного посягательства: последнее время работы сигналов системы ГЛОНАСС, наличие данных о воздействии высоких или низких температур, сильном вибрационном или ударном воздействии на корпус ЭЗПУ, нарушении целостности (токопроводимости) механической компоненты и пр.

Эксперт-трасолог определяет условия слеодообразования механических деформаций пломбировочных устройств, их направление, локализацию, последовательность образования и пр. Результатом проведенного комплексного исследования является значительный объем установленных данных, преобразованных в единый вывод на поставленный вопрос, эффективность которого превышает возможности каждой отдельно взятой экспертизы по узкой экспертной специализации.

Таким образом, для успешной реализации экспертных задач исследования современных ЗПУ необходим алгоритм изучения механизма слеодообразования исходя из процессов изготовления, эксплуатации, криминального воздействия на детали и механизм запирающего с образованием следующих групп. При производстве комплексной экспертизы современных ЗПУ актуально привлечение эксперта-трасолога, эксперта по СЭМВИ, инженера-радиоэлектронщика в случае поступления на экспертизу изделия, содержащего электронную компоненту. Интеграционным вопросом в таком случае является установление способа и механизма взлома исследуемого пломбировочного устройства, а также факта его повторного навешивания.

Список источников

1. Потокина Л. И. К вопросу о разработке сертифицированной методики экспертизы запорно-пломбировочных устройств // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 196–201.
2. Трасологическая экспертиза современных пломбировочных устройств при расследовании транспортных преступлений / С. А. Едресов, К. Е. Демин, Л. И. Потокина [и др.]. Алматы: Лантар Трейд, 2021. 129 с.
3. Исследование маркировочных обозначений: курс лекций / Н. П. Майлис, К. Е. Демин, М. В. Беляев, Д. А. Кудряшов. Москва: МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. 168 с.
4. Донцова И. И., Немцов С. В. Типовая методика экспертного исследования маркировочных обозначений на изделиях из металлов, полимерных и иных материалов // Актуальные вопросы экспертизы маркировочных обозначений: материалы Всерос. науч.-практ. семинара, 16–20 мая 2011 г., Санкт-Петербург. Москва: РФЦСЭ при Минюсте России, 2013. С. 105–123.
5. Дубровин С. В. Терминология, понятийный аппарат и другие характеристики криминалистической идентификации и криминалистической диагностики. Москва: МПГУ, 2009. 33 с.
6. Криминалистическая техника: учеб. для вузов / под ред. К. Е. Демина. Москва: Юрайт, 2019. 380 с.

7. Латышов И. В., Донцов Д. Ю., Китаев Е. В. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник. Волгоград: ВА МВД России, 2022. 524 с.

8. Трасологическое исследование современных пломбировочных устройств, используемых на железнодорожном транспорте: учеб. пособие. Москва: Юрид. ин-т МИИТ, 2017. 88 с.

References

1. Potokina L. I. On the issue of the development of certified methods of examination of locking and sealing devices. Bulletin of Economic Security, 196–201, 2020. (In Russ.).

2. Edresov S. A., Demin K. E., Potokina L. I. (et al.). Tracological examination of modern sealing devices in the investigation of transport crimes. Almaty: Lantar Trade LLP; 2021: 129. (In Russ.).

3. Maylis N. P., Demin K. E., Belyaev M. V., Kudryashov D. A. Research of marking designations. Course of lectures. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021: 168. (In Russ.).

4. Dontsova I. I., Nemtsov S. V. The standard methodology of expert research of marking designations on products made of metals, polymer and other materials. In: Actual issues of examination of marking designations: materials of the All-Russian scientific and practical seminar, 16–20 May 2011, Saint Petersburg. Moscow: RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia; 2013: 105–123. (In Russ.).

5. Dubrovin S. V. Terminology, conceptual apparatus and other characteristics of forensic identification and forensic diagnostics. Moscow: MPSU; 2009: 33. (In Russ.).

6. Criminalistic technique. Textbook. Ed. by K. E. Demin. Moscow: Yurait; 2019: 380. (In Russ.).

7. Latyшов I. V., Dontsov D. Yu., Kitaev E. V. (et al.). Tracology and tracological examination. Textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2022: 524. (In Russ.).

8. Tracological study of modern sealing devices used in railway transport. Textbook. Moscow: Law Institute of MIIT; 2017: 88. (In Russ.).

Потокина Лариса Ивановна,

старший эксперт экспертно-криминалистического центра УВД
по Троицкому и Новомосковскому административному округу
ГУ МВД России по г. Москве; vitomanycharov@mail.ru

Potokina Larisa Ivanovna,

senior expert of the Forensic science centre
of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Troitsk and Novomoskovsk administrative district; vitomanycharov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 06.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 06.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.983.2
doi: 10.25724/VAMVD.A184

**ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ДЕАКТИВИРОВАННОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ**

Сергей Геннадьевич Злобин

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
expert-zlobin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам назначения и производства судебных баллистических экспертиз, назначаемых в рамках расследования дел, связанных с незаконным оборотом и применением деактивированного огнестрельного оружия (списанного оружия), а также огнестрельного оружия, изготовленного на его основе самодельным способом. Автором рассмотрено значение результатов подобных экспертиз в уголовном судопроизводстве и сопровождающие эту деятельность процессы правоприменительной практики. Высказывается мнение о необходимости корректной формулировки инициатором назначения экспертизы вопросов эксперту, ответы на которые позволяют эффективно осуществлять расследование преступных событий в ходе предварительного следствия и последующего судебного рассмотрения дел. Соответственно, предложены формулировки типовых вопросов в отношении указанного вида оружия. Исследована проблематика информационного обеспечения производства судебных баллистических экспертиз деактивированного огнестрельного оружия, обусловленная отсутствием справочных материалов и баз данных, содержащих актуальные сведения об особенностях материальной части этого вида оружия, в частности, о конструктивных доработках его основных частей при изготовлении. Сформулированы выводы и предложения по решению обозначенных проблем.

Ключевые слова: деактивированное огнестрельное оружие, списанное оружие, охолощенное оружие, учебное оружие, переделка оружия, незаконный оборот оружия

Для цитирования: Злобин С. Г. Проблемы информационного обеспечения назначения и производства судебно-баллистических экспертиз деактивированного огнестрельного оружия // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 132–140. doi: 10.25724/VAMVD.A184

© Злобин С. Г., 2023

**PROBLEMS OF INFORMATION SUPPORT
FOR THE APPOINTMENT AND PRODUCTION
OF FORENSIC BALLISTIC EXAMINATIONS
OF DEACTIVATED FIREARMS**

Sergey Gennadievich Zlobin

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, expert-zlobin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problematic aspects of the appointment and production of forensic ballistic examinations assigned as part of the investigation of cases related to the illegal trafficking and use of deactivated firearms (decommissioned weapons), as well as firearms made by homemade method on its basis. The author reveals the importance of forensic ballistic examinations in criminal proceedings and highlights the processes of law enforcement practice accompanying this activity. The opinion is expressed about the need for the initiator of the forensic examination to correctly formulate the questions submitted for the expert's permission, the result of which can be solved tasks that allow to effectively investigate criminal events during the preliminary investigation and subsequent fair trial, and their formulations are proposed. The problems of information support for the production of forensic ballistic examinations of deactivated firearms are considered, due to the lack of reference materials and databases containing information about the features of the material part of such weapons, especially the design modifications of their main parts during manufacture.

Keywords: deactivated firearms, decommissioned weapons, inert weapons, training weapons, conversion of weapons, illegal arms trafficking

For citation: Zlobin S. G. Problems of information support for the appointment and production of forensic ballistic examinations of deactivated firearms. Forensic Examination, 132–140, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A184

Судебная экспертиза имеет существенное значение в процессе реализации принципов вины и справедливости уголовного законодательства, будучи важнейшим и основным источником криминалистически значимой информации, необходимой для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств в целях качественного осуществления процессов предварительного расследования и справедливого судебного рассмотрения дела.

Частью 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, закрепляется положение о необходимости проведения судами наиболее полного использования достижений науки и техники путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с применением специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

Еще в дореволюционной России на рубеже XIX–XX вв. в отношении судебной экспертизы было отмечено следующее: «Для суда имеют цену только те выводы, которые основываются на специальных знаниях; переходя в сферу логических

размышлений, экспертиза становится бесполезной, а иногда даже вредной для правосудия» [1, с. 305].

В связи с этим высказыванием стоит отметить справедливое заключение А. В. Нестерова: «Особенностью применения специальных знаний в юридических целях является то, что решения, принимаемые уполномоченными лицами на основе заключения эксперта, определяют юридическое положение конкретных людей, в частности, их судьбу» [2, с. 145].

Таким образом, судебная экспертиза, как форма использования специальных знаний, имеет важнейшее значение в уголовном судопроизводстве, в связи с чем гарантирование ее качества путем совершенствования научно-методического и информационного обеспечения деятельности судебно-экспертных учреждений является приоритетной задачей.

В случае наличия в уголовном деле либо материалах проверки сообщений о преступлениях изъятых предметов, имеющих конструктивные признаки ручного стрелкового оружия или сходных с ним по внешнему виду, реализация вышеназванных принципов на должном уровне невозможна без использования специальных знаний в области судебной баллистики. По этой причине в большинстве подобных ситуаций назначается судебная баллистическая экспертиза, перед которой стоит задача установления фактов объективной действительности относительно их природы, состояния, свойств и (или) отражений.

Стоит отметить, что оценка заключения и (или) показания эксперта при их применении в качестве доказательств при расследовании событий, связанных с оборотом оружия, может стать основой решения суда по рассматриваемому делу.

Известно, что проведение судебной экспертизы – процессуальное действие, которое, в свою очередь, состоит из нескольких стадий: назначение, производство, оценка результатов исследования [3, с. 310].

Важным элементом системы задач правоохранительной деятельности можно назвать борьбу с вооруженной преступностью. Вооруженные преступления вызывают крайнюю обеспокоенность в обществе и, как следствие, возникновение и распространение общественного резонанса [4, с. 117]. В. А. Казакова справедливо подчеркивает, что «как правило, вооруженным преступлениям предшествуют деяния в сфере незаконного производства и оборота оружия» [5, с. 309].

Одним из источников незаконного оборота огнестрельного оружия выступает незаконная переделка гражданского оружия. Субъектами преступной деятельности, наряду с прочими, в качестве объектов для переделки рассматриваются модели деактивированного огнестрельного оружия. В целях восстановления его исходных боевых свойств ими производятся манипуляции по демонтажу и доработке частей и деталей, позволяющие использовать для стрельбы патроны с метаемым снаряжением. Данное деяние квалифицируется органами предварительного расследования как преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 223 УК РФ.

Стоит уточнить, что в оружейном законодательстве РФ деактивированное огнестрельное оружие фигурирует как «спящее оружие», которое, в свою очередь, относится к гражданскому оружию¹.

¹ Об оружии: федер. закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При расследовании преступных деяний, связанных с незаконным оборотом и (или) применением огнестрельного оружия, органами предварительного расследования в отношении подобных объектов осуществляется назначение судебной баллистической экспертизы, о чем выносится соответствующее постановление (ст. 195, 199 УПК РФ). Подготовка к назначению экспертизы включает в себя элемент формулирования задач, определяющихся теми вопросами, которые поставлены на разрешение эксперта [6, с. 361].

Формулировка вопросов, выносящихся на разрешение экспертизы, – важнейший этап назначения судебной баллистической экспертизы деактивированного огнестрельного оружия. Инициатору судебной экспертизы необходимо уделять этому моменту особое внимание, поскольку от их содержания зависит выбор эксперта (экспертов) и определение его (их) последующих полномочий: выбор методов, методик и способов при проведении соответствующего экспертного исследования. При этом способы переделки такого оружия могут носить как явно видимый, так и скрытый характер.

При формулировке содержания вопросов следователю (дознавателю) или суду важно помнить, что они не должны быть связаны с юридической оценкой деяния или достоверности показаний допрошенных лиц, так как такие выводы не могут быть признаны допустимым доказательством¹. Кроме того, нельзя выходить за рамки компетенции соответствующей экспертной специальности, которые ограничиваются определенной областью знаний. Выход за пределы компетенции эксперта соответствующей специальности грозит несостоятельностью полученных выводов в таком заключении. Это обуславливается большим количеством научных знаний и направлений, и во всех областях одновременно ни один эксперт не в состоянии быть подготовлен на должном уровне. Указанный фактор необходимо учитывать и эксперту (специалисту), так как поверхностная подготовка в той или иной сфере знаний не соответствует требованиям компетентности и может привести к экспертной ошибке. Так, в государственных судебно-экспертных учреждениях МВД России², Следственного комитета³, Федеральной

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Ч. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России: прил. 1 к Положению об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их квалификации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 9 января 2013 г. № 2 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ СК России от 24 июля 2020 г. № 77 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

службы безопасности¹ и др. предусмотрены соответствующие перечни экспертных специальностей, согласно которым определяется уровень квалификации эксперта и проводится его аттестация на право самостоятельного производства судебных экспертиз².

В. А. Коглина в связи с этим отмечает: «Именно правильная формулировка вопросов ставит конкретный запрос и задачи перед экспертно-криминалистическим подразделением и перед экспертом в частности, определяет ход дальнейшего экспертного исследования, поэтому они должны быть логически обоснованными и взаимосвязанными, входить в компетенцию эксперта» [7, с. 75].

С учетом изложенного, в целях достижения наибольшей эффективности использования результатов экспертного исследования для расследования преступного события и последующего справедливого судебного разбирательства, а также всех установленных факторов в отношении объектов деактивированного огнестрельного оружия и огнестрельного оружия, изготовленного на его основе, при вынесении постановления о назначении судебной баллистической экспертизы предлагается следующая формулировка вопросов:

- Относится ли представленный предмет к оружию? Если да, то к какому его типу, виду (образцу)?
- Пригоден ли он для производства выстрелов?
- Каким способом изготовлен?
- Вносились ли в конструкцию представленного предмета изменения, позволяющие использовать его в качестве огнестрельного оружия?
- Имеет ли представленный предмет конструктивные элементы, обеспечивающие невозможность производства выстрела из него?
- Если да, то носят ли они необратимый характер?

Постановка данных вопросов перед экспертом в рамках производства судебной баллистической экспертизы деактивированного огнестрельного оружия и его переделок позволит провести наиболее полное исследование объекта и решить задачи по установлению объективной картины преступного события, ответы на которые важны для квалификации уголовного деяния, его расследования и последующего справедливого судебного решения.

Помимо исследования в рамках экспертной специальности «Баллистическая экспертиза», в зависимости от условий инициатору судебной экспертизы также целесообразно рассмотреть возможности комплексного подхода к исследованию и дополнительно формулировать вопросы в отношении имеющихся (либо отсутствующих) маркировочных обозначений на поверхности такого объекта, например, в рамках экспертной специальности «Исследование маркировочных обозначений». В этом ключе необходимо привести мнение А. В. Кокина: «Комплексный подход к решению поставленных на разрешение экспертизы вопросов

¹ Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности: приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Ст. 13 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

позволяет получить более полные и объективные сведения об исследуемом объекте, чем использование обособленных предметных подходов, что непосредственно повышает степень эффективности экспертизы» [8, с. 55].

Думается, что указанная позиция позволит более эффективно расследовать уголовные дела, связанные с незаконным оборотом и (или) применением огнестрельного оружия. На основании этого формулирование вопросов при назначении экспертизы является важным аспектом, от которого в определенной степени зависят результаты всего расследования, причем инициатору назначения экспертизы следует помнить о том, что вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний¹. Вместе с тем по УК РФ эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования.

В свете рассматриваемого вопроса необходимо остановиться на проблемах информационного обеспечения криминалистических экспертиз и исследований деактивированного огнестрельного оружия и огнестрельного оружия, изготовленного на его основе. Безусловно, что судебно-баллистическое исследование деактивированного огнестрельного оружия является достаточно трудоемким². Отсутствие справочной литературы с содержанием конструктивных особенностей указанного оружия значительно усложняет процесс диагностирования таких объектов.

Представляется, что одним из решений данной проблемы может стать развитие информационного обеспечения деятельности государственных судебно-экспертных учреждений. Так, исходя из положений, закрепленных ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», руководители государственных судебно-экспертных учреждений вправе направлять запросы во все организации, независимо от организационно-правовых форм и форм их собственности, для предоставления образцов или каталогов своей продукции, технической и технологической документации, других информационных материалов, необходимых для производства судебной экспертизы, которые последние обязаны предоставить на безвозмездной основе.

В этой же норме указывается, что государственное судебно-экспертное учреждение вправе ходатайствовать перед судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем о получении по окончании производства по делам предметов, являвшихся вещественными доказательствами, для использования в экспертной, научной и учебно-методической деятельности.

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Необходимо учитывать, что в качестве объектов могут выступать образцы псевдо-деактивированного огнестрельного оружия, конструктивные изменения которых носят легкообратимый характер. Подобные изделия «замаскированы» под модели списанного оружия, в том числе с нанесенными соответствующими маркировочными обозначениями.

Актуальность указанной проблемы подтверждают результаты проведенного анкетирования, в котором приняли участие сотрудники государственных судебно-экспертных учреждений (37 сотрудников территориальных ЭКП МВД России, 5 сотрудников СЭУ Минюста России, 2 сотрудника экспертного подразделения ФСБ России). В результате все единогласно отметили, что в их подразделениях имеется криминалистическая коллекция оружия и патронов, но в ее составе отсутствуют образцы деактивированного огнестрельного оружия (списанного оружия).

Посредством реализации указанной нормы Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ открывается потенциальная возможность пополнения натуральных криминалистических коллекций оружия, а также получения технических сведений о конкретных экземплярах списанного оружия, производимого на территории России, для использования таких сведений при производстве судебных экспертиз.

Другим решением названной проблемы является разработка соответствующих криминалистических справочников с указанием технических характеристик моделей списанного оружия и их конструктивных особенностей, в том числе в части, касающейся изменений (доработок) основных деталей и узлов.

Таким образом, результаты судебных баллистических экспертиз, проводимых в рамках расследования дел, связанных с незаконным оборотом и применением деактивированного огнестрельного оружия (списанного оружия), а также огнестрельного оружия, изготовленного самодельным способом на его основе, имеют важное значение как в процессуальном аспекте для квалификации совершенного деяния, так и в целом для эффективности процесса раскрытия и расследования преступлений.

Корректная формулировка вопросов, поставленных перед экспертом, определяет круг задач и ход исследования, результаты которых позволят:

- установить принадлежность объекта к тому или иному виду оружия;
- диагностировать первоначальное состояние объекта (в том числе природу изменений конструкции);
- определить состояние объекта на момент поступления на исследование (его пригодность для производства выстрела);
- установить отображения объекта (деформации в местах демонтажа первичных заводских конструктивных изменений могут оставлять следы высокой идентификационной значимости на поверхностях пуль и гильз);
- определить соотношение фактов или объектов, связанных с исследуемым оружием.

В свою очередь, разработка криминалистических справочников, пособий и электронных баз данных, содержащих технические характеристики деактивированного огнестрельного оружия (списанного оружия) и сведения об их конструктивных особенностях, даст возможность судебным экспертам производить объективные исследования указанного вида оружия и огнестрельного оружия, изготовленного на его основе, и значительно сократить вероятность допущения экспертных ошибок.

Список источников

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 40 (79). Санкт-Петербург: Семен. типолитограф. (И. А. Ефрона), 1904. 468 с.
2. Нестеров А. В. Экспертика как юридическая наука о закономерностях в экспертной деятельности и деятельности экспертов // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 144–147.
3. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. Москва: КноРус: Право и закон, 2003. 591 с.
4. Егорушин Н. В. Преступления, имеющие общественный резонанс // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1. С. 117–119.
5. Казакова В. А. Вооруженная преступность (Криминологические и уголовно-правовые проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2003. 332 с.
6. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. Москва: Юрайт, 2011. 720 с.
7. Коглина В. А. Криминалистическое исследование изделий массового производства, изготовленных по инновационным технологиям: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 177 с.
8. Кокин А. В. Об исследовании следов выстрела в судебно-баллистической экспертизе // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 52–55.

References

1. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Ephron. Vol. 40 (79). Saint Petersburg: Semi. Typo. (J. A. Ephron); 1904: 468. (In Russ.).
2. Nesterov A. V. Expert as a legal science on patterns in the expert activity and activities of experts. Legal technique, 144–147, 2022. (In Russ.).
3. Expert. Manual for experts of internal affairs agencies. Ed. by T. V. Averyanova, V. F. Statkus. Moscow: KnoRus: Law and Law; 2003: 591. (In Russ.).
4. Egorushin N. V. Crimes having public resonance. Humanitarian, socio-economic and social sciences, 117–119, 2021. (In Russ.).
5. Kazakova V. A. Armed crime (Criminological and criminal-legal problems). Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2003: 332. (In Russ.).
6. Practical guidance on the production of forensic expertise for experts and professionals. Tutorial.-practical. manual. Ed. by T. V. Averyanova, V. F. Statkus. Moscow: Yurait; 2011: 720. (In Russ.).
7. Koglina V. A. Forensic research of mass-produced products produced by innovative technologies. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2021: 177. (In Russ.).
8. Kokin A. V. On the study of gunshot marks in the forensic ballistic examination. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 52–55, 2017. (In Russ.).

Злобин Сергей Геннадьевич,

преподаватель кафедры оружейведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
expert-zlobin@yandex.ru

Zlobin Sergey Gennadievich,

lecturer of the department of weaponology and tracology
of the training and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
expert-zlobin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования
20.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted
for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.35
doi: 10.25724/VAMVD.A185

**О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМА ДЕЙСТВИЙ ЭКСПЕРТА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ СЛЕДОВ
ПО ИХ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЯМ**

Елена Валерьевна Токарева*, **Татьяна Владимировна Демидова****
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия
* ele12327@yandex.ru, ** pokatovich@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются обобщенные результаты применения алгоритма исследования трасологических следов по их фотоизображениям; проанализированы наиболее типичные проблемы, возникшие при апробации алгоритма, разработаны рекомендации по их нивелированию в целях повышения правильности и обоснованности выводов эксперта.

Доступность использования цифровой фототехники на месте происшествия для фиксации, а нередко и «изъятия» следов вызвала трансформацию предоставления объектов исследования для производства трасологических экспертиз. Все чаще в качестве объектов исследования предоставляются не следы, а их фотоизображения, зафиксированные на месте происшествия. В таких случаях происходит принципиальное изменение объектов исследования. Учитывая постоянное совершенствование и развитие средств цифровой фотографии, тенденция фотофиксации следов будет только в сторону увеличения таких объектов. Отсутствие методического обеспечения проведения экспертиз по изображениям следов станет поводом к тому, что эксперты перестанут учитывать различные (геометрические и размерные) искажения следов, вызванные особенностями оптических систем и / или нарушением правил детальной (масштабной) съемки фиксируемых объектов. Все это в дальнейшем приводит к формулированию необоснованных или ошибочных выводов.

В целях совершенствования научно-методического обеспечения экспертно-криминалистических подразделений нами совместно со специалистами Экспертно-криминалистического центра МВД России был разработан алгоритм исследования следов, зафиксированных на фотоизображениях, и направлен в региональные экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел для апробации.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, цифровые фотоизображения, исследования следов, фотофиксация объектов, методика исследования, фотоизображение следа, алгоритм действий эксперта

Для цитирования: Токарева Е. В., Демидова Т. В. О результатах применения алгоритма действий эксперта при производстве трасологических экспертиз следов по их фотоизображениям // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 141–147. doi: 10.25724/VAMVD.A185

© Токарева Е. В., Демидова Т. В., 2023

**ON THE RESULTS OF THE APPLICATION OF THE ALGORITHM
OF EXPERT ACTIONS IN THE PRODUCTION
OF TRACOLOGICAL EXAMINATIONS OF PHOTOGRAPHIC IMAGES**

Elena Valeryevna Tokareva**, *Tatiana Vladimirovna Demidova**

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

* ele12327@yandex.ru, ** pokatovich@mail.ru

Abstract. The article discusses the generalized results of the application of the algorithm for the study of tracological traces based on their images. We analyzed the most typical problems that arose during the testing of the algorithm. The analysis was carried out on the basis of the responses received from the territorial ECPs of the Russian police department. We have developed recommendations for neutralizing these problems in order to increase the correctness and validity of the expert's conclusions.

The availability of the use of digital photographic equipment at the scene of the incident for fixing, and often "removing" traces, led to the transformation of the provision of research objects for the production of tracological examinations. Increasingly, the objects of research are not the traces, but their images recorded at the scene. In such cases, there is a fundamental change in the objects of research. Taking into account the constant improvement and development of digital photography tools, the trend of photofixation of traces will only increase in the direction of such objects. And the lack of methodological support for conducting examinations on trace images leads to the fact that experts do not take into account various (geometric and dimensional) distortions of traces caused by the peculiarities of optical systems and violation of the rules of detailed (large-scale) shooting of fixed objects. All this further leads to the formulation of unreasonable or erroneous conclusions.

In order to improve the scientific and methodological support of forensic units, we jointly with specialists of the Forensic science centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia an algorithm was developed for the investigation of traces recorded in the photographic images and sent to the regional forensic units of the Internal Affairs Bodies of Russia (hereinafter referred to as the ECP of the Department of Internal Affairs of Russia) for testing.

Keywords: tracological examination, digital photos, trace studies, object photofixation, research methodology, trace photo, expert action algorithm

For citation: Tokareva E. V., Demidova T. V. On the results of the application of the algorithm of expert actions in the production of tracological examinations of photographic images. Forensic Examination, 141–147, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A185

Цифровизация и расширение практики использования различных технических средств оказывают все большее влияние на применение цифровой техники фотофиксации при осмотре мест происшествия и изъятии следов. В связи с этим объектами криминалистических исследований чаще являются не сами следы, а их изображения, зафиксированные на цифровых носителях.

Вопросам производства трасологических экспертиз и исследований по фотоизображениям последнее время уделяется огромное внимание. Так, в отчете

о деятельности ЭКЦ МВД России за 6 месяцев 2022 г. с мест происшествия был изъят 115 961 след орудий взлома и подошв обуви, по которым были проведены 30 268 исследований¹. Однако при осуществлении целевых и инспекторских проверок отмечается, что в части экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) МВД России подавляющее количество трасологических следов (объемных и поверхностных) не изымается, а только фиксируется с помощью фотосъемки². Впоследствии данные фотоизображения (визуальный образ следа, зафиксированный на месте происшествия) становятся объектами трасологических экспертиз и исследований.

В целях совершенствования научно-методического обеспечения ЭКП нами совместно с экспертами ЭКЦ МВД России был разработан и направлен алгоритм действий эксперта при исследовании цифровых изображений трасологических следов, включающий в себя следующие положения:

1. Предоставление эксперту первоначального графического файла, содержащего изображение следа с места происшествия, обязательно. При его отсутствии эксперт, руководствуясь требованиями нормативных правовых актов, обязан запросить его у лица, назначившего экспертизу. Дальнейший ход исследования должен исключать возможность внесения каких-либо изменений в первоначальное изображение.

Так как первичным объектом исследования является цифровое изображение, необходимо указать название файла, его содержимое, и все метаданные. Exif-данные (метаданные) файла изучаются с использованием графических редакторов высокого уровня (Adobe Photoshop, Adobe Bridge, Corel Draw, Exif Pilot Free и т. п.). В ходе исследования также производится проверка технических параметров используемой камеры в момент съемки.

2. Следующий этап – проверка качества исходного изображения (по традиционным критериям оценки фотоизображений). Иногда именно его низкое качество, а не следа препятствует проведению полноценного исследования.

Один из ключевых критериев оценки возможности производства дальнейшего исследования – определение процентного соотношения площади следа к площади первоначального (не обработанного с помощью графических редакторов) кадра. В указанном алгоритме минимальный размер следа, который позволял бы провести полноценное идентификационное исследование, соответствовал 70 % от общей площади кадра.

Дальнейшее исследование и описание представленных материалов осуществляются по общим правилам описания трасологических объектов.

3. Следующим этапом исследования трасологических следов по фотоизображениям является обязательный эксперимент, который должен быть проведен в тех же условиях и с параметрами съемки, что и исследуемое изображение. Такие параметры эксперт устанавливает в результате изучения метаданных файла и данных, зафиксированных в протоколе осмотра места происшествия.

¹ Статистический отчет о деятельности ЭКЦ МВД России за 6 месяцев 2022 г. / ИМТС МВД России. URL: <http://mvd.10.5.0.16> (дата обращения: 23.10.2023).

² Отдельные аспекты производства трасологических экспертиз по фотоизображениям: информ. письмо от 30 ноября 2021 г. исх. 37/8-20607.

Заключительный этап алгоритма – сравнительное исследование следа с экспериментальными образцами, которое осуществляется, согласно традиционной методике трасологических исследований, либо в графическом редакторе, и / или по распечатанным (на фотобумаге) фотоснимкам. Следует отметить, что все действия эксперта в графических редакторах должны быть отражены в заключении.

На валидацию указанного алгоритма было отведено 6 месяцев. Затем в региональных экспертных подразделениях обобщили практику применения исследования трасологических объектов по их фотоизображениям в своем регионе и указали проблемы, возникающие при использовании алгоритма.

Так, по итогам систематизации и анализа полученных результатов было выявлено, что 35 % руководителей экспертных подразделений (из числа участвующих в обсуждении указанной проблемы) считают представленные материалы актуальными и ежедневно используют в практической деятельности.

В подразделениях из трех изучаемых регионов страны отметили, что в первом полугодии 2022 г. исследований по фотоизображениям не проводилось, так как применялись традиционные методы изъятия следов либо с объектом-носителем (его частью), либо путем копирования (на следокопировальную пленку, гипс, слепочные массы). При этом закономерно прослеживается высокая результативность использования таких следов в обеспечении доказательств при расследовании уголовных дел.

Ряд руководителей подтверждают, что выводы о тождестве следа с проверяемым объектом, как правило, делаются экспертами только в результате сравнительного исследования следов, изъятых с мест происшествия на гипсовые слепки, дактилоскопические пленки или с объектоносителем.

В отдельно взятом регионе способом фотофиксации изымается только 2,2 % следов, а в общем количестве трасологических экспертиз исследование фотоизображений составляет всего 2,1 %, или 65 случаев. В ряде регионов доля фотосъемки следа без последующего изъятия самих следов исчисляется до 54 %. По оценкам руководителей, доля эффективности исследования трасологических следов по фотоизображениям равна 1,1–1,5 %.

Одной из причин сложившейся ситуации 10,7 % опрошенных руководителей региональных ЭКП ОВД России называли отсутствие лицензионных графических редакторов высокого уровня, в том числе совместимых с операционной системой Astra Line, что затрудняет исследование exif-данных файла. Примечательно, что 14,5 % опрошенных указывают на недостаточную степень профессионального мастерства сотрудников ЭКП в части владения приемами съемки на месте происшествия и работы с цифровыми изображениями следов при производстве исследований.

По результатам анализа и обобщения основных проблем, возникающих при применении указанного алгоритма в ЭКП территориальных ОВД, возможно определить основные пути их преодоления:

– укрепление технической оснащенности ЭКП средствами фотофиксации надлежащего качества (фотоаппаратами и штативами), на нехватку которых сослались 32 % руководителей;

– проведение на постоянной основе дополнительного обучения сотрудников ЭКП ОВД России в рамках повышения квалификации по указанной проблематике; включение в действующие образовательные программы высшего профессионального образования по образовательной специальности «судебная экспертиза» учебно-методических материалов по особенностям использования цифровой фотографии в судебной экспертизе, в частности, правил работы с исходными цифровыми файлами изображений и метаданными графических файлов;

– закупка и установка соответствующего программного обеспечения, необходимого для работы в современных операционных системах и графических редакторах, с целью решения задач по производству трасологических экспертиз следов по их фотоизображениям.

Авторами настоящей статьи предприняты меры по реализации некоторых вышеназванных направлений, в частности, в рамках существующих дополнительных образовательных программ проводятся теоретические и практические занятия, посвященные проблемным вопросам эксплуатации средств цифровой фотофиксации следов и дальнейшему их исследованию при проведении судебных экспертиз, с частичным применением системы дистанционных образовательных технологий.

Отдельно хотелось бы остановиться на дискуссии, которая давно ведется специалистами в области судебной экспертизы, о необходимости владения экспертом-трасологом навыками работы с цифровыми изображениями на предмет установления внесения в них изменения, так как это затрагивает пределы компетенций не только эксперта-трасолога, но и эксперта-фототехника, а также эксперта в области компьютерных экспертиз и исследований.

В связи с этим особое значение в работе с цифровыми изображениями следов, зафиксированных на месте происшествия, приобретают допустимость и достоверность представленных объектов. Известно, что используемые в экспертной практике графические редакторы общего назначения «позволяют производить различные, в том числе субъективные изменения изображений. При этом в правоохранительной деятельности некоторые процедуры обработки изображений совершенно недопустимы, так как могут повлечь потерю или искажение криминалистически значимой информации» [1, с. 25].

Если говорить о решении проблемы установления факта внесения изменений в цифровое изображение, то здесь специалист должен четко понимать границы своей компетенции, которые, несомненно, могут расширяться. Стоит отметить, что в настоящее время научное и методическое обоснование порядка работы с цифровыми изображениями следов находится на этапе формирования. Некоторые практикующие эксперты относят задачу по установлению соответствия файла, представленного на исследование, файлу, полученному с места происшествия, а также принципиальной возможности исследования такого изображения (например, в случае фотофиксации при помощи смартфона) к задачам фототехнической экспертизы. Следовательно, при предоставлении такого объекта возникает необходимость комплексного исследования.

Мы считаем данную точку зрения ошибочной, так как она противоречит мнению выдающихся ученых в области судебной экспертизы, которые в своих трудах подчеркивали необходимость постоянного расширения границ компетенции

каждой экспертной специальности в зависимости от трансформации объектов исследования [2, с. 325].

Экспертное исследование – это творческий процесс, который в зависимости от объектов исследования, поставленной перед экспертом задачи требует от последнего эвристического поиска решения [3, с. 370]. Так, единичный случай, по мнению Т. В. Аверьяновой, «дает лишь толчок, служит импульсом к поискам и собиранию такого материала, к обнаружению и описанию подобных случаев, в результате чего, по сути, происходит разработка новой программы для решения и данной, и других подобных ей экспертных задач» [3, с. 372]. Иными словами, задачи, которые считаются специфическими и несвойственными эксперту определенной специальности, по мере развития методических подходов становятся традиционными.

По мнению авторов настоящей статьи, а также специалистов ЭКЦ МВД России, для решения задачи установления факта внесения изменений в первоначальный файл не требуется комплексный подход. Эксперт в ходе исследования не должен устанавливать характер вносимых изменений, их причину и последовательность, а только указывать их соответствие параметрам, изложенным в протоколе осмотра места происшествия и необходимым для дальнейшего исследования в рамках производства экспертизы. В ходе экспертного исследования эксперт-трасолог лишь констатирует факт внесения или невнесения изменений в первоначальный файл. В случае если изменения в первоначальный файл были внесены, лишь указывает на это. Решение вопроса, в связи с чем эти изменения были внесены, выходит за рамки его компетенций, и если это обстоятельство необходимо установить, то следователь может назначить другие виды исследований в ходе дальнейшего расследования уголовного дела.

Таким образом, проведенный нами анализ результатов применения алгоритма действий эксперта при производстве трасологических экспертиз следов по их фотоизображениям подчеркивает необходимость разработки типовых требований к процессу фиксации следов на месте происшествия, дополнительному оснащению техническими средствами (фотоаппаратами, программным обеспечением) отдельных ЭКП ОВД России, проведения дополнительных занятий с экспертами для обучения работы с цифровыми изображениями следов, особенностями их изъятия и исследования, а также выполнения полного алгоритма действий для экспертов и специалистов при изъятии и исследовании трасологических следов по их фотоизображениям.

Список источников

1. Дмитриев Е. Н., Иванов П. Ю., Зудин С. И. Исследование объектов криминалистических экспертиз методами цифровой обработки изображений: учеб. пособие. Москва: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. 362 с.
2. Демидова Т. В., Токарева Е. В., Томчик С. В. Отдельные аспекты производства трасологических экспертиз по фотоизображениям // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2022. С. 324–327.
3. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. Москва: Норма, 2008. 620 с.

References

1. Dmitriev E. N., Ivanov P. Yu., Zudin S. I. Investigation of objects of forensic examinations by methods of digital image processing. Textbook. Moscow: GU ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2000: 362. (In Russ.).
2. Demidova T. V., Tokareva E. V., Tomchik S. V. Certain aspects of the production of tracological examinations on photographic images. In: Legal problems of strengthening Russian statehood: collection of articles. Tomsk: Tomsk State University Publ.; 2022: 324–327. (In Russ.).
3. Averyanova T. V. Forensic examination. The course of general theory. Moscow: Norma; 2008: 620. (In Russ.).

Токарева Елена Валерьевна,

заместитель начальника кафедры
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук; ele12327@yandex.ru

Демидова Татьяна Владимировна,

заместитель начальника кафедры
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент; pokatovich@mail.ru

Tokareva Elena Valeryevna,

deputy head of the department
of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia; ele12327@yandex.ru

Demidova Tatiana Vladimirovna,

deputy head of the department
of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex of forensic examination
of the Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia; pokatovich@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

УДК 343.982.4
doi: 10.25724/VAMVD.A186

**ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И МЕТОДИКА
СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РУКОПИСЕЙ
ИНОЯЗЫЧНОГО ГРАФИЧЕСКОГО СОСТАВА**

Андрей Михайлович Бобовкин

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
mbobovkin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные методические положения и методика судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава.

Высказывается мнение, что в зависимости от типа, вида, подвида (языка), каллиграфического стиля письма иноязычные рукописи характеризуются спецификой графического состава. Разнообразие его показателей соответствует множеству объектов и задач судебного почерковедения, решение которых имеет актуальный характер и зависит от инноваций в методической сфере.

Делается вывод, что общая уровневая структура процесса судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы иноязычных рукописей характерна для решения задач, связанных с исследованием текстов, кратких записей и подписей. Специфика этих объектов – состав, объем, условия выполнения – отражается в частном содержании экспертных действий на уровнях предварительного и детального комплексного лингвистического и судебно-почерковедческого исследования (качественно-описательного, количественного), оформления результатов производства экспертизы.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза рукописей иноязычного графического состава, уровневая структура и содержание экспертных действий, комплексное лингвистическое и судебно-почерковедческое исследование

Для цитирования: Бобовкин А. М. Основные методические положения и методика судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 148–161. doi: 10.25724/VAMVD.A186

**THE MAIN METHODOLOGICAL PROVISIONS
AND METHODOLOGY OF FORENSIC INSPECTION
OF MANUSCRIPTS OF FOREIGN LANGUAGE GRAPHIC COMPOSITION**

Andrey Mikhailovich Bobovkin

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main methodological provisions and methodology of forensic inspection of manuscripts of foreign language graphic composition.

© Бобовкин А. М., 2023

It is expressed that depending on the type, type, subspecies (language), calligraphic style of writing, foreign manuscripts are characterized by the specifics of the graphic composition. The variety of its indicators corresponds to many objects and tasks of forensic handwriting, the solution of which is relevant and depends on innovations in the methodological field.

It is concluded that the general level structure of the process of forensic identification examination of foreign manuscripts is characteristic of solving problems related to the study of texts, brief records and signatures. The specificity of these objects is the composition, volume, conditions of the implementation is reflected in the private content of expert actions at the levels of preliminary and detailed comprehensive linguistic and forensic research studies (qualitative-descriptive, quantitative), the design of the results of the examination.

Keywords: forensic inspection of manuscripts of foreign language graphic composition, level structure and content of expert actions, comprehensive linguistic and forensic examination

For citation: Bobovkin A. M. The main methodological provisions and methodology of forensic inspection of manuscripts of foreign language graphic composition. Forensic Examination, 148–161, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A186

На современном этапе методический потенциал судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава находится в зоне повышенного внимания ученых-криминалистов. Это вызвано тем, что среди представленных в нем разработок превалируют достижения советского времени, которые теперь лишь частично отвечают запросам судебно-экспертной практики. За пределами накопленных знаний остаются методы и методики исследования письма стран ближнего и дальнего зарубежья, особенности которого часто используют мигранты в Российской Федерации для сокрытия преступлений.

В зависимости от типа, вида, подвида (языка), каллиграфического стиля письма иноязычные рукописи (тексты, краткие записи, подписи) обладают спецификой графического состава. Разнообразие его показателей соответствует множество объектов и задач судебного почерковедения, решение которых имеет актуальный характер и зависит от инноваций в методической сфере.

Анализ источников специальной литературы показывает, что научно-исследовательская деятельность в этом направлении включает, прежде всего, разработку основных методических положений и методики судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей. Указанные знания являются наиболее общими и используются для создания производных от них частных методик и методов судебного почерковедения.

Основные методические положения связаны с решением вопросов о характере, структуре, содержании процесса судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава. В целом они имеют краеугольное научно-практическое значение, так как получают своеобразное выражение в определенных методических разработках.

Характер процесса судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей определяется формой ее производства. Опытным путем установлено, что наибольший уровень эффективности данного подвида судебно-почерковедческой

экспертизы достигается в результате комплексного лингвистического и судебно-почерковедческого исследования. В основе его реализации лежит единоличная или коллегиальная деятельность субъектов, компетентных в указанных областях специальных знаний. Этот круг включает сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, частных экспертов, иных сведущих лиц по вопросам лингвистики и судебного почерковедения.

Распределение действий коллегии экспертов – лингвиста и почерковеда осуществляется следующим образом. Решение промежуточных задач по установлению типа, вида, подвида (языка) письма, речевых и графических особенностей исполнителя иноязычной рукописи относится к числу функций эксперта-лингвиста. Решение основной идентификационной задачи экспертизы с использованием промежуточных лингвистических данных, результатов определения каллиграфического стиля, норм прописи, транскрипции письма, условий выполнения иноязычной рукописи и сравнительных образцов входит в функции эксперта-почерковеда.

Эксперт, единолично обладающий специальными знаниями в области лингвистики и судебного почерковедения, решает все задачи производства данной экспертизы в индивидуальном порядке.

Комплексный характер исследования рукописей иноязычного графического состава требует четкой организации структуры и содержания процесса решения основной задачи экспертизы, составления заключения и прилагаемого к нему иллюстрационного материала.

Формирование структуры процесса судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей определяется ее целью и уровневый принцип организации в зависимости от элементов верхнего звена комплексного исследования. Решение основной идентификационной задачи и оформление результатов, как правило, не превышают пять уровней.

Содержание первого уровня включает осмотр материалов и предварительный анализ объектов комплексного лингвистического и судебно-почерковедческого исследования, планирование процесса экспертизы. Второй уровень образует детальное лингвистическое исследование иноязычной рукописи и сравнительных образцов (раздельный анализ, сравнение, оценка), которое завершается формированием выводов о типе, виде, подвиде – языке письма, речевых и графических особенностях исполнителя иноязычной рукописи. Третий уровень охватывает детальное традиционное судебно-почерковедческое исследование с определением каллиграфического стиля, норм прописи, транскрипции письма, свойств и признаков представленных объектов, формирование выводов об условиях выполнения и исполнителе иноязычной рукописи. Четвертый уровень носит ситуативный характер: проводится в случае низкой эффективности основной части традиционного исследования, когда для этого имеются методические возможности. Его содержание представляет детальное количественное судебно-почерковедческое исследование иноязычной рукописи и сравнительных образцов, которое завершается формированием окончательного вывода об исполнителе иноязычной рукописи. Пятый уровень связан с оформлением результатов комплексного лингвистического и судебно-почерковедческого исследования в виде заключения эксперта и прилагаемого к нему иллюстративного материала.

Таким образом, элементы верхнего звена процесса судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы иноязычных рукописей характеризуются следующей организацией уровней:

1. Предварительное комплексное исследование.
2. Детальное лингвистическое исследование.
3. Детальное традиционное судебно-почерковедческое исследование.
4. Дополнительное количественное судебно-почерковедческое исследование.
5. Оформление результатов экспертизы.

Первый уровень имеет организационное и гипотетическое значение. Проводится осмотр – предварительный анализ исследуемой иноязычной рукописи и сравнительных образцов по наиболее броским признакам письма, информативным с точки зрения решения лингвистических и судебно-почерковедческих задач комплексного исследования. В результате выдвигаются экспертные версии о письменно-речевых свойствах, способе и условиях выполнения, исполнителе иноязычной рукописи. Формируется общее представление о специфике производства экспертизы – класс, подкласс, вид, подвид, группа, подгруппа. Устанавливаются основные и промежуточные экспертные задачи, общее и частное методическое обеспечение (методы, приемы, технические средства), последовательность комплексного исследования. Осуществляется планирование дальнейшего процесса экспертизы.

Второй уровень направлен на производство детального лингвистического исследования. Проводится всесторонний анализ иноязычной рукописи и сравнительных образцов по системе признаков письма, информативных для решения лингвистических задач комплексного исследования. Оценка установленных данных завершается формированием промежуточных экспертных выводов о типе, виде, подвиде – языке письма, речевых и графических особенностях исполнителя иноязычной рукописи и сравнительных образцов, их сопоставимости между собой.

Третий уровень охватывает детальное решение экспертных задач судебно-почерковедческого профиля с использованием традиционных средств методического обеспечения. Определяются способ выполнения, каллиграфический стиль, нормы прописи, транскрипция представленных объектов. Реализуется интеграция в общую структуру процесса экспертизы частной методики идентификации почерка исходя из специфики вида и графического состава иноязычной рукописи. Ее применение обеспечивает углубление комплексного исследования, определяет его дальнейшую структуру и содержание. На основе детального раздельного анализа, сравнения, оценки показателей качественного выражения в иноязычной рукописи и сравнительных образцах разных категорий признаков письма устанавливаются промежуточные данные о каллиграфическом стиле, нормах прописи, транскрипции, условиях акта письма, формируется вывод об исполнителе иноязычной рукописи.

Четвертый уровень обеспечивает дополнительное решение основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования с использованием потенциала количественных методических средств. Проводится в ситуации низкой эффективности традиционного процесса идентификации почерка при наличии альтернативных экспертных технологий. В соответствии с условиями применения

определенных модельных методов и методик судебного почерковедения осуществляется детальный анализ показателей количественного выражения в иноязычной рукописи и сравнительных образцах идентификационных признаков письма. Достигается окончательное решение основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования. Дается обоснование и формулировка заключительного вывода об исполнителе иноязычной рукописи.

Пятый уровень проводится в соответствии с законодательством РФ о судебной экспертизе. В процессе его реализации оформляются результаты комплексного лингвистического и судебно-почерковедческого исследования иноязычной рукописи в виде экспертного заключения с прилагаемым к нему иллюстрационным материалом.

Изложенные выше данные позволяют сформулировать понятие методики судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей, в основу которого берутся следующие положения. Во-первых, данную методику образует система методов, приемов и технических средств [1]. Во-вторых, ее специфику определяет комплексный лингвистический и судебно-почерковедческий характер, многоуровневая структура и интегративное содержание общих и частных закономерностей процесса решения экспертных задач, связанных с исследованием иноязычных рукописей.

Таким образом, методика судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава – это система методов, приемов и технических средств, определяющая комплексный лингвистический и судебно-почерковедческий характер, многоуровневую структуру, интегративное содержание общих и частных закономерностей процесса решения экспертных задач, связанных с исследованием иноязычных рукописей.

Методика судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей является частной по отношению к общей методике судебно-почерковедческой экспертизы на уровне ее подвида, который определяется в зависимости от графического состава непосредственного объекта. Образующая данную методику система методов, приемов и технических средств имеет традиционную для современного уровня развития судебного почерковедения понятийную субординацию [2].

Процесс решения основной идентификационной, или диагностической, задачи комплексного исследования соответствует понятию «методика судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава». Решение промежуточных лингвистических и судебно-почерковедческих задач отдельных уровней, стадий, этапов, устанавливающих последовательность – алгоритм экспертных действий, связано с использованием понятий «метод», «прием (способ, операция)» комплексного исследования.

Технические средства включают научно-исследовательскую аппаратуру (лупы, микроскопы, спектральные компараторы), в том числе образцы цифровой техники с программным обеспечением, использование которой рассматривается как прием в решении задачи этапа судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей.

Комплектация методики судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей методами, приемами и техническими средствами осуществляется исходя из анализа их эффективности в решении задач комплексного лингвистического

и почерковедческого исследования. При этом учитываются точность и достоверность полученных результатов.

Специфика графического состава иноязычных рукописей – непосредственных объектов судебно-почерковедческой экспертизы зависит от типа, вида, подвида и каллиграфического стиля письма, что требует создания адекватных средств методического обеспечения.

Систематизация методик судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава реализуется по традиционным в судебном почерковедении основаниям. Главными из них являются степень общности решаемых задач и однородность методов исследования.

По степени общности решаемых задач методики судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей делятся на частные и конкретные относительно класса, подкласса, вида, подвида, группы и подгруппы комплексного исследования.

В зависимости от класса различаются частные идентификационные и диагностические методики комплексного исследования. На уровне подкласса – частные методики индивидуальной (единичной) и групповой (многообъектной) идентификации и диагностики. Уровень вида представляют частные методики исследования иноязычных текстов, кратких записей, подписей. На уровне подвида частные методики делятся в зависимости от типа, вида, подвида и каллиграфического стиля элементов состава объектов. Уровень группы охватывает конкретные методики, учитывающие большой, средний и малый объем иноязычных рукописей. На уровне подгруппы выделяются конкретные методики исследования иноязычных рукописей, выполненных в обычных и необычных условиях письма, обусловленных влиянием сбивающих факторов.

В то же время систематизация частных и конкретных методик данной экспертизы имеет научное, а также практическое значение. Использование частной методики на уровне класса, подкласса, вида, подвида обеспечивает предварительное решение основной задачи комплексного исследования иноязычных рукописей. Применение конкретной методики на уровне группы и подгруппы связано с окончательным достижением намеченной цели.

По однородности методов комплексного, лингвистического и судебно-почерковедческого исследования иноязычных рукописей различаются качественно-описательные, количественные, кибернетические и комбинированные экспертные методики.

Качественно-описательные методики судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава основаны на применении традиционных в лингвистике и судебном почерковедении качественных методов исследования представленных объектов (анализ, сравнение, синтез) и оформления его результатов. Количественные и кибернетические методики связаны с использованием модельных и других математических методов комплексного исследования, методов программного обеспечения экспертной деятельности на ЭВМ. Комбинированные методики данной экспертизы сочетают в себе качественные, количественные, кибернетические методы комплексного лингвистического и судебно-почерковедческого исследования иноязычных рукописей.

На современном этапе методика судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей включает качественно-описательные и по ситуации количественные методы. В сочетании с определенными приемами и техническими средствами они образуют единую систему. Ее использование составляет процесс решения основной экспертной задачи комплексного исследования – идентификационной, или диагностической.

Для процесса судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы иноязычных рукописей характерна структура с иерархическим делением на уровни, стадии, этапы¹. Содержание этих звеньев комплексного исследования образует алгоритм решения промежуточных и основной экспертной задачи по установлению исполнителей иноязычных рукописей.

Уровень 1. Предварительное комплексное исследование.

- 1.1. Ознакомление с материалами экспертизы.
- 1.2. Предварительный анализ иноязычной рукописи.
- 1.3. Предварительный анализ сравнительных образцов.
- 1.4. Предварительное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов.
- 1.5. Оценка результатов предварительного комплексного исследования, выдвижение экспертных версий.
- 1.6. Определение задач комплексного исследования.
- 1.7. Определение методической базы решения задач комплексного исследования.

- 1.8. Планирование процесса экспертизы.

Стадия 1.1. Ознакомление с материалами экспертизы.

- 1.1.1. Определение наличия и состояния материалов экспертизы.
- 1.1.2. Уяснение экспертного задания.
- 1.1.3. Установление версий участников процесса (следователя, суда и др.) по кругу вопросов, составляющих предмет экспертизы.
- 1.1.4. Ознакомление с обстоятельствами дела, имеющими значение для производства экспертизы. Запрос дополнительных сведений.

Стадия 1.2. Предварительный анализ иноязычной рукописи.

- 1.2.1. Осмотр иноязычной рукописи на предмет ее достоверности, способа выполнения, целевого предназначения.
- 1.2.2. Определение материалов и орудий письма.
- 1.2.3. Оценка достаточности графического материала в иноязычной рукописи для производства комплексного исследования.
- 1.2.4. Предварительный анализ иноязычной рукописи по броским признакам письма, информативным для решения лингвистических и судебно-почерковедческих задач комплексного исследования.

Стадия 1.3. Предварительный анализ сравнительных образцов.

- 1.3.1. Определение наличия, способа выполнения, вида, качества, количества, достаточности, достоверности сравнительных образцов.

---

¹ Каждый уровень делится на стадии, каждая стадия – на этапы.

1.3.2. Предварительный анализ сравнительных образцов по броским признакам письма, информативным для решения лингвистических и судебно-почерковедческих задач комплексного исследования.

1.3.3. Уточнение экспертного задания.

Стадия 1.4. Предварительное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

1.4.1. Предварительное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по броским признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

1.4.2. Предварительное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по броским признакам письма, информативным для решения судебно-почерковедческих задач комплексного исследования.

Стадия 1.5. Оценка результатов предварительного комплексного исследования, выдвижение экспертных версий.

1.5.1. Оценка результатов предварительного лингвистического исследования, выдвижение экспертных версий о письменно-речевых свойствах иноязычной рукописи.

1.5.2. Оценка результатов предварительного судебно-почерковедческого исследования, выдвижение экспертных версий о графических свойствах, условиях выполнения, предполагаемом исполнителе иноязычной рукописи.

Стадия 1.6. Определение задач комплексного исследования.

1.6.1. Определение лингвистических задач комплексного исследования.

1.6.2. Определение судебно-почерковедческих задач комплексного исследования.

Стадия 1.7. Определение методической базы решения задач комплексного исследования.

1.7.1. Определение методической базы решения лингвистических задач комплексного исследования.

1.7.2. Определение методической базы решения судебно-почерковедческих задач комплексного исследования.

Стадия 1.8. Планирование процесса экспертизы.

1.8.1. Планирование детального лингвистического исследования.

1.8.2. Планирование детального судебно-почерковедческого исследования.

1.8.3. Планирование оформления результатов экспертизы.

Уровень 2. Детальное лингвистическое исследование.

2.1. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

2.2. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

2.3. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

2.4. Оценка результатов детального лингвистического исследования, формирование промежуточных выводов.

Стадия 2.1. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

2.1.1. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам, информативным для установления типа, вида, подвида (языка) письма.

2.1.2. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам, информативным для установления речевых и графических особенностей письма исполнителя.

Стадия 2.2. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

2.2.1. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам, информативным для установления типа, вида, подвида (языка) письма.

2.2.2. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам, информативным для установления речевых и графических особенностей письма исполнителя.

Стадия 2.3. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для решения лингвистических задач комплексного исследования.

2.3.1. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам, информативным для установления типа, вида, подвида (языка) письма.

2.3.2. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам, информативным для установления речевых и графических особенностей письма исполнителя.

Стадия 2.4. Оценка результатов детального лингвистического исследования, формирование промежуточных выводов.

2.4.1. Оценка результатов детального лингвистического исследования, формирование промежуточных выводов о типе, виде, подвиде (языке) иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

2.4.2. Оценка результатов детального лингвистического исследования, формирование промежуточных выводов о речевых и графических особенностях иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

2.4.3. Оценка результатов детального лингвистического исследования, формирование промежуточных выводов о сопоставимости иноязычной рукописи и сравнительных образцов по типу, виду, подвиду (языку), речевым и графическим особенностям письма.

2.4.4. Запрос дополнительных сравнительных образцов, сопоставимых иноязычной рукописи по письменно-речевым свойствам.

Уровень 3. Детальное традиционное судебно-почерковедческое исследование.

3.1. Детальный анализ иноязычной рукописи и сравнительных образцов на предмет установления способа их выполнения.

3.2. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам письма, информативным для традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования.

3.3. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования.

3.4. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования.

3.5. Оценка результатов традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования, формирование промежуточных выводов.

3.6. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам письма, информативным для традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

3.7. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

3.8. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

3.9. Оценка результатов традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования, формирование заключительных выводов.

Стадия 3.1. Детальный анализ иноязычной рукописи и сравнительных образцов на предмет установления способа их выполнения.

3.1.1. Детальный анализ иноязычной рукописи на предмет установления оригинального или технического способа ее выполнения.

3.1.2. Детальный анализ сравнительных образцов на предмет установления оригинального или технического способа их выполнения.

Стадия 3.2. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам письма, информативным для традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования.

3.2.1. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам, информативным для установления каллиграфического стиля, норм прописи и транскрипции письма.

3.2.2. Детальный анализ иноязычной рукописи по диагностическим признакам, информативным для установления условий письма.

Стадия 3.3. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования.

3.3.1. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам, информативным для установления каллиграфического стиля, норм прописи и транскрипции письма.

3.3.2. Детальный анализ сравнительных образцов по диагностическим признакам, информативным для установления условий письма.

Стадия 3.4. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования.

3.4.1. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам, информативным для установления каллиграфического стиля, норм прописи и транскрипции письма.

3.4.2. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по диагностическим признакам, информативным для установления условий письма.

Стадия 3.5. Оценка результатов традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования, формирование промежуточных выводов.

3.5.1. Оценка результатов традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования, формирование промежуточных выводов о каллиграфическом стиле, нормах прописи, транскрипции иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

3.5.2. Оценка результатов традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования, формирование промежуточных выводов об условиях выполнения иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

3.5.3. Оценка результатов традиционного решения судебно-почерковедческих подзадач комплексного исследования, формирование промежуточных выводов о сопоставимости каллиграфического стиля, норм прописи, транскрипции, условий выполнения иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

3.5.4. Запрос дополнительных сравнительных образцов, сопоставимых иноязычной рукописи по формально-графическим свойствам письма, транскрипции и условиям выполнения.

3.5.5. Выбор конкретной методики традиционной судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы рукописей иноязычного графического состава.

Стадия 3.6. Детальный анализ иноязычной рукописи по признакам письма, информативным для традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

3.6.1. Детальный анализ иноязычной рукописи по показателям качественного выражения общих идентификационных признаков письма.

3.6.2. Детальный анализ иноязычной рукописи по показателям качественного выражения частных идентификационных признаков письма.

Стадия 3.7. Детальный анализ сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

3.7.1. Детальный анализ сравнительных образцов по показателям качественного выражения общих идентификационных признаков письма.

3.7.2. Детальный анализ сравнительных образцов по показателям качественного выражения частных идентификационных признаков письма.

Стадия 3.8. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

3.8.1. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по показателям качественного выражения общих идентификационных признаков письма.

3.8.2. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по показателям качественного выражения частных идентификационных признаков письма.

Стадия 3.9. Оценка результатов традиционного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования, формирование заключительных выводов.

3.9.1. Оценка результатов детального сравнения качественных показателей общих идентификационных признаков письма, формирование вывода о групповой принадлежности исполнителя иноязычной рукописи и сравнительных образцов.

3.9.2. Оценка результатов детального сравнения качественных показателей частных идентификационных признаков письма, формирование вывода об исполнителе иноязычной рукописи.

Уровень 4. Дополнительное количественное судебно-почерковедческое исследование.

4.1. Выбор конкретного модельного метода или методики решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.2. Детальный анализ иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для количественного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.3. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для количественного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.4. Оценка результатов дополнительного количественного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования, формирование вывода об исполнителе иноязычной рукописи.

Стадия 4.1. Выбор конкретного модельного метода или методики решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.1.1. Определение круга модельных методов и методик, пригодных для решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.1.2. Анализ условий применения методических средств, выбор конкретного модельного метода или методики решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

Стадия 4.2. Детальный анализ иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для количественного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.2.1. Детальный анализ частоты встречаемости, идентификационной значимости и других показателей количественного выражения в иноязычной рукописи признаков письма, информативных для решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.2.2. Детальный анализ частоты встречаемости, идентификационной значимости и других показателей количественного выражения в сравнительных образцах признаков письма, информативных для решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

Стадия 4.3. Детальное сравнение иноязычной рукописи и сравнительных образцов по признакам письма, информативным для количественного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования.

4.3.1. Детальное сравнение показателей частоты встречаемости идентификационных признаков письма, совпадающих в иноязычной рукописи и сравнительных образцах.

4.3.2. Детальное сравнение показателей количественного выражения в иноязычной рукописи и сравнительных образцах идентификационных признаков письма, исходя из требований конкретного модельного метода или методики судебно-почерковедческой экспертизы.

Стадия 4.4. Оценка результатов дополнительного количественного решения основной судебно-почерковедческой задачи комплексного исследования, формирование вывода об исполнителе иноязычной рукописи.

4.4.1. Оценка результатов детального сравнения показателей частоты встречаемости идентификационных признаков письма, совпадающих в иноязычной рукописи и сравнительных образцах, формирование вывода об уровне их соответствия для почерка одного лица.

4.4.2. Вероятностно-статистическая, иная математическая оценка результатов детального анализа, сравнения показателей количественного выражения в иноязычной рукописи и сравнительных образцах идентификационных признаков письма, формирование вывода об исполнителе иноязычной рукописи.

Уровень 5. Оформление результатов экспертизы.

5.1. Составление заключения эксперта.

5.2. Составление иллюстрационного материала.

Стадия 5.1. Составление заключения эксперта.

5.1.1. Составление вводной части заключения.

5.1.2. Составление исследовательской части заключения.

5.1.3. Составление выводной части заключения.

Стадия 5.2. Составление иллюстрационного материала.

5.2.1. Составление иллюстраций объектов и процесса исследования.

5.2.2. Разметка информативных признаков на иллюстрациях.

5.2.3. Заключительное оформление иллюстраций.

Рассмотренная выше общая структура процесса судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы иноязычных рукописей характерна для решения задач, связанных с исследованием текстов, кратких записей и подписей. Специфика этих объектов – состав, объем, условия выполнения – отражается в частном содержании экспертных действий на уровнях предварительного, детального лингвистического и судебно-почерковедческого комплексного исследования (качественно-описательного, количественного), оформления результатов производства экспертизы.

Полагаем, что сформулированные нами основные методические положения и создание методики судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава имеют большое значение для развития теории и практики судебного почерковедения. Они получают конкретное выражение в частных методических разработках комплексного лингвистического и судебно-

почерковедческого исследования отдельных типов, видов и подвидов письма, что способствует повышению уровня законности и правопорядка в Российской Федерации.

Список источников

1. Судебно-почерковедческое и технико-криминалистическое исследование документов: практ. пособие / под ред. М. В. Бобовкина, А. А. Проткина. Москва: Юрайт, 2019. 269 с.

2. Серегин В. В., Орлова В. Ф., Бобовкин М. В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 338 с.

References

1. Forensic handwriting and technical and forensic research of documents. Practical guide. Ed. by M. V. Bobovkin, A. A. Protkin. Moscow: Yurait; 2019: 269. (In Russ.).

2. Seregin V. V., Orlova V. F., Bobovkin V. V. Handwriting studies and handwriting examination. Textbook. Ed. by V. V. Seregin. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2007: 338. (In Russ.).

Бобовкин Андрей Михайлович,

адъюнкт Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
mbobovkin@yandex.ru

Bobovkin Andrey Mikhailovich,

adjunct of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
mbobovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.

* * *

**ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»,
ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ**

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.
Регистрационный номер в Роскомнадзоре – ПИ № ФС77-77511.
Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: педагогических работников, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей ВА МВД России и других образовательных организаций, сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

Приоритетными задачами издания являются:

- ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;
- анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;
- представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;
- организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществление профессиональной подготовки судебных экспертов.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессиональной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Объем рукописи должен составлять не менее 12 страниц печатного текста. Рукопись, подготовленная автором иностранного государства, представляется и издается на английском языке.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

Каждая статья должна содержать:

1. Заголовок на русском и английском языке.
2. Аннотацию¹ на русском и английском языке (от 120 до 250 слов). Аннотация должна содержать следующие аспекты содержания статьи:
  - 2.1. Предмет, цель работы.
  - 2.2. Метод или методологию проведения работы.
  - 2.3. Результаты работы.
  - 2.4. Область применения результатов.
  - 2.5. Выводы.
3. Ключевые слова¹ на русском и английском языке.

---

¹ **Аннотация** – краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

4. Сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты – данные сведения будут опубликованы).

5. Пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТа Р 7.0.5–2008, на русском и английском языках.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее дата, ФИО руководителя, его подпись.

Вместе с рукописью статьи в редакцию журнала направляется заполненная и подписанная заявка (бланк на сайте журнала: www.va-mvd.ru/sudek/).

Рукописи статей, оформленные с нарушением установленных требований, к рассмотрению не принимаются.

Электронный вариант рукописи статьи в формате .doc и скан-копия заявки направляются на адрес редакции журнала: c-expertisa@yandex.ru.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на оригинальность на сайте www.antiplagiat.ru.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

В случае возникновения вопросов обращаться по телефонам: (8442) 24-83-64, (8442) 24-83-62.

---

¹ **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5–15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД – это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.